ЛЕНИН

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 39 СЕНТЯБРЬ 1982

Встреча на аэродроме.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖ

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 39 (2880)

25 СЕНТЯБРЯ 1982

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 20 сентября в Москву с официальным дружественным визитом прибыла Премьер-Министр Республики Индии Индира Ганди.

На Внуковском аэродроме у трапа самолета ее приветствовали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

Среди встречавших находился посол Индии в СССР В. К. Ахуджа.

20 сентября в Кремле начались советско-индийские переговоры.

С советской стороны переговоры вели: Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев.

С индийской стороны: Премьер-Министр Индии Индира Ганди, министр иностранных дел Индии П. В. Нарасимха Рао, главный советник премьер-министра Дж. Партхасаратхи, главный секретарь премьер-министра д-р П. Ч. Александер, секретарь по иностранным делам МИД Индии М. Расготра, экономический советник премьер-министра А. К. Сенгупта.

ЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, состоялся углубленный обмен мнениями по узловым вопросам советско-индийских отношений, а также по широкому кругу проблем современной международной обстановки.

Было с удовлетворением отмечено стабильное поступательное развитие дружественных советско-индийских отношений, плодотворного сотрудничества между двумя странами в политической, экономической и других областях на прочной основе Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, а также успешное претворение в жизнь соглашений и договоренностей, достигнутых в ходе встречи руководителей СССР и Индии в Дели в 1980 году. С обеих сторон подтверждено стремление и впредь всемерно расширять и углублять это сотрудничество, взаимодействие СССР и Индии на международной арене на благо народов обеих стран, в интересах укрепления мира и безопасности в Азии и во всем мире.

При обсуждении международных проблем была выражена озабоченность опасным ростом напряженности в мире в результате взвинчивания гонки вооружений, возникновения очагов военных конфликтов, провозглашения опасных милитаристских доктрин, оправдывающих допустимость ядерной войны.

Участники переговоров решительно осудили поощряемую извне преступную агрессию Израиля против ливанского, палестинского и других арабских народов, его кровавые злодеяния на ливанской земле и потребовали немедленного и безусловного вывода израильских войск из Ливана. Трагические события в Ливане вновь со всей остротой ставят вопрос о необходимости скорейшего осуществления справедливого и всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы, которое, по твердому убеждению СССР и Индии, может быть достигнуто лишь при участии всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины — единственного законного представителя палестинского народа.

На переговорах было отмечено, что в нынешней сложной международной обстановке еще более возрастает значение движения неприсоединения, его активного участия в борьбе против империализма, колониализма и расизма. Л. И. Брежнев высоко оценил конструктивную роль Индии в этом движении и выразил уверенность, что как один из основателей и признанных лидеров движения неприсоединения Индия будет содействовать его сплочению вокруг благородных целей борьбы за мир, международную безопасность и свободу народов.

20 сентября Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР дали в Большом Кремлевском дворце обед в честь Премьер-Министра Республики Индии И. Ганди.

Вместе с И. Ганди были сопровождавшие ее индийские государственные деятели.

С советской стороны на обеде были: Л. И. Брежнев, Н. А. Тихонов, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, заместители Председателя Совета Министров СССР, председатели палат Верховного Совета СССР, министры СССР, председатели госкомитетов СССР, другие официальные лица.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев выступил на обеде с речью.

С ответной речью выступила И. Ганди.

Речи Л. И. Брежнева и И. Ганди были выслушаны с вниманием и встречены аплодисментами.

Обед прошел в теплой, дружественной обстановке.

Подписание советско-индийской декларации.

21 сентября в Кремле завершились советско-индийские переговоры.

В теплой, дружественной обстановке был продолжен обмен мнениями по ряду международных проблем, представляющих взаимный интерес.

Было выражено единодушное убеждение в том, что растущее взаимодействие СССР и Индии в борьбе против угрозы войны и гонки вооружений, за разрядку напряженности и равноправное сотрудничество государств становится все более важным фактором мировой политики, оказывающим благотворное воздействие на международную обстановку.

И. Ганди высоко оценила конструктивные усилия Советского Союза, направленные на сокращение вооружений и ослабление угрозы ядерной войны, в особенности торжественно принятое им на себя обязательство не применять первым ядерное оружие, изложенное в послании Л. И. Брежнева второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

С обеих сторон была выражена озабоченность сохраняющейся напряженностью в Азии.

В переговорах приняли участие: с советской стороны — посол СССР в Индии Ю. М. Воронцов, референт Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин;

с индийской стороны — посол Индии в Советском Союзе В. К. Ахуджа.

В этот же день И. Ганди посетила Мавзолей В. И. Ленина и возложила венок. Венок был возложен

ПЕРЕГОВОРЫ В КРЕМЛЕ

15 сентября в Кремле состоялись советско-южнойеменские переговоры.

С советской стороны переговоры вели: Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил — первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Н. В. Огарков.

С южнойеменской стороны: Генеральный секретарь ЦК Йеменской социалистической партии (ЙСП), Председатель Президиума Верховного Народного совета Народной Демократической Республики Йемен, Премьер-Министр НДРЙ Али Насер Мухаммед, член Политбюро ЦК ЙСП, секретарь ЦК ЙСП А. Г. А. Кадер, секретарь ЦК ЙСП С. С. Мухаммед, член ЦК ЙСП, министр обороны С. М. Касем, член ЦК ЙСП, министр иностранных дел А. А. ад-Дали, член ЦК ЙСП, министр строительства Х. А. Б. аль-Аттас.

На переговорах, проходивших в теплой, товарищеской атмосфере, были рассмотрены актуальные проблемы современной международной обстановки и прежде всего положение на Ближнем Востоке.

* * *

16 сентября Генеральный секретарь ЦК Йеменской социалистической партии, Председатель Президиума Верховного Народного совета, Премьер-Министр Народной Демократической Республики Йемен Али Насер Мухаммед отбыл из Советского Союза.

Во время переговоров.

также к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

21 сентября в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание совместной советско-индийской декларации.

Декларацию подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Премьер-Министр Республики Индии Индира Ганди.

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

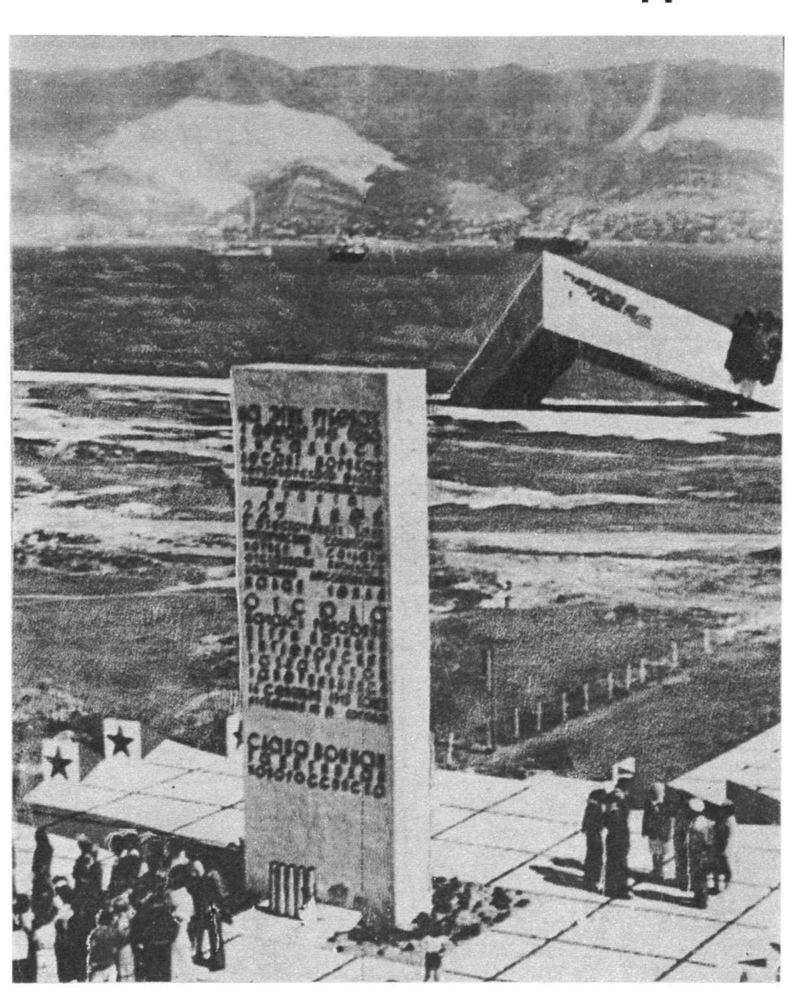
В Новороссийске состоялись торжества, посвященные открытию мемориального комплекса «Героям гражданской войны и Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». Открытие совпало с 39-й годовщиной освобождения города от фашистских захватчиков. На торжества приехали ветераны войны, представители городов-героев, гости из соревнующихся областей.

Идет традиционный мемориальный час — он проводится в городе каждую годовщину разгрома гитлеровцев. По празднично украшенным улицам в сопровождении воинского эскорта на Малую землю направляется бронетранспортер со знаменами. Вот он приближается к плацдарму, где 225 дней самоотверженно сражались с фашистами части 18-й армии. Теперь на этом месте навечно установлена бронзовая фигура матроса с гранатой в руке...

На площади начинается митинг. Первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС В. И. Воротников зачитывает собравшимся приветственное письмо Л. И. Брежнева. «Проходят годы, но в благодарной памяти людей живут и будут вечно жить герои сражений на новороссийской земле»,— пишет Леонид Ильич Брежнев.

Раздаются залпы артиллерийских орудий, разрезается лента. Мемориал открыт. К подножию памятника-корабля возлагаются венки, гирлянды славы. С рейда Цемесской бухты доносятся гудки пароходов, с кораблей, стоящих в створе высадки десанта малоземельцев, опускаются на воду венки.

Малая земля навсегда стала символом мужества и стойкости, навсегда вошла в память народную.

Стела и памятник-ансамбль на Малой земле на месте высадки десанта в 1943 году.

Телефото Н. Малышева и Е. Шулепова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ НДРЙ

15 сентября в Кремле Генеральный секретарь ЦК Йеменской социалистической партии, Председатель Президиума Верховного Народного совета, Премьер-Министр НДРЙ А. Н. Мухаммед вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу высшую награду Народной Демократической Республики Йемен — орден «Революции 14 октября».

При награждении были товарищи А. А. Громыко, К. У. Черненко, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, другие официальные лица.

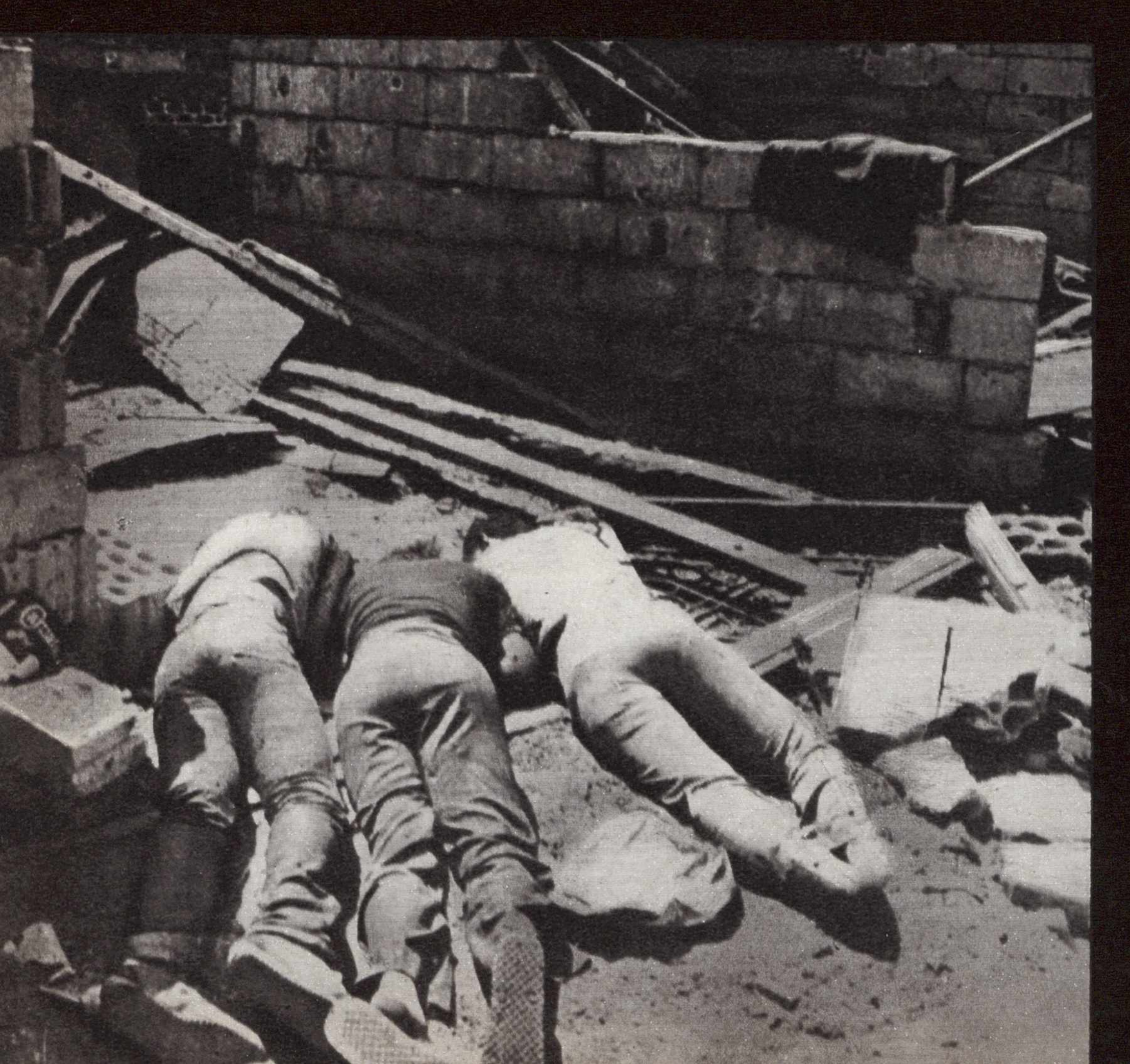
С южнойеменской стороны присутствовали сопровождавшие в поездке А. Н. Мухаммеда партийные и государственные деятели.

Во время вручения награды.

Фото А. Гостева

КРОВАВОЕ П
ИЗРАИЛЬСКО

Лагеря палестинских беженцев Сабра и Шатила в Западном Бейруте. Именно здесь израильские палачи устроили зверскую бойню, уничтожив тысячи ни в чем не повинных мирных жителей. Очевидцы, чудом уцелевшие после этой расправы, рассказывают, что расстрела не избежали даже грудные дети...

Телефото ЮПИ—ТАСС

Комментарий Леонида КОРЯВИНА «Вандализм» о событиях в Ливане читайте на стр. 30.

РЕСТУПЛЕНИЕ Й ВОЕНЩИНЫ

Вновь льется кровь на улицах столицы Ливана. Вновь рвутся снаряды и мины, ревут моторы танков, а израильская солдатня пополняет свой «послужной список» новыми тысячами невинных жертв.

Драматические события, которые происходят в последние дни в Западном Бейруте, вновь показывают, чего стоят многочисленные заявления израильского руководства о его стремлении к миру и какова истинная цена американских гарантий и обещаний.

Министр иностранных дел Израиля Шамир заявил на днях, что штурм Западного Бейрута был предпринят с целью «предотвратить опасное развитие событий в Бейруте после убийства президента Б. Жмайеля». Поистине нужно все поставить с ног на голову, чтобы утверждать, что для предотвращения неких «опасных событий» нужны новые тысячи трупов!

Массовые расстрелы мирных жителей из лагерей палестинских беженцев—вот последнее по счету преступление израильской военщины; разграбление государственных и научных учреждений — дикие акты вандализма и мародерства.

Мировая общественность потрясена и возмущена действиями Израиля. Спокоен лишь официальный Вашингтон, где до сих пор делают вид, что «ничего особенного не происходит». «Если у кого-то и были иллюзии,— говорится в послании Л. И. Брежнева Я. Арафату,— что Вашингтон окажет поддержку арабам, не допустит расправы над палестинцами после ухода палестинских военных формирований из Бейрута — ведь именно это официально обещал Белый дом,— то теперь эти иллюзии растворились в потоках крови в палестинских лагерях». «События в Ливане,— отмечает издающаяся в Объединенных Арабских Эмиратах газета «Аль-Баян»,— чреваты смертельной опасностью для всего арабского мира. Ливанская трагедия — это только пролог к осуществлению далеко идущих планов, направленных на полное и окончательное подчинение Ближнего Востока политическому и военному влиянию США... Израиль — это орудие широкомасштабного заговора, имеющего целью фактическую перекройку политической карты Ближнего Востока...»

Что касается карт несуществующих, но предполагаемых владений, то они уже давно отпечатаны в Израиле. Небезынтересен в этом плане тот факт, что посетители ресторана отеля «Шератон» в Тель-Авиве уже сегодня могут отобедать за столиками, которые покрыты скатертями с изображением именно этих карт.

Поистине нет предела цинизму!

А. СОКОЛОВ

Грузинская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 69,7 тысячи квадратных километров.
НАСЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ — 5 миллионов 122 тысячи человек.
НАСЕЛЕНИЕ ТБИЛИСИ — 1 миллион 117 тысяч человек.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ за 1940—1981 годы увеличилось в 17 раз.
ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ — в 4,2 раза.
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — в 21,6 раза.

СЛОВО О ЕДИНСТВЕ

Отар **ТАКТАКИШВИЛИ**,
народный
артист СССР,
лауреат Ленинской
и Государственных
премий,
министр культуры
Грузинской ССР

Недавно вместе с участниками Дней грузинской культуры в Саратове я побывал в этом старинном волжском городе, который не видел очень давно, а когда-то раньше хорошо знал. Долгая разлука — она длилась 25 лет — помогает острее ощутить свершившиеся перемены. В Саратове они напомнили мне о переменах в родной республике, к которым мы, ее жители, до обыденности уже привыкли и не замечаем их. Сейчас я все воспринимал по-особому — и саратовскую новь и то, что окружает, обступает меня дома, в Грузии. А степенное течение великой русской реки, доброта волжан вызывали во мне ту сосредоточенность души, которая позволяет яснее видеть и глубже осмысливать.

Удивительно милая, неброская природа средней полосы России, и вдруг в этой уравновешенности — резко взметнувшийся в небо обелиск на месте приземления первого в мире космонавта Юрия Гагарина. Широкая Волга мерно несет тебя на волнах вдоль берегов, и вдруг появляются целые гирлянды микрогородов, возникших около новых саратовских промышленных предприятий. Все это уносило мое воображение на холмы, окружающие родной Тбилиси. Их, эти холмы, не увидишь с берегов узкой, темпераментной Куры, да и не судоходна она... Но стоит подняться на плато Нуцубидзе или на склоны Вазисубани, где громадные кварталы новостроек выросли как грибы после дождя,— обнаруживаешь, что город твой поднялся уже на уровень ранее одиноко господствовавшей над ним Мтацминды, или, как ее называют приезжие, Фуникулера.

Продолжение см. на стр. 13.

НАШ СОВРЕМЕННИК

Александр ШИЛОВ,
народный художник РСФСР,
лауреат премии Ленинского комсомола

9 мая 1982 года. Москва, площадь Свердлова. Сквер у Большого театра. Цветущие яблони, сирень, яркое весеннее небо. Рядом с майской звонкой зеленью алые ленты боевых орденов Великой Отечественной, сверкающие медали на кителях, гимнастерках, мундирах ветеранов грозной битвы. Мужественные, суровые лица, изборожденные морщинами, седые пряди волос и поразительно молодые глаза, полные душевного волнения. В этих много повидавших на своем веку глазах сегодня сияли слезы восторга от встречи с друзьями, однополчанами, с кем вместе они ковали эту трудную, но тем более дорогую победу... Я пришел в то утро к белым колоннам Большого театра, чтобы исполнить заветную мечту, найти и написать образ солдата, который вынес на плечах все тяготы небывалой битвы и, невзирая ни на что, выстоял и победил. Я бродил по скверу, слышал смех, обрывки горячих слов, глядел на крепкие объятия сильных и гордых людей и замечал, как плачут от радости бывалые фронтовики... И вдруг я увидел своего героя. Он стоял у молодой яблоньки, седой, румяный. В его светлых глазах отражалось высокое синее небо, и эта лазурь мерцала на лентах двух медалей «За отвагу». Его подтянутая, кряжистая фигура, казалось, еще сохранила армейскую выправку, а гордая осанка и лукавая улыбка, сквозившая сквозь пышные седые усы, говорила о том, что его душа оказалась не подвластна годам. Чувствовалось, что ни прошедшая война, ни неумолимое время не сломили, не согнули его характер — мужественный, открытый, добрый...

Когда я подошел к нему и попросил позировать для портрета, он прищурился и улыбнулся. Сказал: «Ладно. Я ведь люблю художество» — и потом всерьез представился: «Гвардии ефрейтор, артиллерист Сунгуров Александр Семенович».

Не один сеанс писал я его портрет. И не один день слушал его неторопливые рассказы о годах войны, гибели друзей, о страшных дорогах отступлений и трудной, трудной желанной Победе, добытой такой дорогой ценой... Александру Семеновичу свойствен юмор. Он охотно поведал мне о своих нынешних делах: пенсионер, растит внуков, выводит пчел, любит природу, знает цену жизни и особенно глубоко ощущает великое значение слов «мирное небо». Словом, он один из тех миллионов людей, которые и составляют великую общность, которая зовется кратко — н а р о д.

Не скрою, что был очень обрадован и польщен, когда узнал, что академик Николай Николаевич Семенов согласился позировать мне. Это была большая честь. Но одновременно я понимал, какая это ответственность. Ведь работать над созданием портрета одного из крупнейших ученых нашего времени, человека с мировым именем, лауреата Ленинской и Нобелевской премий, дважды Героя Социалистического Труда, прошедшего огромный и славный путь в науке,—дело очень непростое. Еще одна немаловажная деталь, которая меня очень волновала,— Николай Николаевич далеко не равнодушен к искусству, любит живопись, понимает и ценит ее. Не без трепета готовился я к сеансам, обдумывал, как глубже проникнуть в образ этого удивительного человека, открывшего людям новые горизонты в науке. Ведь Семенов — поистине мудрец, и я должен попытаться отразить всю многогранность и сложность этой личности, его духовного мира.

И вот Николай Николаевич пришел в мастерскую. Сразу я был околдован поразительной скромностью этого человека. Семенов попросил разрешения посмотреть мои картины, портреты, пейзажи, натюрморты и стал их неспешно разглядывать. Я не сводил глаз с героя моего будущего портрета и лишь вспоминал слова великого французского художника XIX века Жана Доминика Энгра, который советовал живописцам не спешить в первый сеанс начинать писать портрет, а больше наблюдать, изучать характер, помня, что схватить приблизительное сходство — значит потерять его совсем. И эту утрату, как я установил на своем скромном опыте, потом не так легко восстановить.

Главная задача мастера, говорил Энгр, работая над портретом, заставить говорить глаза.

Когда Семенов, окончив обзор работ в мастерской, наконец опустился в кресло и устремил свой задумчивый взгляд в окно, я постарался не нарушить его размышлений. Возился с палитрой, выжимал краски, готовил кисти, а сам наблюдал, наблюдал пристально, вглядывался в мудрые, усталые черты его лица, рассматривал его удивительно тонкие, говорящие руки.

И вот Семенов удобно уселся в кресле, почувствовал себя свободно, непринужденно, и тогда я впервые ощутил глубину глаз Николая Николаевича и, пожалуй, с особой остротой понял всю правду народной пословицы — «Глаза — зеркало души».

Казалось, задача была ясна. Надо воплотить ее в портрет. Но ведь искусство реалистической, станковой живописи не односложно, и, кроме знания рисунка, композиции и основ мастерства, оно требует от художника, да простят меня за возвышенный слог, еще некоторого элемента волшебства, ибо как иначе назвать превращение мазков обыкновенной масляной краски, разведенной простым растворителем, и нанесенной на грунтованный холст, в изображение живого человека, со своим единственным, свойственным ему характером, психологией, душой. Мало того, ведь «живыми» и осязаемыми становятся и обстановка, окружающая человека,— интерьер, мебель, драпировки, наконец, сам воздух, свет и тени... Чтобы убедиться в этом чуде, проще всего зайти в Третьяковку и полюбоваться на полотна Александра Иванова и Брюллова, Федотова и Репина, и вас очарует колдовская предметность, осязаемая «вещность» их живописи, причем это нисколько не мешает духовности их творчества, остроте сюжета картин...

...Около двух месяцев я работал упорно над портретом Николая Николаевича. Эти сеансы проходили для меня незабываемо. Мы беседовали об искусстве. Семенов рассказывал о том, что ждет науку в будущем. Он очень тепло отзывался о молодежи, о своих учениках. Но что меня больше всего потрясло, это такт великого ученого. Он ни разу не дал мне почувствовать своей учености, ни разу не подавил меня эрудицией или какой-нибудь специальной терминологией. Он был прост и доступен. И еще одна немаловажная в наше время деталь. Семенов крайне деликатен... Вот пример. Николай Николаевич, несмотря на свой преклонный возраст, курил. Но каждый раз, когда он хотел покурить, он спрашивал разрешения и уходил из студии в коридор. Чтобы не мешать...

Долго я не забуду его почти детских по своей восторженности глаз. Я всегда буду вспоминать вдохновенное лицо Семенова — человека, смотрящего как будто и в прошедшее, и в настоящее, и в будущее...

...Трудно представить себе человека, который бы не любил и не слушал музыку, не посещал театр. И я, как художник, знаю, как много значат для искусства живописи музыка, театр. Эти прекрасные проявления людского таланта помогают и нам, живописцам, понять глубже, объемнее мир души человеческой. Поэтому я всегда с особым чувством благодарности работал над портретами таких великолепных мастеров нашей музыкальной и театральной культуры, как Арам Хачатурян, Сергей Лемешев, Ирина Архипова, Нина Тимофеева, Людмила Семеняка, Николай Плотников, Николай Гриценко, Михаил Ульянов... Совсем недавно я окончил портрет дирижера Большого театра Альгиса Жюрайтиса.

Каждый крупный деятель культуры — фигура всегда самобытная, с четко очерченными личностными качествами, со своим характером, пристрастиями...

Альгис Жюрайтис не исключение. Он не только талантливый дирижер, необычайно тонко и проникновенно чувствующий и раскрывающий перед слушателями чарующий мир музыки, но еще и страстный борец за утверждение великих традиций классики. Он преклоняется перед чудом гармонии Моцарта, Чайковского, Верди.

Меня привлекает в Жюрайтисе темперамент бойца, непримиримого к формалистическим кунштюкам, разрушающим красоту. Он умеет защищать и отстаивать свои взгляды, и эта его бескомпромиссность в борьбе за истинную музыку, раскрывающую людям мир прекрасного, кажется мне принципиальной и справедливой. В наш сложный двадцатый век красоту и гармонию надо защищать и защищать активно, так как понятия художественности у нашей критики не всегда прояснены и иногда требуют расшифровки. Мы, художники, особо чувствуем эту проблему, ибо и в живописи понятия прекрасного, красоты иногда признаются чуть ли не старомодными, а уродство и бездуховность в изображении человеческого образа выдаются за новацию. Естественно, что настоящих художников-реалистов и нашего широкого зрителя подобные концепции устраивать не могут...

Еще будучи студентом Суриковского института более десяти лет тому назад, я, как и все, восторгался людьми, которые первыми на нашей планете завоевали космос. Надо ли говорить, что значило для нас, молодежи, имя Гагарина, слово «спутник». Конечно, не трудно представить, какое чувство восторга я испытал, когда в 1971 году мне довелось начать писать свой первый портрет космонавта, дважды Героя Советского Союза Владимира Александровича Шаталова, писать не где-нибудь, а в самом Звездном городке.

Несмотря на свою огромную занятость, Владимир Александрович все же выкраивал время, чтобы позировать мне, молодому художнику. В этом отражалась его великая доброжелательность, простота и главное — доброе отношение к реалистическому, понятному и близкому ему искусству. Большое волнение я испытал, когда узнал, что в той самой комнате, где я писал Шаталова, до меня работал мой любимый художник Александр Иванович Лактионов, один из самых чистых и преданнейших искусству людей, которых я знал.

Мой «первый экзамен» в Звездном был суров, я буквально трепетал, когда писал этот портрет, поймите меня, ведь я был всего лишь студентом и, конечно, отлично понимал ту меру доверия, которую оказал начинающему художнику герой космоса Владимир Шаталов.

С тех пор прошло немало лет, мне посчастливилось создать более десяти портретов завоевателей космического пространства. Уже не один год провел я в Звездном и продолжаю доныне начатую давно серию. Сейчас у меня на мольберте полотно с начатым портретом дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта Валерия Рюмина, чьим обаянием, мужеством я восхищаюсь. Ведь он, как и его звездные братья,— гордость нашей Отчизны, живой символ героизма нашего народа...

А. Шилов. Род. 1943. НЕПОБЕДИМЫЙ. 1982.

А. Шилов. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА Н. Н. СЕМЕНОВА. 1982.

БАБКИН ЛАЗАРЕТ

Иван ЛАЗУТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

А в тот день, когда сержант Вахрушев обнял меня и крепко прижал к своей груди, на которой рядом с медалью «За отвагу» лучился новенький орден солдатской «Славы», я очень остро ощутил в душе своей какой-то необъяснимый священный трепет поклонения этому высокому чувству, имя которому — окопное братство.

— Спасибо, Ваня... Если б не ты... тогда... когда отобрал у меня автомат...— В глазах сержанта были слезы, и он не стыдился их. Мы стояли посреди двора вдвоем, а над нами на ветхой стрехе сидел воробей и, глядя на нас, делал поклоны и весело чирикал.

— Ты погляди на него,— показал я пальцем на воробья,— такой же, как у нас в Сибири: серенький, пушистый, веселый.

— У нас вся Тамбовщина воробьями обсыпана,— широко улыбаясь, задрав голову, отозвался сержант.— Ведь живет же себе, почирикивает, никакая ему война нипочем, не берут и фурункулы. Молодец!..

— Он неистребим и вынослив, как окопный солдат,— вырвалось у меня.

— Потому что этот воробей российский,— поддержал меня сержант.— Немецких мы еще не видали, вот дойдем — посмотрим, годятся ли они в подметки нашим.

За время болезни сержант отощал и осунулся лицом. Туго затянутый ремень делал его фигуру похожей на осиную. Казалось, что он даже ростом стал выше.

— Пошли! — Он потянул меня на улицу.

— Куда?— По лицу сержанта, по его улыбке я почувствовал, что он что-то задумал.

— В лес. Посмотрим, как там работает весна.

Около часа мы шли до ближнего леска. Кое-где в ложбинках да в воронках белыми бликами еще лежал снег, но дорога была уже изрядно разъезжена, и от нее подымался легкий парок. Мимо нас к линии фронта тянулись одна за другой груженные продовольствием, снарядами и бочками с бензином машины. Пустая транспортная полуторка даже остановилась, хотя мы и не «голосовали». Из кабины высунулась голова:

— Подвезти, пехота?..

— Гвардейски благодарствую.— Сержант помахал шоферу рукой.— Вышли на прогулку.

На опушке леса мы остановились и свернули с дороги. Сержант шел впереди, я шел за ним. Глазами он все чего-то выискивал, скользя взглядом по вершинам стайки молоденьких елочек, стоявших вперемежку с березами, по которым, несмотря на близость дороги, не прошел разрушительный каток войны. Елочки, как на подбор, были одна стройнее другой, словно вспархивали своими круговыми ярусами веток в голубое небо, с которого солнце проливало водопад лучистого тепла и света.

— Ваня, ты глянь на эти елочки: все вроде бы одинаковые, будто одно семейство, словно ржаное поле одного посева, а когда вглядишься хорошенько — нет двух одинаковых елочек во всей этой рощице. Каждая имеет свое лицо, свой рост, свою стать, свой наряд. Я это давно заметил. Вот она какая, жизнь-то. Каждая козявка имеет свой облик.

— А я заметил, что есть в природе и другая примета или вроде бы тайна,— возразил я сержанту.— Природа иногда сама любит равнять.

— Чего равнять? — не понял меня сержант.

— Чего?—Я закурил и начал рассказывать:— До фронта, Алеша, служил я на одном острове Тихого океана. В тяжелой береговой артиллерии. Жили мы в глубоких землянках, вырытых у подножий сопок. Тяжелая была служба. Каждая минута суток была начеку, все ждали вторжения в наши воды и в наше небо японца. Не проходило дня и ночи, чтобы не сыграли «полундру».

— Чего? — спросил сержант.

— «Полундра» — по-флотскому это боевая тревога. Но все-таки выпадали денечки и спокойные. Особенно красив бывает Дальний Восток осенью. Купались в океане аж до самого ноября, если не бывало штормов. Один из постов караула был на пирсе в южной бухте. Она была почти всегда тихой. И вот стоит, бывало, постовой на пирсе и видит — на бухту надвигается белая туча чаек. Поднимают такой гвалт, что, кажется, приближается землетрясение или конец свету. Но мы-то уж знаем — идет косяк рыбы. Окунь или скумбрия. И вот тут-то не зевай. Постовой на пирсе дает звонок дежурному по батарее, тот кличет свободных от наряда и караула матросов, и минут через пять уже человек шесть-семь сидят на веслах нашего старенького баркаса и раскидывают невод. Иногда зацепляли так, что не хватало сил вытащить невод на берег, и ничего не оставалось, как больше половины рыбы выпускать из мотни невода. Но дело не в этом. Я о другом. Рыбы мы ели там столько, сколько сейчас не пьем воды.— По глазам сержанта я видел, что он пока еще не усматривал в моем рассказе связи с его мыслью о том, что в целом лесу нет двух равных и похожих друг на друга деревьев. А поэтому, ухмыльнувшись, он воспользовался паузой, когда я раскуривал затухающую самокрутку.

— Вань, а ты не забыл, с чего начал? Ты не сбился с дороги?

— Нет, Алеша, я не сбился. Я с рыбы начал и рыбой закончу. Так вот, чаще всего мы неводом вытягивали на берег скумбрию или морского окуня. И всегда поражались: положишь их рядом, на один бок, голова к голове, когда они уже не прыгают, и все как один, что длина, что толщина, что окраска, что формой плавников, что рисунком глаз... А однажды даже попробовали взвесить их на аптекарских весах. И что же ты думаешь: взвесили подряд двадцать штук, и все тютелька в тютельку у всех у двадцати. В двух только расхождение было на один грамм, но это, как сказал военврач, за счет воды на плавниках и в жабрах. Вот теперь я тебя и спрошу: кто рыбу-то сравнял — сам океан?

— Но ты, брат, загнул примерчик. Эдак ты начнешь вешать на аптекарских весах пчелиный улей или выводок ос из одного гнезда.

— И буду! — Я почти обрадовался, что сержант сам положил гирю на мою чашу весов в нашем разногласии.— Значит, есть какое-то равенство в природе, если рыбы, пчелы и осы одного выводка схожи, как две капли воды.

Я уже был готов уцепиться и за равенство падающих капель, но сержант, видя, что я слишком увлекся спором, остановил меня:

— Ваня, ты меня не напрягай, у меня еще от фурункулов голова не остыла. Спроси что-нибудь полегче.— Сержант достал из кобуры трофейный «браунинг» и зарядил всю обойму.

— Ты это зачем? — насторожился я, хотя по добродушной улыбке сержанта видел, что ничего дурного делать он не намеревается.

Все в бригаде знали, что по стрельбе из пистолета сержанту не было равных. На расстоянии двадцати шагов он попадал в пятак, с тридцати шагов раскалывал вдребезги граненый стакан.

— Видишь энту елочку, левее березки? — спросил сержант, взглядом показывая на молоденькое деревце.

— Вижу.

— Мне кажется, что в прошлом году она подросла больше, чем ее соседка-подружка справа. Тебе не кажется, Вань?

— Да, на целых десять—двенадцать сантиметров она повыше, чем та, что рядом слева,— согласился я, все еще полагая, что он хочет найти какой-то новый ход.

— Хотя я и не бог, но я их сейчас сравняю. Постараюсь первым выстрелом.— С этими словами сержант поднял «браунинг», прищурился и начал целиться. Целился он долго-долго, несколько раз опуская и снова поднимая руку. И я заметил, что рука его слегка дрожала. «Неужели попадет?» — подумал я и затаил дыхание.

И вдруг с сержантом словно что-то произошло. Опустив «браунинг», он с минуту стоял неподвижно, о чем-то задумавшись.

— Слабо́? Рука дрожит? — подначивал я, в душе почему-то уверенный, что он обязательно промахнется.

— Не могу... Раньше это делал запросто. А сейчас не могу. Не поднимается рука. А ведь сколько я состриг этих молоденьких вершинок. Только сейчас понял, что занимался душегубством.

Мы прошли в глубь леса еще шагов сто и остановились. Сержант облюбовал невысокий пенек, поставил на него коробок спичек и молча отмерил в сторону дороги тридцать намашистых шагов. Снова поднятая рука, в которой он держал «браунинг», мелко дрожала. Теперь я очень хотел, чтобы он не промахнулся. И он выстрелил. Я даже по-детски радостно взмахнул руками, когда на моих глазах с пенька брызнули во все стороны спички.

— Ну, ты даешь! — только и смог сказать я.— Не зря о тебе начальник штаба рассказывал, что из своего «браунинга» ты на лету попадаешь в ворону.

— Так вот, Ваня, больше я по воронам и по еловым вершинкам бить не буду. Пусть живут себе на здоровье. А ты знаешь, зачем я позвал тебя в лес?

Я пожал плечами:

— Прогуляться.

— Нет, не только прогуляться.

— А зачем же?

— Затем, чтобы сделать этот мой последний выстрел из моего «браунинга».

— Почему последний? — Я решительно недоумевал.

Сержант протянул мне «браунинг».

— Это лучшее, что имею. Бери.

Я все еще не понимал намерения сержанта.

— Бери. Это мой подарок. На память. А я себе раздобуду. До Берлина еще не одного генерала или полковничка уложим или возьмем в плен.

— Да ты что, с ума сошел? — Я замахал руками.— Я же никогда не стрелял из «браунинга»...

— Научу. Из автомата ты стреляешь мастерски. Научу и из «браунинга». Ты знаешь, что ты спас меня не просто от смерти, а от позорной смерти, и я этого никогда не забуду.

— Ну, ты брось... А ты что, на моем месте поступил бы по-другому?

— Бери, говорят, научу... Прямо сейчас начнем.— Сержант потряс карманами шинели.— Я прихватил десятка четыре.

Мне оставалось только вздохнуть.

— Ну, Алеша, спасибо! Верю, что ты делаешь это от души, но если я даже возьму этот твой подарок,— у меня все равно его отберет или старшина батареи, или командир взвода. Солдату не положен «браунинг». По уставу. Мое личное оружие — автомат.

Продолжение. См. «Огонек» № 38.

Сержант о чем-то подумал, закурил и сказал:

— Да, ты, пожалуй, прав. Я совсем забыл, что даже мне, командиру боевой машины, и то носить «браунинг» разрешил лично командир дивизиона. А ведь, помню, начштаба хотел отобрать.— Сержант достал из кармана никелированную зажигалку и протянул ее мне.— Тогда возьми хоть это. Как-никак память.

Я снова заколебался, не смея взять зажигалку, которой сержант дорожил. Но он был настойчив:

— Возьми, а то обижусь.

Я был в эту минуту уверен, что желание сержанта глубоко искренне, а поэтому взял зажигалку, несколько раз подбросил ее на ладони и попытался пошутить:

— Вот если доживем, Алешенька, до конца войны и будем проезжать через Москву, то обязательно зайдем в ювелирную мастерскую, и ты на этой вот самой зажигалке обязательно выгравируешь такие слова: «Окопному другу за спасение на раскаленной печке во граде Речице». И распишешься.

Моя шутка сержанту не показалась веселой.

— Для тебя, Ваня, все это хиханьки да хаханьки, а для меня на этой печке тогда решался гамлетовский вопрос. И совсем не потому, что я не выношу боли. Нет... Просто наступали минуты, когда мне казалось, что я схожу с ума и начинаю терять контроль над своими поступками. А это страшно.

В Речице мы простояли еще четыре дня. Сержант Вахрушев заметно окреп, дважды в день медсестра делала ему перевязки, а бабка Василиса по-прежнему продолжала лечить его огнем. Правда, лен теперь она выменивала не на свою картошку, запасы которой у нее таяли, а на консервы и концентраты, получаемые нами. Кое-чего оставалось и бабке на черный день, когда мы покинем ее хату и двинемся дальше по дорогам войны.

Хотя апрель выдался теплый, солнечный, но по утрам еще стояли заморозки, затягивая лужи в корочки мутноватого стеклянного ледка. В одно из таких ранних утр в хату к нам кто-то постучал если не кованым каблуком, то по крайней мере увесистым кулаком. За стуком донесся хрипловатый голос наводчика Митрошенкова, который в этот час, будучи в карауле, бодрствовал.

— Сержант Вахрушев, приготовиться к выступлению.— И после некоторой паузы тот же голос, но на более низких, басовитых нотах долетел до нас: — Слышите? Выступление!..

— Слышим! — крикнул я наугад, рассчитывая, что голос мой долетит до слуха Митрошенкова, и поспешно вскочил с кровати. Слез с печки и сержант. Завозилась в своей конуре и бабка Василиса.

Минут через десять мы с сержантом уже были почти в полном сборе. Весь наш нехитрый багаж вошел в вещмешки, не заполнив и четверти их. Остатки недельного провианта, полученного три дня назад, мы вручили бабке, она была так растрогана, что и не знала, как отблагодарить нас. Но ее успокоил сержант:

— Бабуся, я у тебя в вечном долгу.

Больше всего огорчало бабку, что она не покормила нас завтраком.

— Да что же они вечером-то не сказали, что уезжаете? — колготилась она у шестка, стараясь растопить сухие чурочки, если не сварить, то на худой конец разогреть нам коечего из остатков ужина.

— На войне, бабуся, вечером солдат не знает, где он будет завтра утром и что он будет делать,— приговаривал сержант, перевертывая портянку, которую он второпях навернул не совсем туго.— Жалко с тобой расставаться, но ничего не поделаешь — такая у нас работа.

А бабка, стоя посреди кухни, растерянно сокрушалась:

— Да это как же так-то?.. И не поемши?.. Вы хотя бы щец похлебали. Хоть и вчерашние, но еще не прокисли. Я сейчас разогрею, мигом... А пшено-то, пшено в горшке забыли!.. Ой, господи, а консервы-то ведь на целую неделю получили, а харчились всего три дня, чего же будете есть-то?..

И снова сержант пошутил:

— Топор, бабуся, сварим. Солдат не пропадет и без пшена и без консервов.

Расправив на шинели ремень, сержант поуставному, как-то подчеркнуто торжественно, как к командиру, подошел к бабке, обнял ее и расцеловал трижды. Маленькая, согбенная, она головой еле доставала ему до плеча.

— Живи, бабуся, долго и помни нас, солдатиков, а мы тебя не забудем. Если останемся живы и будем возвращаться домой мимо Речицы, то обязательно заедем. Починим хорошенько крышу и переберем в горенке пол. А то он ходуном ходит. Спасибо тебе за все: за заботу, за приют и за ласку.

— Спасибо, Алешенька, спасибо тебе, родимый, дай бог вам в добром здоровье добить врага и возвратиться к своим матерям и отцам да братьям с сестрами.

Трижды расцеловал старушку и я. Поблагодарил за все добро. По ее старческим, морщинистым щекам привычно текли слезы. Она их даже не утирала.

Когда мы вышли во двор, со стороны соседней улицы, где под строгой маскировкой стояли наши боевые установки, у каждой из которых круглосуточно находился постовой караульной службы, привычное ухо уже уловило равномерный гул разогреваемых двигателей. Тонкий ледок похрустывал под ногами, когда мы вышли на улицу, схватившаяся за ночь грязь, подернутая хрупкой морозной корочкой, лопалась под подошвами сапог, обнажая черное, как гудрон, хорошо размешенное тесто. Из-за леса выплывал огненный диск солнца, обжигая своим золотистым багрянцем вершины деревьев и обдавая теплым дыханием продрогшую за ночь землю. На дороге, еще не тронутой рубчатой резиной автомобильных шин, лежали длинные тени от кольев уцелевшей изгороди. Утренняя свежесть весны холодком лезла за воротник шинели, под широкие рукава. Воздух был настолько хрустально-прозрачный и бодрящий, что на какие-то мгновения все, что окружало меня: дома, голые деревья, заборы, снующие взад и вперед фигуры людей в шинелях, дорога, льдистые лунки,— все это напомнило вдруг гигантский аквариум, где в родниково-прозрачной воде передвигались удивительно терпеливые разумные существа — люди. Все, что неподвижно окружало людей в шинелях, было лишь подобием морского дна, вымощенного умелыми руками тех, кто соорудил этот великий аквариум жизни, наливающейся новыми свежими соками весны и обновления под золотисто-розоватыми лучами солнца. И наливается эта светлая жизнь новыми соками лишь для того, чтобы через час, два часа или три... познать, что, кроме жизни, на земле еще существует другая великая, противостоящая ей сила — смерть. Черная, холодная, как могильная земля.

Чувствуя на своей спине чей-то взгляд, я остановился и оглянулся. У ветхой калитки, которую я подремонтировал два дня назад, почти полностью заменив в ней полусгнившие доски, стояла бабка Василиса. Такой она и осталась в моей памяти на всю дальнейшую войну и на всю жизнь. Кутая сухонькие плечи в старый шерстяной платок, она, наверно, ждала, чтобы кто-нибудь из нас оглянулся. Первым это сделал я, следом за мной остановился сержант. Бабка легонько помахала над своей головой ладонью, а потом трижды перекрестила нас. Мы помахали ей на прощание, повернулись и быстро зашагали в сторону, откуда доносился нарастающий гул заведенных «ЗИСов». «Эх, бабуся, бабуся,— подумал я,— как мало нужно тебе в жизни, всего лишь крохотная крупица человеческого внимания и чьей-то заботы! Сама же ты за эту крупицу незримо для себя, становясь от этого лишь чище душой и богаче, раздариваешь людям целые глыбы доброты своего бездонно щедрого материнского сердца».

Пока прогревали моторы и вытягивались в походную колонну, прошло около двух часов. Несколько раз по цепи боевых расчетов проплывала команда: «Моторы!..» — и после нее утробно-земляной гул топил безлюдную улицу. Все ждали последующей команды: «По машинам!..» — после которой номера боевых расчетов нырнут под брезент, а командир расчета сядет в машину рядом с водителем. Но второй команды все не было и не было. Вместо нее по колонне поплыла новая команда: «Глушить моторы!..» А почему глушить — солдат расчета не знал. Не знал этого и командир боевой установки. Не знал даже командир взвода. Все эти команды шли от головной машины, где в окружении командиров батарей, начальника штаба и своего заместителя возвышался стройный, как тополь, наш командир дивизиона майор Шмигель. Со стороны мы следили за каждым его жестом, за каждым движением, стараясь угадать, какой будет последующая команда. А последней из всех подготовительных команд должна быть: «Походной колонной — марш!» Марш, чтобы где-то впереди дать такой вал огня, чтобы наша пехота встала в полный рост и пошла, пошла туда, где близился конец войны. Но, очевидно, по расчетам командования трогаться нам было еще рано.

В девятом часу дивизион был выстроен в походную боевую колонну, моторы уже работали на малых оборотах, солдаты сидели под брезентовыми чехлами и мирно покуривали, словно над головами нашими затаились не могучие реактивные снаряды, разрыв каждого из которых нес в себе множество смертей, а рождественские подарки Деда Мороза. Война приучает ко всему относиться философски и вытравляет в душах сентиментальность. Поразить врага, уничтожить его становится привычной и единственной работой солдата. Перекидываясь шутками, балагуря, мы ждали этой последней команды. Улица, на которой за все утро, как того требовал порядок построения боевой колонны, мы не увидели ни одного гражданского лица, была пропитана горьковатым дымком отработанного бензина. Митрошенков, еще прошлой осенью изрекший формулу построения боевой походной колонны: «Каждая мышка — в свою норушку»,— снова всех развеселил, когда, глубокомысленно затянувшись крепкой бийской махоркой, сообщил:

— Мышки давно в своих норушках, а те, что постарше, резвятся на дорожке.

Сказав это, он приподнял брезент и показал в сторону столпившихся у головной машины командиров.

То, что я увидел в следующую минуту, заставило меня затаить дыхание. Я не верил своим глазам. Со стороны хвоста колонны по ходу машин трусила бабка Василиса. Ее пытались остановить постовые, но она, сердито отмахиваясь, бежала в сторону головной машины и все время, вскидывая голову и обращаясь к водителям, о чем-то спрашивала. Я догадался, что она ищет нас с сержантом Вахрушевым, а поэтому кулаком постучал по дверце кабины, из которой тут же высунулся сержант.

— Чего?! — сердито окрикнул он меня, свесившись всем корпусом из кабины.

— Гляди!.. Нас зачем-то ищет бабка. Может, чего оставили?

Теперь я отчетливо видел, что все командиры, сгруппировавшиеся вокруг командира дивизиона, и сам майор повернулись и смотрели в сторону приближающейся к нашей машине старушки.

— Чего будем делать? — спросил сержант, увидев из кабины бабку.

— Ты командир, решай. Мы сейчас на глазах всего командования.

Моторы работали на тихих оборотах. Вот-вот по цепи, от головы колонны к хвосту пронесется команда: «Походной колонной — марш!..»

Когда Василиса поравнялась с нашей машиной и увидела высунувшуюся из кабины голову Вахрушева и меня, машущего из-под брезентового чехла рукой, она остановилась и, тяжело дыша, проговорила:

— Наконец-то, господи, разыскала вас. Сколько вас много-то!.. Слазьте, я вам, сыночки, картошечки со свиной тушенкой сварила и хлебушка нарезала, а соседка троечку соленых огурчиков дала. Ну, чего же вы сидите... Слазьте, а то сейчас поехать велят и вы не успеете... — Видя нашу скованную нерешительность, бабка была готова расплакаться. Из-под шали у бабки выглядывал глиняный горшок с тушеной картошкой, запах которой доносился к нам даже под брезент полога. В этом горшке нам бабка варила три недели. Митрошенков и здесь не удержался от подковырки:

— Везет же людям!.. Им в рот кладут, а они выплевывают. Предложили бы мне — я бы ухитрился, как разделаться с этой бульбой.

— Нельзя нам, бабушка. Сейчас тронемся. Видишь — ждем приказа командира,— сказал сержант и рукой показал в сторону майора, который что-то говорил своим подчиненным и улыбался, глядя на нас.

— Это какого командира? — Взгляд бабки метнулся в сторону головной машины.— Это вон того, высокого? В длинной шинели?

— Да, да, самого высокого. Это наш главный командир.

— Ну так что ж, если он главный. Я спрошу у него... Я сейчас... Глядишь, и разрешит. Небось, успеете доехать куда нужно.

Когда старушка кинулась в обнимку с горшком к командирам, тут и мне захотелось заплакать. От умиления, от тихой душевной радости и еще от чего-то такого, чему и слов не подобрать.

С командиром дивизиона она говорила совсем недолго, с полминуты. А когда, как на крыльях, распахнув на ходу шаль, семенила назад к нашей машине, лицо ее словно помолодело и светилось сиянием счастья.

— Разрешил,— запыхавшись, проговорила она, еще не добежав до машины.— Слазь быстрей! Чего мешкаете? — почти командовала бабка сержанту.— Так и сказал самый высокий: «Пусть поедят хорошенько — время еще есть».

Сержант бросил недоверчивый взгляд на бабку, потом в сторону командира дивизиона, и тот, очевидно, поняв замешательство Вахрушева, разрешающе махнул ему два раза рукой и кивнул головой.

Этот жест майора и его кивок головой понял и я.

Нас с сержантом как ветром сдуло с боевой установки. Отойдя шагов на десять от машины, мы принялись за завтрак. Бабка Василиса, раскрасневшись, держала трясущимися руками горячий горшок с еще дымящимся парком, и мы своими походными ложками, обжигаясь, то и дело бросая украдкой взгляды в сторону командиров, уминали за обе щеки картошку со свиной тушенкой, прикусывая соленым огурцом, пахнущим чесноком и укропом.

Вряд ли когда-нибудь в жизни я буду есть с таким аппетитом картошку, с каким мы ели ее с сержантом Вахрушевым в апреле 1944 года на глазах всего дивизиона, не успевшего перед неожиданным выступлением позавтракать.

Под отвернутым чехлом установки сидели солдаты нашей роты и, глотая слюнки, глядели, как мы с Вахрушевым подчищали горшок с тушеной картошкой.

Вдруг откуда ни возьмись из-за соседней машины вывернулся помпотех дивизиона, слывший среди командиров дивизиона умением за один присест разделаться с булкой хлеба и полкилограммом тушенки. О его завидном аппетите ходили легенды.

— Вы что, у тещи в гостях или в боевой обстановке? — закричал капитан и, глотая слюни, стоял и смотрел на нас такими глазами, как будто в следующую минуту он кого-нибудь из нас ударит: или меня, или сержанта.— Сейчас же по машинам!..

— А ты не кричи, не кричи. Тут есть постарше тебя,— осадила капитана бабка Василиса.— Главный командир разрешил. Вон он, поди спроси.— И она показала в сторону головной машины, где стоял командир дивизиона.

Словно не расслышав окрика помпотеха, мы наперегонки молотили ложками остатки картошки. Капитан оценил ситуацию, в сердцах плюнул и пошел в сторону головы колонны.

Смахнув с кончика носа нависшую прозрачную каплю, бабка почему-то засуетилась, завертела по сторонам головой, словно собираясь делать что-то запретное.

— Подержите, я сейчас.— Она передала мне пустой, но еще теплый горшок, а сама озябшей рукой полезла за пазуху, достала оттуда две аккуратно завернутые чистые тряпицы наподобие свернутого носового платка.

— Это тебе, а это тебе.— Она протянула мне и сержанту две эти чистенькие тряпицы.

— Что это, бабуся? — спросил я, держа в руках тряпицу, но она опасливо посмотрела в сторону командиров и замахала рукой.

— Положите в карман гимнастерки, потом посмотрите; видите, командиры уже зашевелились. А то ругаться станут.

— Адрес здесь? — все-таки полюбопытствовал сержант и засунул тряпицу в нагрудный карман гимнастерки. То же самое сделал и я.

— Адрес, адрес... смотрите не потеряйте,— скороговоркой проговорила бабка и, поставив горшок на землю, застегнула верхнюю петлю на моей шинели.— Застегнись хорошенько, не то продует, утро-то зябкое. Когда супостатов разобьете до конца, напишите мне письмецо, буду молиться за вас. Адрес-то мой, поди, не забудете: улица Пролетарская, дом четырнадцать.

— Напишем, бабушка, не забудем,— торопился сержант и уже с опаской посматривал в сторону головной колонны, откуда каждую секунду может прозвучать последняя команда: «Марш!..»

— Нагнись, я тебя поцелую.— Бабка потянула за ворот шинели сержанта.— Вон какой вымахал дубок.

Вахрушев нагнулся к бабке. Она поцеловала его в щеку. Поцеловала и меня.

— Ну, с богом, дети мои,— сказала бабка, и в этот момент от головной машины понеслась по колонне команда: «Марш!..»

Я нырнул под полог чехла, сержант заспешил в кабину. Наша машина стояла по счету шестой от головной, а поэтому тронулась не сразу. Приоткрыв полог чехла, мы всем расчетом, как молчаливые сурки, с грустью смотрели на Василису, которая стояла посреди улицы и глядела то на меня, то на кабину машины, в которой сидел сержант. А когда наша машина тронулась, бабка трижды перекрестила нас, помахала рукой и так стояла с пустым горшком в руках, пока колонна не повернула влево и она не скрылась из вида.

Так мы расстались с русской женщиной, в доброте своей — бескорыстной, в материнской любви — строгой, в заботе о людях — скрытной.

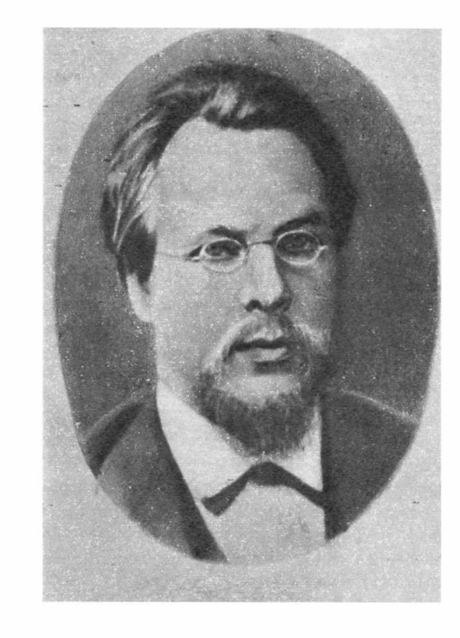
В этот же день наш дивизион при особой группе Ставки Верховного Главнокомандования был брошен на прорыв линии обороны немцев, которым удалось прочно закрепиться в городе. После непродолжительной десятиминутной артподготовки, в течение которой мы успели дать три залпа, наши боевые установки, зарядившись, пошли в наступление вместе с танками и пехотой. К полудню город был освобожден от врага, и из потайного резерва начпрода дивизиона капитана Лукони в обед нам, солдатам и сержантам, выдали по дополнительной — «освободительной», как он любил шутить, порции согревающего.

Окончание следует.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. П. БОТКИНА

НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК

В. АНИСИМОВ,
профессор 2-го Московского мединститута

Шел 1882 год. В зале городской думы при невиданном стечении публики отмечалось 25-летие врачебной деятельности замечательного русского врача и ученого Сергея Петровича Боткина. Среди многочисленных приветствий особо торжественно прозвучали слова, написанные студентами Военно-медицинской академии: «...Сегодня мы чествуем Вас не только как учителя, который развивал нам широкие взгляды на науку, но и как ученого, высоко держащего знамя русской науки, как лицо, составляющее одну из основ ее».

Прислали приветствия Д. И. Менделеев и другие видные ученые: «Вы создали школу, ученики которой с честью занимают кафедры почти во всех университетах России...» И действительно, сегодня все историки медицины единодушны, что в отличие от великих медиков-терапевтов первой половины XIX столетия, являвшихся талантливыми одиночками, С. П. Боткину первому в России удалось создать научную школу внутренней клинической медицины. Для современных и будущих врачей он олицетворяет величайшую врачебную мудрость, научный подвиг и горячий патриотизм.

Прадед Сергея Петровича был крестьянином Псковской губернии. Дед переселился в Москву и занялся мелкой торговлей. А отец завел обширную чайную торговлю. Однако уже старший сын Василий Петрович не захотел продолжать торговое дело. Он увлекся литературой. Жизнь свела его с В. Г. Белинским, с которым он подружился, вошел в кружок А. И. Герцена, сблизился с И. С. Тургеневым.

В доме Боткиных в Петроверигском переулке, на Маросейке, бывали передовые профессора университета, художники, писатели. В разное время захаживали к Боткиным Грановский, Огарев, Станкевич, Фет, коллекционер живописи Щукин. По свидетельству А. И. Герцена, в доме происходили «побоища и ратования юной Москвы». Эти вечера стали для Сергея Боткина своеобразным «домашним университетом».

Центром научной мысли и тогда был Московский университет. Боткин поступает в университет в 1850 году и блестяще оканчивает его в 1855 году. Из профессоров медфака на него наибольшее влияние оказывал профессор хирургии знаменитый Ф. И. Иноземцев, который в своих лекциях отвергал распространенные на Западе метафизические воззрения на причины заболеваний и много говорил о роли нервной системы. Большое значение роли нервной системы в возникновении заболеваний придавал и профессор-терапевт И. Е. Дядьковский. Не исключается, что именно под воздействием идей своих любимых профессоров возникли у Боткина первые очертания будущей его неврогенной теории медицины. Любовь к физиологическим исследованиям ему привил профессор-физиолог И. Т. Глебов.

Потом работа заведующим госпиталем в Крыму в действующей армии под руководством знаменитого Н. И. Пирогова. Здесь начинающий врач и ученый прошел суровую школу, видел героизм русских солдат и самоотверженную работу сестер милосердия, научился наблюдать и обобщать.

Затем поездка в Германию, работа у знаменитых ученых: в лаборатории Р. Вирхова и в клинике Траубе.

К моменту возвращения Боткина в Россию на жизненную арену вступило новое поколение — разночинцы, выдвинувшие из своей среды замечательных мыслителей — Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Любопытно, что сразу по приезде из-за границы молодого ученого вызывают на допрос в III отделение по поводу посещений им за рубежом А. И. Герцена. Допрос не «отрезвил» Боткина, он всячески старается помочь Н. Г. Чернышевскому, сосланному на каторгу. Все это вызывает недовольство Боткиным со стороны «официальной науки».

Назначение ученого в академию сопровождалось острой борьбой прогрессивно настроенных преподавателей и студентов с консервативным течением. Однако Сергея Петровича Боткина все же утверждают профессором.

Впервые в России создает он при клинике научную лабораторию, в которой работает И. П. Павлов — в будущем великий отечественный физиолог; он публикует три выпуска «Клиники внутренних болезней» и клинические лекции, в которых излагаются новые принципы физиологического, функционального подхода в изучении внутренних болезней и показывается роль нервной системы в происхождении заболеваний, дается четкая и ясная программа перестройки старого клинического мышления на новый лад; ученый формирует основополагающие принципы военно-полевой терапии.

В многогранной деятельности Боткина хорошо прослеживается склонность к изучению социальных вопросов, стремление поставить клинику на службу широким народным массам.

Осенью 1864 года в Петербурге среди рабочих и бедноты стала распространяться эпидемия возвратного тифа. С. П. Боткин, мобилизовав студентов и молодых врачей, обследует условия жизни «чернорабочего люда» и приходит к выводу, что распространению тифа способствуют плохие жилища, плохое питание, тяжелый труд. И врач начинает неравную борьбу с этими социальными недугами. Его предложения о создании эпидемиологического общества не были поддержаны властями. Ученый не сдается, он продолжает борьбу на страницах «Петербургских ведомостей».

Чтобы принести больше пользы, ученый даже соглашается стать гласным городской думы. «Совестно уклоняться от должности, в которой, может быть, принесешь какую-нибудь пользу»,— говорил он после избрания его в думу. Работая в клинике академии, он создает амбулаторию для приема населения, затем георгиевскую общину с амбулаторией и больницей. Однако и после этих мероприятий он не был удовлетворен медицинским обслуживанием населения. Городу нужна была больница для бедных, где бы оказывалась бесплатная помощь. Эту идею Боткин воплотил в жизнь, став председателем общества русских врачей. Он организовал барачную больницу для инфекционных больных, взяв на себя бесплатное руководство медицинской частью и сделав ее филиалом своей клиники. Впоследствии больнице было присвоено имя Боткина. Клинические обходы в барачной больнице стали школой для врачей города.

Ученый внес свою лепту и в перестройку аптечного дела; в частности, цены на лекарства были снижены; по его рекомендации была снижена и повизитная врачебная такса.

Служение науке и народу вытекает из характера личности замечательного русского врача и ученого — Сергея Петровича Боткина. Н. А. Некрасов посвятил ему в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо» главу «Пир на весь мир», с полным правом считая ученого «народным заступником».

КРОВНЫЕ УЗЫ РОДСТВА

Десять очерков о жизненном и творческом пути известных советских писателей составили книгу Маргариты Ломуновой «Самая жгучая связь». Шесть прозаиков и четыре поэта стали героями сборника. М. Алексеев и О. Фокина, Г. Марков и М. Агашина, И. Калашников и Е. Исаев... Сколь ни отлична их житейская и литературная судьба, у всех у них есть одно общее качество — неразрывная духовная связь с отчим краем, один исток — родная земля, которой они посвятили и жизнь свою и творчество.

«Лицо поэта — лицо его земли,— подчеркивается во вступительной главе сборника...— И радость и гнев водят его рукой именно потому, что ежеминутно — сердцем — он чувствует пульс родительских мест». Проследить влияние истоков, «малой родины» на формирование личности и таланта писателя — цель, которую ставила перед собой М. Ломунова. Нужно сказать, автору во многом удалось осуществить замысел: книга получилась интересной, легко читаемой. Объясняется это еще и тем, что в основе ее не только десятки прочитанных и исследованных Ломуновой произведений, но и сотни, тысячи километров, которые довелось ей проехать вослед за своими героями. Очеркистке посчастливилось побывать во многих местах страны, связанных с творческой биографией писателей, с историей создания их произведений. Тут и срединная полоса России, нашедшая свое отражение в романах и повестях М. Алексеева и С. Крутилина, в поэмах Е. Исаева. Это и былинный Север, с жизнью которого неразрывно связана поэтическая судьба О. Фокиной, и синие дали Забайкалья, историческому прошлому которого посвятил свое творчество И. Калашников...

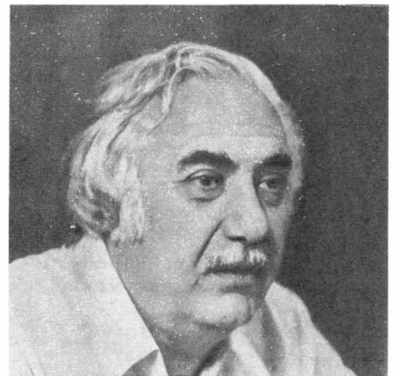
Подробно и живо рассказывает Ломунова о своих впечатлениях от пребывания в таежном селе Новокусково, родине Г. Маркова. Углубляясь в родословную писателя, она находит в ней многих прототипов действующих лиц его романов, прослеживает, как автобиографические моменты переплетаются с художественным вымыслом. При этом Ломунова предупреждает: «Не следует искать точных совпадений, воскрешать жизненный путь самого писателя по... страницам».

Автора книги интересуют не только проблемы литературоведения. Бывая на родине того или иного писателя, она пристально вглядывается в жизнь современного села, отмечает противоречивость его развития, печалится, видя запустение и упадок иных некогда богатых мест, радуется росту и расцвету других... Язык очерков Ломуновой эмоционален и образен: «Избы расступаются, и с высокого берега — в глаза даль невиданная. В сочных лугах, в ласковых высоких травах нежится Битюг. Дальше — лес. Земля слегка холмится, леса стеной на стену находят, а там и вовсе сливаются в сплошную синюю линию».

Читаешь такие строки и еще большей любовью проникаешься к родной земле, неиссякаемо щедрой на таланты. В этом — основной пафос книги Маргариты Ломуновой, которую, несомненно, с интересом прочтут все, кто интересуется современной советской литературой.

Иван ИСАЕВ

Маргарита Ломунова. Самая жгучая связь. Очерки о советских писателях. М., «Современник», 1982. 221 с.

О. Тактакишвили

СЛОВО О ЕДИНСТВЕ

Начало см. на стр. 7.

Да, городу очень тесно в пойме Куры, он поднимается вверх, на горы. Архитекторы стараются привязать новые здания к сверхгористому, прямо-таки скальному пейзажу. И те же самые архитекторы с любовью и благоговением прилагают громадные усилия, чтобы сохранить, оставить потомкам черты древнего, бесконечно дорогого нам маленького Тбилиси с его узкими улочками, веселыми домиками и открытыми балконами. И все это — новый, поднявшийся из котлована Тбилиси и старый, сбросивший с себя поздние безобразные пристройки, обновленный и удивительно приветливый,— появилось перед тбилисцами в последнее время, вышло как бы на перекличку для того, чтобы сказать нам, сегодняшним: «Все, что цветет, имеет корни. Хочешь цвести — побереги корень свой!»

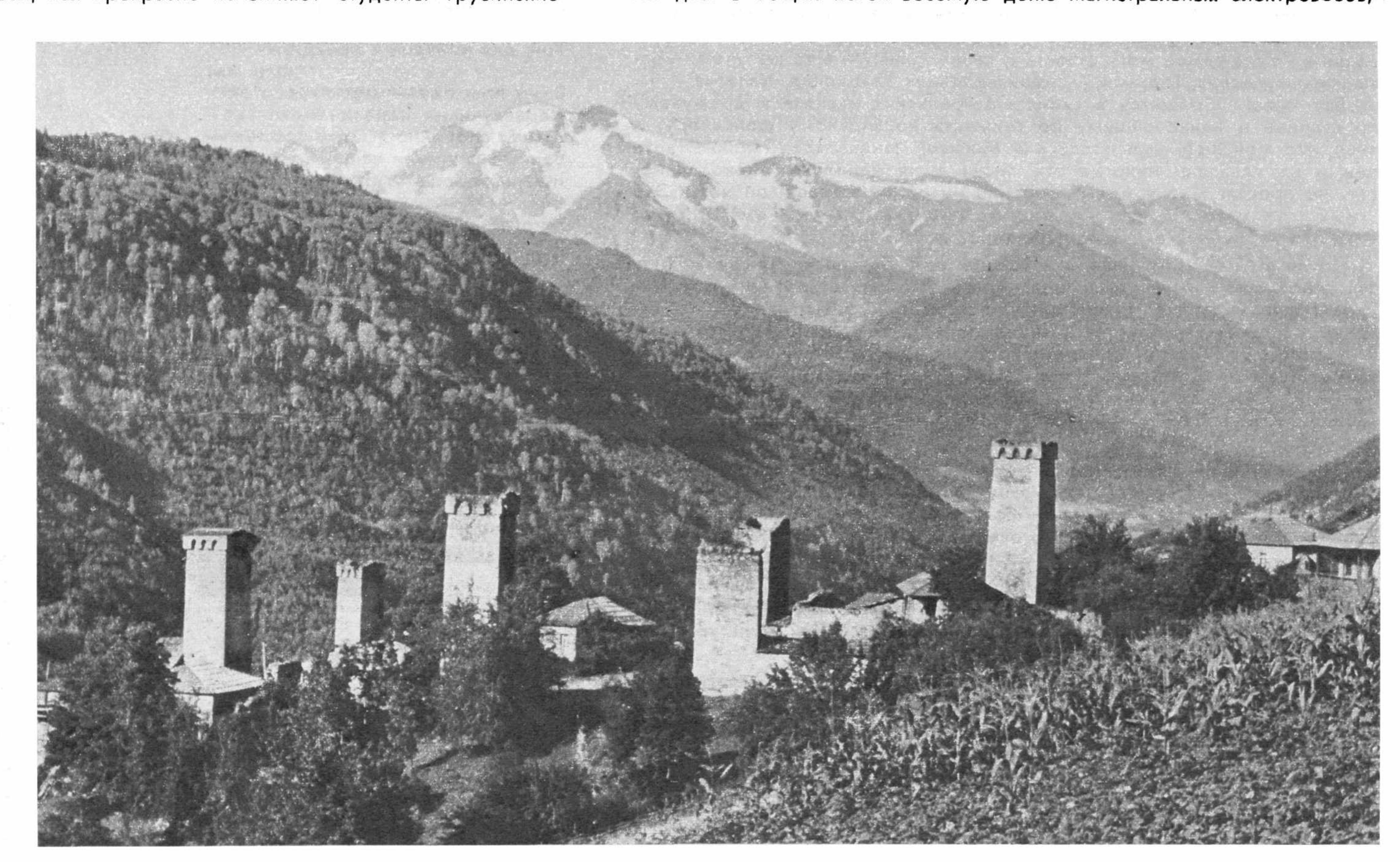
И еще одна мысль, которая появилась после посещения в Саратове авиационного завода. Сперва охватило воспоминание о мальчишеских годах, когда меня, учащегося авиатехникума, направили проходить производственную практику на недавно эвакуированный в Тбилиси авиационный завод. Русские рабочие обучали грузинскую, преимущественно сельскую молодежь, как это было в те годы и в Кутаиси на автомобильном и в Рустави на металлургическом. Сейчас в Тбилиси много крупных промышленных предприятий, свой рабочий-класс, город стал производить большое количество материальных ценностей, у него уйма дел. И вот уже исчезли с проспекта Руставели одиозные фигуры подпирающих стены бездельников и гуляк, хотя, по правде говоря, полностью от них мы еще, к сожалению, не избавились...

Так вот, Саратов, милый Саратов... Встреча со старыми знакомыми глубоко взволновала меня и заставила думать обо всех этих переменах. В музее имени Радищева я старался проследить линию от Боголюбова до Петрова-Водкина и Борисова-Мусатова, а значит, и от Гебашвили до Какабадзе и Зураба Нижарадзе. Вспомнил жанры и отрасли, получившие у нас за последние годы бурное развитие,— скульптуру, чеканку, монументальные виды прикладных искусств. В Саратовской консерватории, в фольклорном классе профессора Льва Христиансена я услышал, как прекрасно исполняют студенты грузинские и абхазские песни, и тут же подумал о наших певцах Зурабе Анджапаридзе, Зурабе Соткилаве, Маквале Касрашвили, великолепно выступающих на сцене Большого театра в русских классических операх...

А монумент героям, погибшим в Отечественной войне, навеянный стихотворением Гамзатова и песней Френкеля «Журавли»? Не брат ли он гурджаанскому памятнику «Отцу солдата» (киногерою, воплощенному актером Серго Закариадзе), столь же близкому и понятному всем в стране, хотя и глубоко национальному, даже в чем-то «местному»?

Вот саратовский дом Чернышевского. Я иду туда и невольно вспоминаю нашего замечательного публициста и общественного деятеля прошлого века, ученика Николая Гавриловича Нико Николадзе, духовного отца грузинских шестидесятников, родных братьев русских предтеч революции. И думаю, что все это и есть самый торжественный, самый многоголосый и согласный гимн шестидесятилетию нашего братского Союза ССР. С этим гимном великой дружбе преодолимы любые трудности жизни. В этом ощущении пульса огромной нашей жизни, становления новой культуры — источник вдохновения деятелей культуры народов Советской страны. И я, хотя и с чувством счастья, но уже без удивления наблюдаю, как волжане слушают грузинскую музыку, которую мы им привезли, как они понимают ее и умеют оценить. Самые замысловатые гурийские фиоритуры, которые вполне могли бы быть чуждыми здешнему уху, воспринимаются как вполне естественное, свежее, захватывающее музицирование. Это говорит не только о мастерстве исполнителей. Мне кажется, важно то, что в этом и новое качество самих слушателей, душа которых неизменно настроена на приятие самобытного, нового, народного.

Мы — единый советский народ. И, наверно, мы не были бы марксистами-ленинцами, если б не понимали, что это духовное родство базируется на материальной основе братства всех народов страны, на едином народнохозяйственном комплексе, в котором, словно в оркестре, свою партию ведут и труженики Грузинской республики. В самом деле, в Грузии со всеми ее автономиями — абхазской, аджарской, юго-осетинской — проживает меньше двух процентов населения СССР. Между тем с помощью других республик она дает в общий котел весомую долю магистральных электровозов,

Башни Сванетии.

Фото И. Тункеля

марганца, химических удобрений, почти весь чай и цитрусы, много фруктов, винограда — всего не перечислишь. И все это делают не роботы, а люди, народ, в недрах которого всегда горит огонь творчества, сохраняются истоки его, зреет и расцветает социалистическая по сути своей, национальная по форме культура. Ибо рождается человек на свет для того, чтобы, потрудившись на славу, радоваться жизни, видеть и слышать красивое, петь и танцевать, творить и наслаждаться.

Песня для моей родной республики всегда была верным спутником в жизни. Разветвленное многоголосие, своеобразие мелодии, огромный жанровый диапазон и любовь к ней народа сделали ее неизменным спутником грузина. Но сегодня в обновленной республике обновляется и песня. Долгие усилия в развитии самодеятельного хорового искусства дали свои замечательные всходы. На последних фестивалях мы услышали коллективы из разных уголков Грузии. Искусство их может соперничать с искусством прославленных профессиональных ансамблей и хоров. Здесь и могучая хоральная первозданность Сванетии, и мерное течение карталино-кахетинского распева, солнечность мелодий Аджарии, суровая сдержанность Абхазии, мерная плавность осетинского танца и песни, искрометность Гурии, задушевность Мегрелии... Но самое главное в том, что появился вкус, появилась потребность к обновлению и восстановлению песен забытых, острохарактерных для своего края, уголка. Вместе с тем — и это очень примечательно — появились многонациональные хоровые коллективы. Особенно радостно видеть среди них детские хоры. Ведь в них, кроме любви к пению, закладывается твердая основа чувства общности и братства. А это путеводная звезда на всю жизнь.

Если еще совсем недавно новинки литературы и искусства, доходившие до нас из тех уголков страны, о которых мы мало знали и слышали, вызывали у нас ощущение чего-то экзотического, диковинного, то сегодня киргизский писатель Чингиз Айтматов стал любимым автором огромной читательской аудитории. Если раньше у Вячеслава Шишкова мы читали о Сибири с чувством открытия чего-то до фантастичности неизведанного, то теперь в книгах Валентина Распутина и Виктора Астафьева, проникая в сущность той же Сибири, погружаемся в недавно скрытую от нас природу явлений, вещей, характеров. То же можно сказать о становлении в нашей душе многообразной культуры Северного Кавказа, дальнего севера России, о приближении к нам многих культурных феноменов, которыми так богата страна и столь стремительно обогащается советский народ.

Особенно ярко для меня как для композитора эта картина вырисовывается в музыке. Лет 60—80 назад для профессиональных музыкальных культур Закавказья решающим был интерес деятелей русской музыки, русского музыкального общества к их самобытным истокам и фольклорным богатствам. Сегодня же судьба самой русской музыки близка нам и с нами неразрывна, как неразрывна судьба братьев. Если наш Палиашвили был как бы внуком Петра Ильича Чайковского, так любившего Грузию, проведшего в ней многие счастливые месяцы и сумевшего внушить эту любовь своему ученику Сергею Танееву, ставшему учителем Палиашвили, то мы, сегодняшние, просто живем друг с другом в одной семье. Такое сближение могло вызвать во многих странах нивелировку национального, приход к чему-то общему в самой музыкальной ткани творчества. А у нас это привело к яркому национальному расцвету, к глубокому постижению многовекового наследия, к взаимопониманию в процессе проникновения вглубь.

Я не жил в Курске и даже никогда не бывал там. Но, поверьте, смог бы почувствовать каждую нечистую ноту в «Курских песнях» Свиридова, если б они не были так кристально чисты и глубоко национальны. То же самое могу сказать о заземленных и в то же время возвышенных песнях Тормиса, о произведениях Гаврилина, Чалаева.

Вот чудо! Обращаясь в своих «Мегрельских песнях» к дремучему по старине и наиновейшему по свежести колхидскому фольклору, я знал, что мои любимые коллеги в Москве, Ленинграде, Таллине, хотя они и не слышали никогда эти песни в их народной первозданности, не простят мне в моем творении ни одной фальшивой ноты. Это новый слух эпохи. В него необходимо проникать, верить ему, идти за ним. Это не личное, а уже общественное достояние!

После Кайсына Кулиева стилизация под балкарское невозможна, как невозможна ныне столь еще недавно модная стилизация под Сибирь после недавних литературных достижений сибиряков. И это явление растет и углубляется. Общие понятия о красотах Востока и о «восточном» колорите конкретизированы и духовно «оматериализованы» музыкой Комитаса, Палиашвили, Спендиарова, живописью Пиросмани, Сарьяна, Гудиашвили, поэзией Самеда Вургуна, Галактиона Табидзе, Егише Чаренца, работами скульпторов, архитекторов Закавказья.

Сейчас невозможен поворот назад, нетерпима сладкая фальшь ориентализма, приторность стилизации. И хотя кое-где еще маячат перед глазами голые короли космополитического отчуждения от самих себя, их обнаженное бесстыдство очевидно и ребенку...

Новое, привнесенное нашей страной в мировое искусство,— это чудодейственное единство в огромном многообразии, это стыковка самобытных, никогда еще так не самоосознававших себя национальных особенностей в общем русле великой созидательной культуры равенства и братства.

Не слепота, а, напротив, острое зрение. Не манекен или слегка прикрытая одеждой жизни дидактика, а подлинные люди, новые, огромные, которые могут увидеть мир и с малого полустанка в казахской степи, и из далекой тайги и заоблачных вершин седого Кавказа.

По-моему, такое единство еще никому не удавалось, и это чудо сложилось в Союзе Советских Социалистических Республик, шестидесятилетие которого (а это, согласитесь, для страны младенческий возраст!) мы все отмечаем.

СТИХИ ГР

Ираклий
АБАШИДЗЕ

МИР ДЖУГААНИ

Н. Тихонову

Перед глазами — мир Джугаани,
Осенью на дощатом балконе
Сок виноградный гроздья чеканит,
Как в колокольцев праздничном звоне.
Перед глазами — мир Джугаани,
Ртвели владеет зреньем и слухом,
Пылким маджари бредит марани,
Домики веют яблочным духом.
Перед глазами — мир Джугаани,
Радуг и синих туч равновесье,
Глаз даже знойным солнцем не ранит,
Сумерек ноша много не весит.
Праздник владеет речью былинной,
Рек величавей нет Алазани,
Снежные горы мирной долиной
Восхищены, как чудом сказанья.
Голос один лишь слышен в лазури,
Трепет пчелиный смолкнуть не хочет,
Так затаенна песнь чиануры,
Так Алазани бег неумолчен.
Горы подсвечены утром лучами,
Блещут алмазы радостью вечной,
В этом покое, в этом молчанье
Вижу земную даль бесконечной.
Вижу, как будни слиты с мечтою —
Той, для которой к празднику шли мы,
Вижу повсюду — мир с красотою
Неразлучимы, неразделимы.
Дышат спокойно эти два счастья —
Вечные спутники нашей вселенной,
Жизнь хороша и стройно прекрасна,
Мир ей сулит быть вечно нетленной.

Перевел В. Шошин.

Джугаани — селение в Кахетии.
Ртвели — пора сбора винограда.
Маджари — молодое вино.
Марани — кувшины для хранения вина.
Чианури — грузинский музыкальный инструмент.

Григол
АБАШИДЗЕ

К ВЕРШИНАМ

Не страшатся высот альпинисты,
И лишь только взята высота,
Кличет новый отвес каменистый
И вершина зовет, как мечта.

Задыхается ветер жестокий,
Небеса низвергают грозу,
Но стучат по камням альпенштоки,
И обвалы грохочут внизу,

И слепят снеговые седины,
И, являя отваги пример,
В устремленье к высотам едины
Альпинист и грузин-инженер.

Вот раскинул он лагерь на Храми,
И бивачное пламя костра
Полыхало в ночи над горами,—
Это было лишь только вчера.

Ну, а завтра у новой плотины
Опрокинется навзничь волна.
Выше самой высокой вершины
Белой пеной заблещет она.

И все выше в одном устремленье
Будут шествовать подвиг и труд,
И гигантские горные тени
Ястребами в теснины падут.

Стынет инеем воздух колючий,
Горной речки грозится клинок,
Но атаки не выдержат кручи
И, простертые, лягут у ног.

Чтобы светом веселым и чистым
Ярче вспыхнула родина-мать,
Инженеры под стать альпинистам
Наши горы идут штурмовать.

Перевел А. Межиров.

Реваз
МАРГИАНИ

●

Да разве можно без Ингури?
Как без нее с Отчизной слиться?
Не будь Ингури, гор в лазури,
Чем стала б Грузия гордиться?

И разве можно без Сванетии?
Как запылал бы факел дружбы?
Не быть бы Грузии на свете,
Не будь Сванетии и Ушбы.

А без Арагви можно ль сердцу?
Без песен гор в застолье тесном?
Не может в Грузии не петься,
А без вина где крылья песням?

Как без тебя, не будет жизни
И без Ингури быстротечной,
Так невозможно без Отчизны,—
Кому тогда быть верным вечно?

Перевел В. Шошин.

УЗИНСКИХ ПОЭТОВ

Анна
КАЛАНДАДЗЕ

И ЛЕТЯТ, И ЛЕТЯТ...

Горы плачут... и мой затуманился
взгляд,
Запечалилась ель — не моя ль то
печаль?
Сорвались и летят, и летят, и летят
Листья вдаль... листья вдаль...

К небу тянется лес, листопадом
объят,
Но со стоном чужим, различимым
едва ль,
Сорвались и летят, и летят, и летят
Листья вдаль... листья вдаль...

Перевел А. Величанский.

Мухран
МАЧАВАРИАНИ

НЕ ЗРЯ!

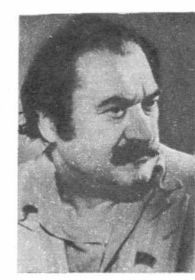
Не зря,
не зря
летят в траву
года плодами спелыми.

Не зря
в густую синеву
деревья эти вделаны!
О, в мире ничего не зря —
ни взрослые, ни дети.
Не зря моря,
не зря заря
и ночь не зря на свете!

Не зря, не зря
петух кричал
и мама песни пела.

Не зря
похрустывал причал,
не зря
арба скрипела!
Не зря,
покинув перевал
в то памятное лето,
я, как друзей, расцеловал
тбилисские рассветы...

Перевел Е. Евтушенко.

Джансуг
ЧАРКВИАНИ

СЧАСТЬЕ

Нет, счастья миг не повторится...
Вздымая зыбь, взрезая гладь,
Идет волна, чтобы разбиться
Или рассыпаться... Как знать!

И ветер в сторону заката
Склонился, удалился прочь.
С вчерашним пиршеством куда-то
Вчерашняя уходит ночь.

И лишь река бежит, струится,
Былые дни не в силах всплыть...
И счастья миг не повторится,
И в этом —
Счастье, может быть.

Перевел М. Синельников.

ОТКРЫТИЕ ТАЙГИ

На плече у меня
Дикий голубь сидит,
взъерошенный.
А перед глазами —
Невообразимая ель.
Душа вознеслась
И увидела мир таежный,
И мне показалось,
Что я на земле земель.

Мне, у которого есть
Грузинские горы,
Свои дороги
И свои небеса,
Открылись иные горы,
Иные заснеженные просторы —
Неописуемые чудеса.

Шота
НИШНИАНИДЗЕ

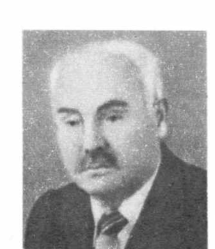
РОДИНА-МАТЬ

(Фрагмент)

Мы не воздвигли бы Светицховели
И «Витязя» не снарядили б мы,
Когда б с надеждой чистой
не глядели
На свет восхода, что встает
из тьмы.

Да одарит тебя детьми судьба,
Да будет вещей птичья ворожба
И вешнего ручья горячий лепет,
И воркованье голубя, и трепет
Дубов! Да поднимаются хлеба!

Да зреет виноград! И колыбели
Почаще бы в домах твоих
скрипели!
От пола пусть растет до потолка,
До звезд — наш дом, поставлен
на века!

Иона
ВАКЕЛИ

АЛАЗАНСКИМ ПОЛЯМ

Что сравнится красотою
с алазанскими полями?
Так — виднеется Иори,
этак — Шилда перед нами.

Полная луна степенна
в сизых облаков уборе.
На цветущие нагорья
сверху смотрит Цив-Гомбори.

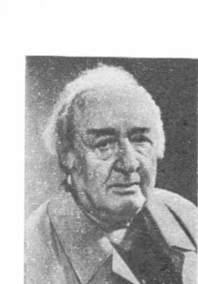
В час, когда роса блистает
под родными небесами,
Что сравнится в эту пору
с алазанскими полями?

Кажется, что разбросали
разноцветные каменья.
Реки и ручьи сияют
в эти дивные мгновенья.

Виноградники, как чудо,
наяву нам показались,
И орешники повсюду,
словно ратники-хазары.

Под родными небесами
дни труда идут за днями.
Что сравнится, что сравнится
с алазанскими полями?

Перевел Л. Озеров.

Карло
КАЛАДЗЕ

НЕБО, ВЕСЕННЕЕ НЕБО

Небо, весеннее небо — снова
весна на подходе!
Блещут открытые окна, тянутся
кверху балконы,—
Руки раскину и взмою я в синеву,
что бездонна...

Небо, весеннее небо — снова
весна на подходе!
Снова земля запестрела. Тени
разорваны в клочья —
Гасятся солнцем и ветром: это я
вижу воочью,—
И зажигаются солнцем!.. Горы
уже проснулись,
Раньше меня с зарею пенной
волны коснулись...

Холм невысокий увенчан
тысячелетним вязом,
Все, что во мне творится, он видит
и слышит разом.
Сердце мое, когда же, как не
в минуты эти,
Можно услышать, как бьется
пульс суковатой ветви!

Дерево среди сада покачивает
плечами:
Где завитки на лозах, закрученные
лучами?..
Птаха нашла меж веток, в небо
взметенных круто,
Место гнезду, основу,— на самой
верхушке тута.

Жил бы в моем жилище кто-то —
ее ровесник,
Стали б они друзьями: рядом —
дома и песни...
В сини балкон подобен чуть ли
не пьедесталу...
Небо, весеннее небо — это весна
настала!..

●

Сыплет точило искры — пляска
огней летучих!
Свой наточу топорик я для кустов
колючих...

О, как следить люблю я за
воспареньем пара,
Что из низины всплывает кверху
дорогой старой.

Скоропись пашни читаю, сразу
ищу: кто автор?
И провожаю взглядом
протарахтевший трактор.

Вижу: к моей калитке, там, где
вода струится,
К вырытому мной руслу вдруг
подошла буйволица.

Ах, если б вы, красотки, застали
бы это мгновенье,
Вы бы таким ресницам
позавидовали б, без сомненья!

Вот, по-хозяйски руку ей
положив на шею,
Мальчик большой и важный
дальше побрел за нею.

Мир, покой и согласье!.. В этом-то
все и дело...
Ищут любви — и только!— ратные
лук и стрелы.

Стихнул безумец-ветер, и улеглись
тревоги...
Небо, весеннее небо — это весна
на пороге!

Перевела Е. Николаевская.

ВЫСОКАЯ АРКА

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Встретившись со строителем последней (в смысле пущенной в последнее время) Ингурской ГЭС Михаилом Аполлоновичем Цискаришвили, я начала читать ему стихи:

Нет, не знаешь ты Востока,—
возразил Казбек,—
Люди там не спят глубоко,
как в истекший век.
Посмотри — белее ваты
снег своих вершин
превращает в киловатты
пламенный грузин...

Ну, и так далее. Спор с известным лермонтовским «Спором», где «пену сладких вин на узорные шальвары сонный льет грузин», Цискаришвили почти не слушал, смотрел в угол, лицо выражало нетерпение. Я знаю, в это время он соображал, как отремонтировать три старых дома, в которых живут его сотрудники. И я почувствовала себя той самой дамой («Анна (смутившись)...»), в которую герой чеховской «Драмы» запустил тяжелым пресс-папье. Хотя пародийное произведение было не столь длинным и, главное, не моим. Я наткнулась на него в одном старинном семейном архиве. На пожелтевшей страничке под стихами, от руки написанными, стояла дата: 1927 год, VIII, подпись автора, Виссариона Алексеевича Чичинадзе, и приписка: «В восторг это привело Орджоникидзе!»

А Виссарион Чичинадзе, далекий предшественник Цискаришвили, был начальником строительства первой в Грузии Земоавчальской ГЭС (ЗАГЭС). Грандиозное по тем временам сооружение, согласно ленинскому плану ГОЭЛРО, пустили в эксплуатацию 26.VI.1927 года. И через три дня Чичинадзе вместе со своими помощниками Багратом Микеладзе и Иоганесом Мелик-Пашаевым перебрался строить вторую ГЭС, на Риони, и вот тут-то написал: «...превращает в киловатты пламенный грузин...»

Я, конечно, не о художественных достоинствах, а о факте написания, о настроении непричастного к поэзии человека.

— Стихи практически могут писать все,— угрюмо проронил Цискаришвили.

— Но вы вот не написали?

— Я еще не кончил Ингури,— отшутился он.

Это правда, он еще не кончил строить ИнгуриГЭС. Пять турбин, установленных в подземном зале, работают вполсилы, потому что нет соответствующего напора воды. А нет напора потому, что не достроена плотина, ей еще расти метров 35 в высоту. Это года на два работы. А самое главное... Знаете, что самое главное? Отшумела ингурская стройка. Была она Всесоюзная, Комсомольская, Ударная. Как только пустили станцию (неважно, во сколько сил, но пустили) и Михаил Цискаришвили вместе с лучшим бригадиром арматурщиков Александром Олейниковым удостоился звания Героя Социалистического Труда, а также получили награды и другие строители, с ИнгуриГЭС сошел флер исключительности. Теперь достраивай сам, если ты молодец!..

По дороге на ИнгуриГЭС — городок Зестафони. Завод ферросплавов. Надо заехать. Тут директор — старый знакомый — Гурам Бенедиктович Кашакашвили, был раньше начальником мартеновского цеха в Рустави. Он и показывает хозяйство, которое около полувека назад выдало первый советский ферросплав. Все теперь реконструировано. Две полностью закрытые печи никого не опаляют адским жаром. Остальные печи или уже стали, или вот-вот станут полузакрытыми: работа зестафонцев и тбилисцев в содружестве с новосибирцами. Всего 23 печи, и каждая по 10, по 12 раз в сутки выдает силикомарганец и разные другие сплавы для изготовления стали. А сколько энергии поглощают эти 23 «электрокастрюли»! Правда, в республике, кроме ИнгуриГЭС, еще 62 гидроэлектростанции, но такие малышки, что все вместе не превышают по мощности Ингурскую. А между тем энергию требуют металлургия и химия Рустави, электровозостроение Тбилиси, автомобилестроение Кутаиси и железная дорога, полностью переведенная на электротягу, кто знает, сколько она «глотает» киловатт...

И все это, как птенцы в своих гнездах, клацает клювами, ждет корма, ибо растет. Попробуй не дать его, хотя бы вполсилы, вовремя, а дать лишь в 1984—1985-м! Значит, правильно, что Цискаришвили кинулся на помощь вечно голодной, прожорливой промышленности, не успев повязать галстук и надеть шляпу? Значит, именно в этом и состоит его героизм и героизм всего 12-тысячного коллектива стройки, потому что даже вполсилы Ингури равна тому, как если бы заработали сразу двадцать три ЗАГЭС!

Нет, не скоро мы будем делать все размеренно и не торопясь. Такой уж век у нас, покой нам только снится!..

Цискаришвили появился на стройке десять лет тому назад — молодой, привлекательный собою и никому не известный. До того он в противоположном конце республики, на Алазани, проектировал и строил оросительную систему. А здесь, на стройке, тем временем сменилось шесть начальников. К шестому как-то уже привыкли, у него был огромный авторитет специалиста по подземным сооружениям. Ведь ИнгуриГЭС почти всю надо было строить под землей.

— Мой предшественник,— говорит Цискаришвили,— был опытным и не знающим устали руководителем. И все же стройка раскачивалась очень медленно, бесконечно уточняя проекты и погрязая в спорах. Начальники отдельных управлений сидели по своим ущельям, как удельные князья, не желая контактовать друг с другом. Пришлось кое-кого заменять, а главное, всех сплачивать и сдруживать, чтобы все это огромное, раскиданное по горам хозяйство — плотина, тоннель, силовой узел — было едино, как плечо, локоть и кулак.

В самом деле, помню и я, наездами здесь бывавшая, как все закрутилось-завертелось с приходом этого «неизвестного» с властным голосом, резкими, прямыми суждениями и очень добрым сердцем, если речь шла о чисто человеческих, бытовых вещах.

Оказывается, люди могут многое, когда оставляют амбиции и сплоченно бьют в одну цель — сделать станцию как можно лучше и быстрей. Что говорить, такой кубатуры скального грунта еще не вынимали и на стройке крупнейших станций Московского метро. Такой высокой арочной плотины (271,5 метра) еще не строили нигде в мире. Все дело в том, стóит ли игра свеч, нужны ли большие затраты на то, чтобы получить энергомощность в 1 миллион 600 тысяч киловатт? Подсчитывали. Были необходимы затраты. Пошло на это правительство. Такая гидростанция будет снимать в пиковые месяцы дефицит энергии на юге нашей страны. Окупит себя Ингури и станет давать энергию по грошовой цене, поскольку вода реки, как известно, ничего не стоит.

Но есть и несиюминутный аспект: класс технической сложности сооружения и выросшие здесь кадры рабочих и инженеров, которые смогут строить многое другое. Для начала, например, гидроаккумулирующую станцию (ГАЭС), для которой уже приготовлено место при Ингурской плотине, и даст она плюс к подземной около миллиона киловатт. Или уже развернувшуюся выше по реке ХудониГЭС, следующую станцию Ингурского каскада — это еще 740 тысяч киловатт... А посмотришь на Ингури — по сибирским понятиям несерьезная река, горный клокочущий ручей. Но какая быстрота, и сила, и в каменном ложе стаявший «снег вершин».

Плотина. За ней голубое море разлилось по ущелью уже километров на восемнадцать. Еще выше, над плотиной, как древесный гриб, прилепился к скале дом штаба «Плотинстроя». Еще выше, над грибом, смотровая площадка для проезжающих в Сванетию или из Сванетии. На площадке все время люди, опершись на перила, глядят вниз, как движутся кабель-краны, как бетонируют. Зрелище, от которого трудно оторваться, завораживает какой-то необъяснимой силой.

Высоко над плотиной мощные вертолеты проносят под своим брюхом кружевные конструкции металлических опор. Вертолетчики летают на перевал Главного Кавказского хребта, где монтируется трасса электропередач ИнгуриГЭС — СтавропольГРЭС.

Вместе с ветераном стройки Нодаром Несторовичем Шартавой стоим на штабном балкончике. Рассказывает он о поездке во Францию, где участвовал в международном симпозиуме гидростроителей. Интерес к Ингурскому каскаду огромный. Потом вспоминаем с ним предпусковое время,— тогда он был на плотине главным инженером. Очень мягкий, деликатный технарь показался мне в этот раз несколько «потвердевшим».

— Это Цискаришвили меня «отковал»!— смеется.— Он умеет. Как? Десятки примеров. Скажем, перед пуском в первом забое деривационного тоннеля обнаружились большие накладки. Поскольку я был прикреплен к этому забою, стал докладывать на совещании, объяснять причины. Цискаришвили обрушился на меня, как водопад: «Какие причины? Какие объяснения?! Надо обеспечить в забое порядок, готовность к пуску!» Я очень обиделся, не считая себя виновным, подал заявление об «отставке». Цискаришвили отмахнулся от бумаги: «Послушай, я ругал тебя, чтоб зубы тебе отточить, чтоб научить тебя за дело драться!..» И правда, ради дела надо было идти в забой и чужое исправлять, потому что «чужого» здесь ничего не было и нет. Это мы теперь все твердо усвоили.

Сейчас Нодар Несторович — начальник «Плотинстроя». Ему завершать это уникальное сооружение. Ну, а Цискаришвили, начальник строящегося каскада на Ингури, «по совместительству» выдвинут управляющим треста Грузгидроэнергострой. Его заботят все ныне строящиеся станции в республике. И еще, как депутат Верховного Совета СССР и член комиссии по строительству и промышленности стройматериалов Совета Национальностей, он участвует в решении многих государственных дел в стране. Но Ингурская плотина, как молодость в жизни человека, наверно, уже не повторится никогда.

И тут я будто слышу голоса современных обывателей, усевшихся перед телевизорами с жаждой зрелищ: «Надоели эти плотины, эти ГЭС! Природу только портят...» А знаете, что было в Тбилиси во время чемпионата мира по футболу? Все одновременно включили телевизоры, и не выдержала сеть. Правда, ненадолго. Энергия появилась. Но за те несколько минут многим стало понятно, что значат киловатты, стоит слагать о них стихи или нет... Наверное, лучше все же, чтобы слагались.

Над старыми балконами и фонарями Тбилиси высится мощная телебашня * Разливка силикомарганца на Зестафонском заводе ферросплавов * Дорога на Дигомский массив города Тбилиси * Контактные сети электрифицированных железных дорог вытеснили последние паровозы на высокогорных ветках * Высоко над Сванской дорогой через Кавказский хребет прокладывается трасса электропередач «ИнгуриГЭС—СтавропольГРЭС».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В бригадах Котэ Мархулия и Давида Мушкудиани, где начальником участка Бичико Гаделия, строящих на Ингури новую станцию, ХудониГЭС, работают люди разных национальностей: Александр Совков, Ярослав Бойчук, Ионас Микуленас, Шота Квабзиридзе и другие.

НА РОДИНЕ МАЯКОВСКОГО

В. МОРОЗОВА

В Грузию мы прилетели 19 июля, в день рождения двух знаменитых людей — отца и сына, Владимира Константиновича и Владимира Владимировича Маяковских, прославивших старый Багдади. Маленькое грузинское селение названо Маяковским в честь сына, но и отец его, багдадский лесничий, оставил след в сердцах людей Грузии. Недаром же, когда в 1940 году открылся музей великого советского поэта, старики крестьяне, сверстники Владимира Константиновича, указывая на дом бывшего лесничего, с одобрением говорили: «Вот открыли музей в честь хорошего человека». А бывший лесничий и впрямь был человеком хорошим и незаурядным. Когда в 1889 году семья Маяковских поселилась в Багдади, глухом селении Западной Грузии, вновь назначенный лесничий сразу завоевал любовь и доверие крестьян своим веселым, открытым нравом, широким русским хлебосольством, знанием грузинского языка, а главное — пониманием нужд крестьян, справедливостью.

Шестнадцать лет проработал Владимир Константинович в Багдадском лесничестве вплоть до своей преждевременной трагической кончины. Он глубоко любил природу этого края и строго оберегал леса от расхищения. Владения лесничества были огромны, и просто диву даешься, как все это удавалось сберечь. Смотришь вокруг, и насколько хватает глаз — только небо да горы, покрытые густыми лесами, а у самого подножия — словно игрушечные домики, утопающие в зелени садов, виноградников. Это и есть Багдади, теперешний Маяковский. У самого входа в Зекарское ущелье на высоком речном берегу — старый дом, в котором родился поэт.

Мемориальные музеи всегда вызывают какой-то особый благоговейный трепет в душе человека. Да и как без волнения можно смотреть на колыбель поэта, на его рисунки, на смешные письма, написанные еще детской рукой сестре Людмиле гимназистом Володей Маяковским... В кабинете отца есть любопытная коллекция пород деревьев, характерных для грузинских гор. Здесь хранятся его бурка, ружье, кинжал, медаль за труды по переписи населения 1897 года и множество других вещей семьи Маяковских, ставших для потомков реликвиями.

Прекрасен этот священный уголок. Не побывав здесь, просто нельзя сказать, что ты знаешь Грузию, ее людей, ее землю.

Селение Маяковский постепенно превращается в город, но в сущности своей жители его остались крестьянами. Они так любят свой край, свою землю, как только может любить человек, сам работающий на ней, своими руками выращивающий богатые урожаи, которые дает щедрая земля Грузии. Но город наступает, и многие охотно переезжают в новые современные дома, только, как и прежде, по дорогам привольно бегают куры, индюки, поросята, мало обращая внимания на проезжающие автомашины. У кого ни спросишь, где вы проводите свой отпуск, слышишь одно и то же: «Надо помочь родным на винограднике, надо заняться землей».

Сегодня хозяином всех лесов бывшего багдадского лесничества стал Маяковский государственный лесхоз, объединивший пять лесничеств. Территория его — 46 тысяч гектаров, почти сплошь покрытых лесами.

Директор лесхоза Элисе Георгиевич Порчхидзе, его заместитель и главный лесничий Дмитрий Николаевич Сакварелидзе, пять лесничих, тридцать четыре лесника, восемь мастеров леса, сорок рабочих — вот штат лесхоза, вот люди, ставшие наследниками и продолжателями дела, которое вел лесничий Владимир Константинович Маяковский.

Спросите любого лесника, и он вам покажет место в Зекарском ущелье, где растет и плодоносит по сей день грецкий орех, посаженный еще при жизни Владимира Константиновича, как назовет и место встречи его с Горьким, расскажет с пылом очевидца, как Алексей Максимович, отдыхая в Боржоми, шел дорогой из Абастумани, обедал у Маяковских, потом ловил форель с лесниками и как всей семьей провожали писателя дальше, в Кутаиси.

С неподдельным восторгом расскажут и другую историю: о встрече поэта Маяковского в Париже с двумя грузинскими дамами на вернисаже какого-то художника, когда одна из них спросила другую, указывая на В. В. Маяковского: «Что это за медведь?» И Маяковский на чистом грузинском ответил: «Я человек, а не медведь».

Но главная память — в сохранении и приумножении лесных богатств, которые можно назвать неисчерпаемыми лишь благодаря трудолюбию местных жителей. Шутка сказать, 42,5 тысячи гектаров леса — ценнейших пород: бука, ели, пихты, каштана, дуба, ольхи, красного дерева, целые плантации плодоносящих деревьев, птицы, олени, дикие кабаны, горные козы, зайцы, лисы, медведи, волки; реки, полные рыбы: форели, усача; огромное подсобное хозяйство, пасеки, пастбища для скота, травы, дикий кизил, грибы, ягоды, лесные питомники. Всего и не перечислишь.

— Задача наша — не только сохранить лес, но и улучшить его качество. Поэтому мы регулярно проводим санитарные рубки, высаживаем ежегодно около ста гектаров новых лесокультур,— говорит Элисе Георгиевич Порчхидзе.— Есть у нас питомники, в которых мы выращиваем саженцы для себя и для других лесничеств.

Особое внимание уделяем плодоносящим и медоносным сортам — каштану, буку, сливе, липе. В наших лесах прекрасные травы, ежегодно скашиваем для районных колхозов и совхозов до восьмисот центнеров сена. Санитарные рубки в курортных лесах позволяют нам сдавать до 4200 кубометров древесины. На высокогорных пастбищах пасутся стада. У нас свое подсобное хозяйство...

Подсобное хозяйство — это две тонны блестящих, сверкающих, будто отполированных коричневых плодов каштана, пятнадцать центнеров сушеных отборных, пронзительно красных, словно драгоценные рубины, ягод кизила, горы ароматных яблок, груш, темно-синих с бархатно-сизым налетом слив, тонна ценнейшего целительного горного меда, сто центнеров парной свинины.

Под окнами конторы лесхоза, в которой мы беседуем с Элисе Георгиевичем, проскрипела арба, нагруженная дровами.

— Да, лесхоз выделяет местным жителям дрова на зиму, подбрасывает материалы и на строительство новых домов. А как же иначе? Ведь и жители помогают нам в лесопосадках, вывозке древесины, охране лесов,— поясняет Элисе Георгиевич, сам потомственный житель поселка Маяковский. Здесь, в Багдади, жили его дед и его отец, здесь он учился в средней школе, а окончив Тбилисский сельхозинститут, вернулся домой. Начинал работу в Зекарском лесничестве инженером по охране леса, исходил все тропки, дороги, посадил своими руками столько деревьев, что и не сосчитать. С 1979 года возглавляет Маяковский лесхоз. Его заместитель Д. Н. Сакварелидзе — из соседнего Зестафони, начинал растить лес сначала в Тманисском лесничестве, потом в Зестафонском лесхозе. А когда в 1977 году его назначили в Маяковский главным лесничим, Дмитрий Николаевич горячо взялся за дело. Он один из инициаторов столетнего эксперимента с елями.

— Лес — это живой организм, который рождается, живет и умирает,— говорит Дмитрий Николаевич.— Жизнь лесовода слишком коротка, чтобы самому увидеть плоды своих трудов. В нашем деле многое рассчитано на жизнь нескольких поколений. Пять лет назад решили посадить двадцать семь видов елей, но только через век выявятся приемлемые для нашей климатической зоны. Ведь ель — одна из ценнейших пород, и, к сожалению, ее стало очень мало в Грузии. Конечно, лет через десять мы сможем рекомендовать некоторые виды, но все же это только первая ступень.

...Старая имеретинская дорога петляет, извивается среди почти отвесных скал, покрытых непроходимыми лесами, поднимается, ведет нас к открытому еще до революции курорту Зекари. Вода здесь необыкновенно горяча, целительна. Другая дорога — на Саирмский источник. Шумно, оживленно сейчас на этих курортах, но наступит зима, земля покроется толстым, порой до двух метров, снегом, и горы опустеют. Лишь лесники, прикрутив к сапогам самодельные широкие плетенки, будут пробираться сквозь сугробы, неся жителям леса корм, осматривая свои владения хозяйским глазом.

Чем больше знакомишься с делами лесхоза, тем больше понимаешь, какой это нелегкий труд — растить лес. А борьба с браконьерами! К тому же браконьер приезжает в лес, вооруженный, как говорится, по последнему слову техники — на «Жигулях», с двустволкой, сетями, динамитом или хлором в зависимости от цели преступного путешествия. Лесничий же с ним один на один, вдали от людей, с голыми руками, вооруженный лишь инструкциями, мужеством и смекалкой.

Жизнерадостный, веселый и добрый народ живет в Маяковском. Знакомишься с людьми лесхоза, и невольно возникает ощущение близкого родства этих людей: так хорошо они знают друг друга, семьи, детей, дела, заботы каждого. Их доброта, внимание проявляются и в малом и в большом.

Впечатление об известных на всю республику острословах-имеретинцах, живущих в Маяковском, было бы неполным, если бы я не побывала на генеральной репетиции самодеятельного ансамбля музыкальных инструментов. Даже не зная языка, лишь слушая торопливый шепот перевода, я не могла удержаться от смеха — так веселы и остроумны были комические сценки, поставленные солистами ансамбля. Умеют в поселке и хорошо трудиться и весело отдыхать. Наверное, щедрость грузинской земли рождает в этих людях и особую щедрость души, широту и сердечность.

Музей В. В. Маяковского в поселке Маяковский * Курорт Саирме.

Владимир **НИКОЛАЕВ**

«Удовлетворите наши нужды, а не жадность корпораций» — такой лозунг несут демонстранты.

США: ДЕФИ

В свое время буржуазные идеологи не уставали утверждать, что американцы являются нацией оптимистов. В этом было, разумеется, немало от рекламы. Многие общеизвестные понятия в США толкуются не совсем так, как, скажем, у нас, в том числе и оптимизм. В Америке выводят преступника после приговора из зала суда, а он хоть и деланно, но улыбается в объективы нацеленных в него репортерских камер. Случаются и такие курьезы: припертый явными разоблачениями к стенке политик вынужден публично признаться в своих грехах, и при этом он улыбается (традиция!), а в глазах слезы (все-таки хоть и жулик, но живой человек!). Так же, сквозь слезы, обычно улыбается и неудачливый кандидат, проигравший в итоге изнурительной избирательной кампании.

Сегодня в Соединенных Штатах оптимизм, даже деланный, становится товаром дефицитным. Недавнее обследование общественного мнения дало такой общий вывод: «Экономический спад в стране и напряженная ситуация в мире начинают изматывать людей. И они не ожидают перемен к лучшему». Тут уже не до оптимизма!

Что же тревожит американцев в первую очередь? Встречи и беседы с ними в 1982 году, анализ прессы и телевизионных программ дают на этот вопрос ответ вполне определенный, однозначный: всеобщее беспокойство вызывает плачевное состояние экономики США. Из года в год неудержимо растет безработица. Количество безработных перевалило за десять миллионов. Так плохо не было еще ни разу со времен великого кризиса 30-х годов. Но и эта страшная цифра — 10 миллионов — не полностью отражает трагедию нации. Свыше двух миллионов бывших трудящихся не входят в это число, поскольку давным-давно отчаялись найти себе место и потеряли право на получение пособия по безработице, поэтому их уже нет в списках нуждающихся. И этого мало! Около шести миллионов человек заняты неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, являясь, таким образом, частично безработными.

В этой трагической и безысходной проблеме есть немало типично американских аспектов. Например, если все безработные составляют 9,5 процента от общего числа трудящихся, то среди негров безработных 18,4 процента. Если среди молодежи без работы 23 процента, то среди молодых негров — 48,1 процента. Красноречивые цифры! Они еще и еще раз говорят о том, что в стране якобы «равных возможностей» нет равенства.

Что думают и говорят американцы по поводу создавшегося в 1982 году положения?

«Конечно, безработица — главная беда», — заявляет Нэнси Зембас из Балтимора. Семь лет она ходила на службу в финансовую компанию и вот теперь осталась без места. Она говорит: «Мой сын потерял работу. Моя невестка тоже. Похоже, что и дочь скоро выгонят». Ей вторит ее земляк Ленвуд Леви: «Разработанная нынешней администрацией программа не оправдывает себя, от нее не было бы толку и в лучшие времена».

В большой тревоге пребывают не только простые труженики. Банкир Лэрри Уилер из небольшого города Бивертона (штат Орегон) говорит: «Те, кто считал, что дела наладятся, тоже начинают сомневаться в этом, поскольку плохие времена так затянулись». В Бивертоне на десять трудящихся приходится один безработный, а торговая палата города за последнее время потеряла 150 из 650 своих членов. Как теперь называть их, безработными предпринимателями? Встревожены и фермеры. Об их настроении свидетельствует банкир Ричард Линкольн из городка Брукфилд: «Фермеры стали пессимистами, то есть совершенно переменились. Ведь раньше они были оптимистами».

В ходе опроса общественного мнения 52 процента заявили: они уверены, что безработица и дальше будет расти; 33 процента считают, что она будет оставаться на том же уровне. Показательно, что 52 процента опрошенных сказали, что не хотели бы иметь Рейгана в Белом доме на второй срок. Успели изовериться! «Эта администрация не думает о нас», — утверждает Дэвид Тирни (Андерсон, штат Индиана). Он после шестнадцати лет работы на заводе остался без места. Дэвид Тирни считает: «Для того, чтобы наш город снова стал на ноги, потребуется много времени, и все равно так, как было раньше, уже никогда не будет».

Словно метастазы злокачественной опухоли, безработица поражает самые разные сферы жизни. Как известно, в США большинство студентов вынуждены подрабатывать, чтобы платить за учебу, поскольку она обходится очень дорого. В нынешней ситуации им все труднее и труднее делать это. И все сложнее найти работу после получения диплома. Вот конкретный пример.

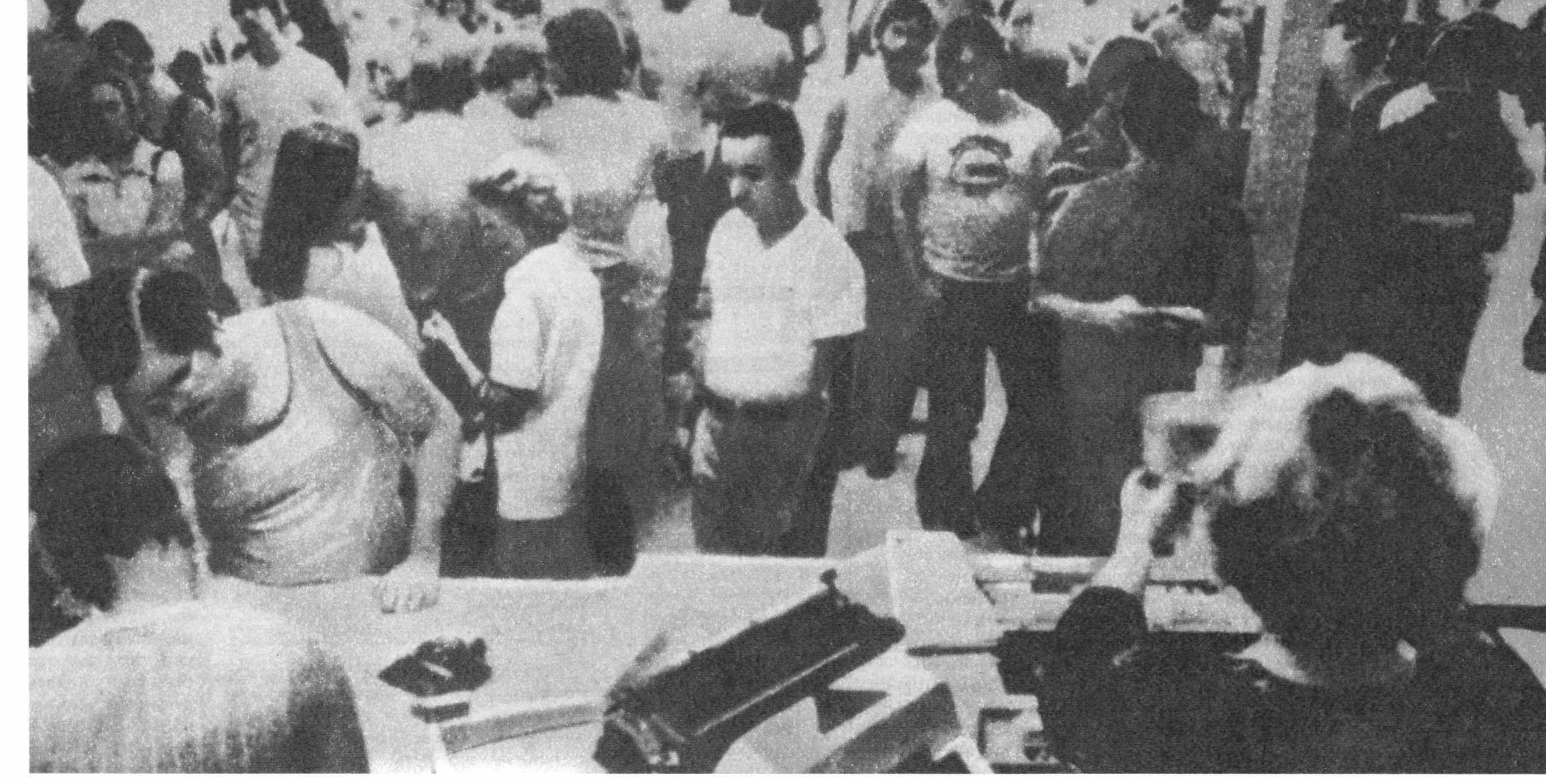
В городе Серси (штат Арканзас) в местном колледже, сообщает пресса, «настроение пессимистическое», студенты спрашивают друг у друга одно и то же: «Ты нашел себе работу на лето?», а выпускники говорят: «Всегда считалось, что диплом дает возможность прилично устроиться в жизни, теперь же он этого не обеспечивает». Кстати, в этом колледже надо платить за учебу в год 5500 долларов (есть вузы, где платят и в два раза больше!). Любопытно, что и в такой ситуации находится место казенному оптимизму. Президент этого колледжа, Клифтон Ганус все же пытается смотреть на действительность с улыбкой: «Мы как чайник, который поет, когда вода закипает. Мы должны петь, несмотря ни на что!» Странная логика!

Специалисты утверждают, что в 1982 году лишь 40 процентов из общего числа студентов, нуждающихся в работе, получат ее. Занимающийся этим делом Марк Берберян из Нью-Йорка говорит, что у него на руках 800 заявлений о работе, а он сможет предоставить ее только 200—250 студентам. Его коллега из Лос-Анджелеса Джон Мак заявляет: «Нарастающие экономические трудности лишают молодежь работы, особенно негров. В целом же в Лос-Анджелесе половина юношей и девушек без работы. Прибавьте еще к этому студентов, которые тоже нуждаются в ней». В Детройте на 17 тысяч запросов о работе от молодых людей было дано только 700 положительных ответов. В Мичигане вообще решили в первую очередь брать на работу только безработных, а никак не студентов. Что же последним делать, если в целом по стране два миллиона юношей и девушек в возрасте от 16 до 19 лет мыкаются без работы?

У трагедии безработицы много страшных граней. Давно подмечена связь между безработицей, с одной стороны, и преступностью, заболеваниями, самоубийствами, разводами — с другой. Социолог Харви Бреннер более чем тридцать лет изучал социальные последствия безработицы и установил, что ее увеличение в национальных масштабах на один процент вызывает рост числа самоубийств на 4,1 процента, пациентов в психиатрических заведениях — на 3,4 процента, заключенных — на 4 процента, количества убийств — на 5,7 процента. А кто подсчитает, сколько людей, лишившись работы, заболевает не только психически?

Наряду с безработицей неудержимо повышается стоимость жизни. Издавна пределом мечты американца был свой дом. Его, как правило, приобретают в рассрочку и выплачивают за него долгие годы. Идут на любые лишения ради собственного очага, своей крыши над головой. Но и в этой сфере жизни (и мечты) наступили перемены к худшему. Например, все шире практикуется приобретение одного дома на двоих. Крыша одна, а хозяев двое (так дешевле). Что поделаешь, если за последнее десятилетие дом на одну семью в среднем подорожал с 25 тысяч до 70 тысяч. Журнал «Тайм» сообщает, что 85 процентов американских семей не в состоянии выплачивать взносы за дом стоимостью в 60 тысяч долларов. Из-за житейских тягот меняется сам облик дома. Вначале стали переделывать под жилые помещения чердаки, теперь принялись за подвалы, создавая из них, по словам прессы, «настоящие подземные апартаменты». В такой ситуации многим приходится проститься с мечтой о своем доме и снимать жилье у частных владельцев. Дорого, неудобно, но что поделаешь! Во многих местах власти запрещают владельцам сдавать внаем часть своей площади, защищая

Безработных регистрируют, но работы им не дают.

Фото из журнала «Тайм»

ЦИТ НА ОПТИМИЗМ

тем самым интересы строительного бизнеса, но этот запрет всячески обходят, ведь выхода нет... Растет число так называемых передвижных домов, поскольку они дешевле. Причем большинство из них только называются передвижными. После продажи они совершают всего один рейс — до места, выбранного для жительства, где их просто ставят на фундамент. Так видоизменяется, не от хорошей жизни, еще один аспект американской мечты.

В Соединенных Штатах, как известно, можно платить в рассрочку не только за жилье или, скажем, автомобиль, но и за продукты, за всевозможные услуги и т. п. Жизнь в кредит — норма, общее правило: С одной стороны, покупать в рассрочку вроде бы удобно, с другой — при этом за все приходится в итоге платить дороже. А главное, нация оказалась в кабале у заимодавцев-ростовщиков. Журнал «Ньюсуик» свидетельствует: «Приверженность Америки к принципу «купи сейчас, заплати потом» превосходит границы всякого воображения. Только за свое жилье американцы должны более одного триллиона долларов». А платить в счет кредита полагается регулярно, точно в срок. В трудные времена это особенно больно бьет по личному бюджету и по нервам. Как сможет сделать очередной взнос человек, потерявший работу? Не говоря уже о том, что каждый может просто попасть в беду: заболеть, потерять кормильца и т. п.

Пользоваться системой кредита настолько непросто (особенно при стесненных материальных обстоятельствах), что в стране существуют специальные консультации, где нуждающиеся получают нужные советы (за плату, разумеется). Вот что говорит Джей Ситон, один из таких консультантов: «Наша консультационная служба охватывает клиентов от Мичигана до Пенсильвании. За последние полтора года их стало на 20 процентов больше. Они попадают в беду по разным причинам: безработица, болезнь, развод. В наших местах главная причина — безработица в автостроительной и сталелитейной промышленности. Многие из тех, кто лишился места, успели к тому времени по уши залезть в долги, а когда они потеряли работу, то сразу попали в катастрофическую ситуацию». Из нее их не вытащить и консультанту! Ведь он может давать советы людям хотя бы с какими-то средствами. Тех, кто утратил платежеспособность, по суду объявляют банкротами. Число таких личных банкротств, не связанных с какой-то деловой активностью, стремительно растет: полмиллиона за последний год!

По стародавней американской традиции тяжелейшим бременем продолжает оставаться плата за медицинское обслуживание. В последнее время эта проблема крайне обострилась в связи с трудным экономическим положением и наступлением правительства на социальные права трудящихся. Кто не знает о всесилии в США так называемого военно-промышленного комплекса? Теперь на шее американского народа появился еще один комплекс — медицинско-промышленный. Термин этот придуман не нами, а родился недавно в Соединенных Штатах, отражая суровую действительность. «Растущая плата за медицинское обслуживание и новая технология привели к созданию могучего медицинско-промышленного комплекса в США. Это явление не отнесешь к революционным преобразованиям в этой сфере, и оно вызывает большие противоречия в обществе»,— пишет журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Такая лаконичная констатация, разумеется, еще не вскрывает сути и причин появления этого феномена, не дает ему четкого определения, но тем не менее факт налицо. Арнольд Релмэн, редактор медицинской газеты «Нью Инглэнд джорнэл оф медсин», пишет: «Новый медицинско-промышленный комплекс уже стал фактом американской жизни... С моей точки зрения, это — наиболее важное за последнее время событие в этой сфере, беспрецедентный феномен с далеко идущими последствиями для всей медицинской системы».

Комплекс этот поражает своим размахом. Ведь за год американцам приходится платить за медицинское обслуживание около 300 миллиардов долларов. Специалисты утверждают, что при существующем темпе роста цен население страны к 1990 году будет вынуждено платить за лечение ежегодно более 800 миллиардов долларов. Внушительные цифры! Из чего они складываются? А вот из чего: анализы ежегодно обходятся американцам в 15 миллиардов долларов, лекарства — в 22 миллиарда и т. п.

Статистика также сообщает, что в этой сфере обслуживания населения занято около 5 миллионов человек, то есть 7 процентов от общего числа трудящихся. И при этом важно подчеркнуть, что частные больницы обслуживает более 3 миллионов человек. Последняя цифра заслуживает особого внимания. Медицинское обслуживание переходит в руки частного сектора — вот основа создания и процветания медицинско-промышленного комплекса. Государство, собирая с населения огромные налоги, не желает заботиться о его здоровье. «В последние два десятилетия,— пишет журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»,— правительство играло важную роль в деле медицинского обслуживания, до недавнего времени оказывая ему помощь (за счет налогов с населения.— **В. Н.**). Теперь же администрация Рейгана хочет перепоручить это частному сектору, и, таким образом, цены за медицинское обслуживание будет устанавливать рынок». Уже сегодня в США вложение средств в медицинские фирмы считается одним из самых выгодных, и недаром американцы задают сами себе такой вопрос: «Медицина и прибыль: нездоровый симбиоз?» Жизнь дает один ответ: нездоровый.

Медицинско-промышленный комплекс в полном соответствии с законами частного предпринимательства стремится прежде всего к прибыли, а в борьбе за нее бизнес, как известно, способен на все, к тому же в сфере этого комплекса барыши весьма высоки и очень заманчивы. В США широкую огласку получили многие скандальные аферы в сфере медицинского обслуживания: систематическое направление людей на ненужные анализы, намеренное затягивание лечения, производство негодных, даже вредных лекарств и т. п. И все это во имя выколачивания денег из населения (под видом оказания ему медицинской помощи). В недавнем докладе американскому конгрессу об этом говорится: «Коррупция разъедает всю область медицинского обслуживания, при этом возможности для жульничества практически неограни-

ченны». Страшное утверждение! И в заключение еще только одна цифра: средний ежесуточный тариф за пребывание в больнице приближается к 300 долларам.

Выше рассмотрено всего несколько конкретных примеров, характеризующих экономическое положение США и жизнь американца сегодня. Такая ситуация — прямое следствие проводимой администрацией Рейгана так называемой «программы экономического оздоровления». Суть ее теперь ясна: сделать богатых богаче, а бедных — беднее и возродить, говоря словами Рейгана, «дух предпринимательства». Практически это означает перераспределение средств в бюджете страны в пользу корпораций и Пентагона. Их Белый дом, как известно, не обижает. В то же время свертываются социальные ассигнования: на медицинское обслуживание, образование, пенсии и т. п.

«Мы имеем дело с людьми, которых никогда не видели у себя прежде и которые до сих пор никогда не просили милостыню,— свидетельствует представительница вашингтонского отделения Армии спасения.— Многие из них имели работу и сводили концы с концами. Их лишили социальной помощи, и они оказались за бортом. Есть и старые люди, которым отказали в продовольственной помощи или в дотации на медицинское обслуживание. Теперь они должны тратить все, что у них есть, на лекарства и не в состоянии прокормиться».

В 1980 году, во время последней кампании по выборам президента, Рейган сразил Картера одним вопросом, с которым обращался к избирателям: «Живете ли вы сейчас лучше, чем четыре года назад?» За этим следовали обещания самым коренным образом улучшить экономическое положение страны, если избиратели проголосуют за Рейгана. В свете приведенных выше фактов из жизни Америки можно судить о цене таких обещаний. И в то же время надо сказать, что и сегодня есть американцы, у которых имеются основания для оптимизма. Правда, таких явное меньшинство, это деловая элита страны, посадившая Рейгана в Белый дом. Если в 1970 году доходы американских корпораций после уплаты налогов составили вместе с различными льготами немногим более 80 миллиардов долларов, то в 1981 году они превысили 400 миллиардов. «Мы наблюдаем процесс,— отмечают эксперты,— при котором люди с небольшим и средним доходом испытывают материальные трудности, в то время как группы с большим доходом преуспевают». При Рейгане это процветание богатых имеет свои характерные черты, без упоминания о них рассказ о Соединенных Штатах в 1982 году был бы неполным. Американская пресса отмечает, что теперь «вызывающая роскошь миллионеров снова стала стилем жизни». Можно увидеть рекламы, предлагающие шубы за 100 тысяч долларов, рубашки или блузки по 1500 долларов каждая, ужин на двоих за тысячу долларов, автомобили «роллс-ройс» (от 110 до 170 тысяч за одну машину) и т. п.

Не так давно в Вашингтоне внешне преобладал скромный стиль, богатство не выставляло себя напоказ, всячески подчеркивалось, что миллионеры с их образом жизни якобы мало чем отличаются от рядовых американцев. Рейгановская ярмарка тщеславия отбросила в сторону эту либеральную демагогию, правящая верхушка торопится заявить о себе и своих финансовых возможностях, «показать класс», доказать, что «больше всегда лучше». Пресса в США считает, что «стало приличным быть богатым и демонстрировать это». Американский социолог Дэвид Рейсмэн заявляет: «Кое-где культура и воспитание еще что-то значат, но богатство ведет решительный бой за свое право быть выше всех и всего». Великосветская дама из Сан-Франциско свидетельствует со знанием дела: «Мы теперь живем богаче и развлекаемся с большей выдумкой. Рейган и его супруга утвердили иной стиль, нежели был при скромном Картере. Общее настроение сейчас такое: если у вас есть возможности, почему же не использовать их? Наблюдается даже чувство нетерпения: если не пожить сегодня, можно потом уже упустить такой шанс!»

ФУТБОЛ НА ВИДУ

Лев ФИЛАТОВ

В лавине писем любителей футбола, в многочисленных статьях, появившихся в прессе, в речах на заседаниях и конференциях с участием специалистов выступление нашей команды было единодушно оценено как неудовлетворительное.

Повторяться нет нужды. Теперь у нас перед глазами опять собственный чемпионат, матчи высшей лиги, которые публика особым вниманием не жалует. Что это — пресыщение увлекательным футболом? Скорее наоборот — сомнение, что на стадионе можно оказаться свидетелем интересной игры.

Победу «Скуадры адзурры», сборной Италии, насколько я могу судить, никто не сопровождает знаком вопроса. Припомним проделанный ею путь. Три скромные ничьи с командами Польши, Камеруна и Перу, оказавшиеся достаточными для выхода в следующую стадию. На этом отрезке чемпионата сборная Италии была невидимой, ею не интересовались, присматривались к другим командам, выглядевшим гораздо импозантнее. Соотечественники, итальянские журналисты, разделывали ее в пух и прах за пассивность и неумение забивать голы. Они были по-своему правы, хотя могли бы и повременить, подождать, не разыграется ли она — ведь на прошлых чемпионатах не раз бывало, что победители начинали экономно и сдержанно.

«Скуадра адзурра» безупречно прошла дистанцию, щедро одарила нас футбольными изысками, выставочными голами Росси, красивой игрой Конти, Антониони, Тарделли, Кабрини, Зоффа.

Помнится, на чемпионате мира в Мексике в 1970 году, где сборная Италии тоже заняла видное второе место, она оставила по себе несколько странную память. Она, как и теперь, еле-еле выиграла групповой турнир, потом победила не слишком сильную команду Мексики. В полуфинале против ФРГ очень долго отсиживалась в глухой защите, оберегая единственный забитый ею гол, но на последней минуте все-таки пропустила ответный, в добавочное время, с отчаяния, что ли, пошла на яростный обмен ударами и оказалась счастливее — 3:2. Это всего-то за полчаса! А в решающем матче с бразильцами снова сжалась и покорно проиграла, фактически не оказав сопротивления.

Вспоминая дела минувших дней, я не задаюсь целью поставить под сомнение нынешний успех итальянской сборной. Просто нам его необходимо понять и уяснить. А необходимо это по той причине, что в среде наших специалистов, людей, способных влиять на развитие игры, уже прозвучал намек, что надобно бы обратиться к опыту итальянского футбола. В прежние годы мы слыхивали речи о необходимости учиться у мастеров Бразилии, Англии, ФРГ, Голландии, Аргентины. Об итальянцах, насколько я помню, наши теоретики никогда не упоминали, их школа в качестве передовой не рассматривалась. Выходит, магия чемпионского титула всемогуща?

Взаимовлияние футбольных идей — явление обязательное хотя бы уже потому, что в игре все проверяется в живом соперничестве на поле, и незнание противника равно непростительной наивности. Но это никоим образом не копирование, пусть даже и апробированных образцов. Копиист лишен чувства собственного достоинства, в нем заглушено творческое начало, он обречен отставать и опаздывать. Об этом уместно сказать, потому что грешок копирования гнездится в наших футбольных сферах: так ведь проще всего.

Если уж искать в облике новых чемпионов нечто заслуживающее нашего внимания, то я бы выделил их естественность. Какие бы перемены ни переживал футбол в своих специальных разделах, как бы ни выравнивалось и ни совершенствовалось повсеместно мастерство, мы продолжаем безошибочно узнавать команды по их стилевой манере и уверенно произносим: это — Бразилия, это — Англия, это — ФРГ, это — Италия, это — Югославия и так далее. Так на уровне сборных, так и на уровне клубов, ибо каждый клуб, желающий быть заметным, обязан иметь свое лицо, черты или хотя бы черточки своеобразия.

За доказательствами далеко ходить не надо. Недавние успехи тбилисского «Динамо» и «Спартака», выдвижение в этом сезоне минского «Динамо» и «Арарата», пусть они объяснимы твердой тренерской линией, немалым тренировочным трудом, пусть реализованы с помощью мест и очков, в конечном и наиболее существенном итоге объясняются непохожестью, оригинальностью игры этих команд. И что интересно, все они, проведя модернизацию, сохранили в значительной мере верность своим клубным традициям, их игра не переиначена, она развивается в привычном ключе. Свою игру — смелую, активную, энергичную, маневренную, которую вполне можно было считать характерной для нашего футбола, нашла прошлой осенью и сборная. Нашла и тут же потеряла.

Следить за эволюцией футбола необходимо. Однако следование ее требованиям не означает, что полагается перечеркнуть все, что было прежде, и строить на ровном месте. В таком случае может возникнуть лишь искусственный, схоластический футбол. Он и существует в нашем чемпионате в немалом количестве с легкой руки ряда тренеров, посчитавших себя чуть ли не реформаторами. Можно быть на словах за прогресс, за новые веяния, за учебу на лучших образцах, но если команды, ими возглавляемые, ничего из себя не представляют, то грош цена всем благим намерениям.

Долгими годами исчисляется бедственное положение, в котором пребывают самые наши именитые столичные клубы — «Динамо», ЦСКА, «Торпедо». Когда-то мы с первого взгляда узнавали их по манере игры. Ныне они неотличимы, своеобразие выветрилось, а вместе с ним и игровой класс, остался футбол искусственный, безликий, посредственный. Не выручают и бесконечные переформирования составов. И киевское «Динамо», даже оставаясь у нас в ведущих, по качеству, содержанию игры заметно уступает самому себе образца 1975 года, ма-

ло-помалу теряет свою прежнюю непохожесть на других. И «Зенит», что-то пообещав два года назад, снова стал ординарным.

Копирование итальянцев может оказаться и опасным, замысел, идея их игры чужды нашему футболу, если иметь в виду его издавна сложившийся, привычный образ действий. Терпеливое выжидание победных шансов не та линия, которую можно было бы принять как ведущую. Она может применяться как вариант, как частность в случае необходимости. Мне думается, что побежденные итальянцами сборные Бразилии, Аргентины, ФРГ, как и сборная Франции, по всему строю своей игры и своего поведения точнее отражают ведущие тенденции в мировом футболе. Другое дело, что у них на этом чемпионате обнаружились те или иные слабости. А игра, получившая название «от обороны», и без блестящего итальянского примера нам знакома, и означает она, как проверено, приспособление к противнику, неуверенность в собственной правоте и силе, волевое самоограничение.

У успеха нет причин: все хорошо и правильно. Неудача же влечет за собой тысячу объяснений. В интересующем нас случае эта тысяча, скорее всего, уже общими усилиями названа. Позволю себе остановиться всего на одной.

Во время чемпионата мира все наши телекомментаторы с величайшей тщательностью привлекали наше внимание к ошибкам футболистов. Ни единая оплошность даже самых больших мастеров не оставалась без укоризны. Это далеко не всегда справедливо. Футбол по сути своей эксцентричен: все делается ногами. И скупой счет удач в футболе, то есть голов, предопределен в первую очередь именно этим. В тех спортивных играх, где люди действуют руками — в хоккее, баскетболе, гандболе, водном поло — счет гораздо крупнее. Кроме того, влияют и большие размеры поля и, конечно же, вечное, яростное противоборство. Представим, что обе стороны идеально разыгрывали бы мяч, как только он к ним попадал. Тогда счет матча выглядел бы, скажем, 40:40. Но это уже не было бы футболом.

Так, значит, две-три удачи за полтора часа, а все остальное — ошибки? Конечно же, нет. Все остальное — борьба, которая более всего захватывает зрителей и которую любят все те, кто сам играет. Борьба с противостоящей командой, борьба за преодоление эксцентричности самой игры.

Формально можно найти ошибочность едва ли не в каждом действии, мяч ведь то и дело переходит от одной команды к другой. Бьет мимо ворот Росси, перехвачена передача, сделанная Зико, отобрали мяч у Сократеса, Жиресс не понял Платини и задержался с рывком. Все это бывало и не раз, однако нас не поколебать в уверенности, что все названные здесь игроки мирового класса прекрасно умеют делать то, что в это мгновение у них не получилось. Но, разумеется, существуют и ошибки совсем другого рода. Мы легко могли убедиться в этом, как только после трансляции матчей из Испании переключились на матчи своего чемпионата. Ошибки досадные, нелепые, смешные, совершаемые на ровном месте, не зависящие нисколько от остроты борьбы. Они знакомы, примелькались: передача мяча такой силы, что партнеру ни за что не успеть, пас прямо в ноги противнику, навес далеко за ворота, удар по голу, после которого мяч укатывается аж к угловому флагу... Всего не перечислишь. Что тому причиной? Тут и небрежность, и въевшаяся привычка свои и товарища неточности компенсировать лишним километражем, и более всего, естественно, незакрепленность технических навыков.

Скажу определеннее: высокий класс команды наиболее верно характеризуется как раз отсутствием странных, непростительных ошибок. Потому и не внушает доверия та фиксация игровой деятельности, которая нынче в моде у наших тренеров. Они подсчитывают каждый чих, но так называемый технический брак в итоге сваливается в кучу, без разбора, что дает подчас удивительные результаты: футболист умелый, рискующий применять сложные приемы, оказывается вдруг «отстающим», его прорабатывают. Мне рассказывали, что один такой мастер в сердцах заявил: «Сыграю попроще и выйду в отличники».

Любопытна закономерность: команды, имеющие устойчивую игру, выглядят и более техничными. Например, «Динамо» Тбилиси, Киева, Минска, «Спартак», «Арарат». Квалифицированных мастеров достаточно в ЦСКА и московском «Динамо», а эти команды не оставляют впечатления техничных.

У нас любят пофилософствовать о сравнительной ценности четырех граней игры — физической, тактической, волевой, технической. Разговоры старые, как сам футбол, и глубокого смысла в них нет. Все грани одинаково необходимы, они как четыре колеса — ни без одного не поедешь.

Не хочу возводить напраслину на наш футбол и объявлять его в целом малотехничным. У нас были, есть и сейчас, как их принято называть, «технари». Хотя бы несколько фамилий для иллюстрации: Кипиани, Блохин, Дараселия, Чивадзе, Буряк, Веремеев, Оганесян, Газзаев, Черенков. Все это так. А вопросы тем не менее набегают.

Существует ли у наших тренеров четкое представление о техническом уровне, обязательном для мастера? Каковы требования и каков отбор мальчиков в футболисты? Чем объяснить острейшую нехватку даже в ведущих клубах, даже в сборной диспетчеров, способных задавать тон? И достаточно ли ценимы эти самые «технари», всегда ли им отдают предпочтение?

Ясно, что никто не дерзнет неуважительно отозваться о роли техники. А небрежение к ней в тренерских кругах тем не менее ощущается. Доверяют силе, росту, выносливости, в ходу такой одобрительный отзыв об игроке — «какая машина!», словно речь о дорожном катке. И смиряются со странными, нелепыми ошибками, не просто искажающими, а вытравляющими самое дорогое и тонкое — игровое начало. И возникает тот футбол, о котором уже шла речь,— искусственный, упрощенный, неинтересный.

Если подытожить, получится следующее: техника — узкое место нашего футбола. Компенсация ее другими достоинствами может быть временной и не слишком надежной акцией. Футбол — игра, от этого никуда не денешься. И мастерам футбола полагается прежде всего уметь играть. Надеюсь, читатель не будет шокирован этим немудреным заключением. Все мы ценим игру, и если нам предлагают зрелище, состоящее из физического труда, бега и силы, то возникает сомнение: футбол ли перед нами?

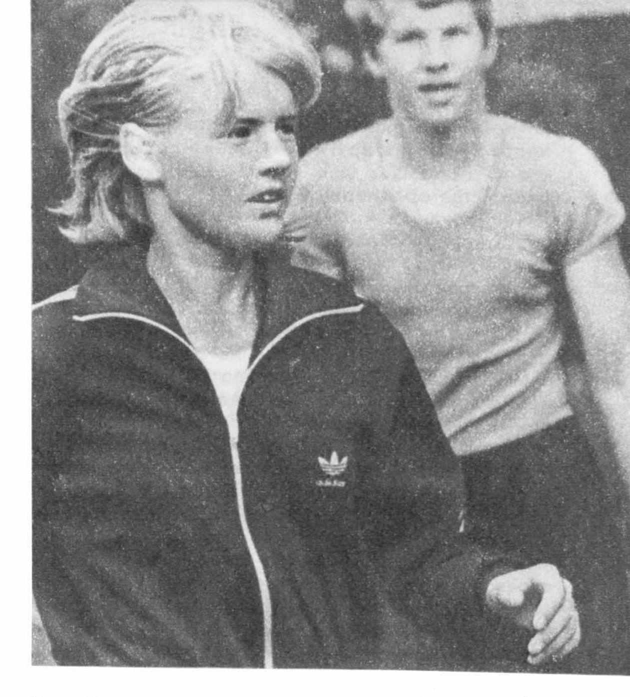
Футбол, который видят поклонники самой популярной игры, удовлетворить их не может.

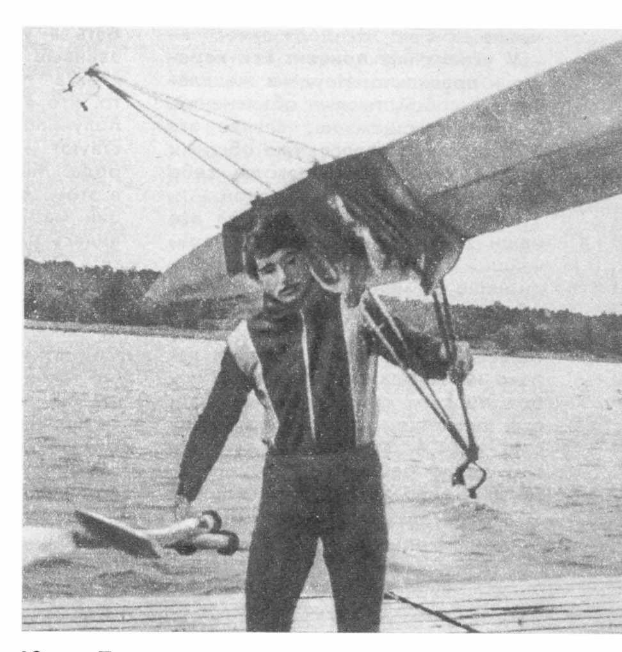
Момент игры между командами «Торпедо» (Москва) и «Динамо» (Киев).

Фото А. Бочинина

Отто Юхансоо с сыном Энно и внуком Янно на тренировке.

Эло Саар, школьница из колхоза «Вяндра», увлекается гимнастикой.

Юхан Паало — плотник.

СПАСИБО С

Б. СМИРНОВ,
фото А. БОЧИНИНА

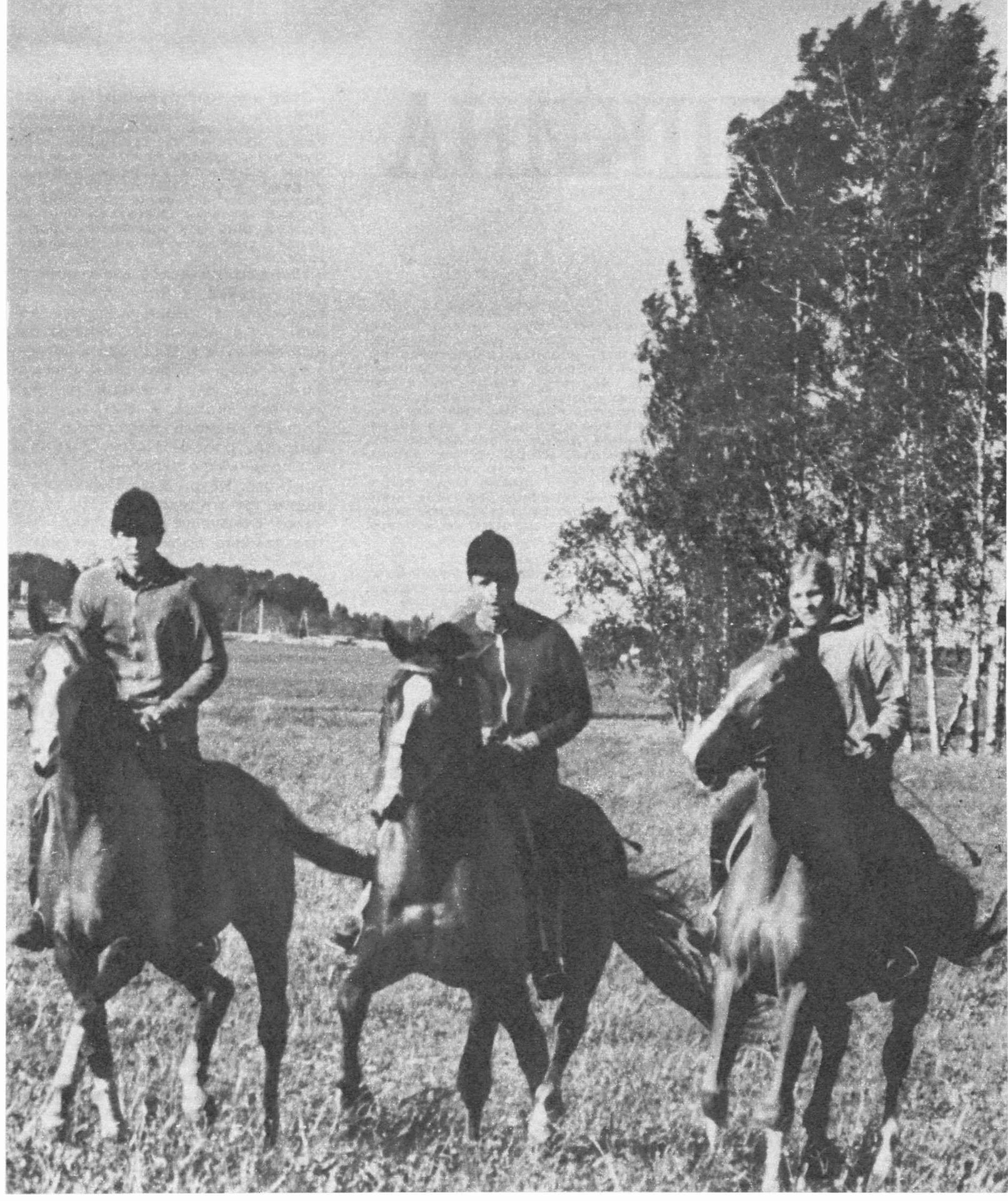
...Шла главная для сельского жителя пора — сбор урожая. Казалось бы, какие сейчас разговоры о спорте, где находить время для тренировок и состязаний, когда любая из бесчисленных и первоочередных сельских забот зовет человека в поля и на ферму, за руль трактора, на колхозную стройку — и так от зари до вечерних сумерек, с полной отдачей всех сил. Но эти силы надо где-то брать, надо копить здоровье, надо набираться стойкости духа, выносливости, веселого азарта — а что, как не спорт, дает все это людям? В этом мы убедились, побывав в одном из уголков Прибалтики — в Пярнуском районе Эстонии. Для многих, с кем мы встречались там, физические нагрузки спорта стали, если хотите, потребностью. Да что говорить — вот примеры: мы едем по красивому и аккуратному, как всюду в Прибалтике, лесистому шоссе, и вдруг среди сосен — большое красноватое здание, архитектура которого говорит о принадлежности его к спорту. Да, так и есть — это спорткомплекс двух совхозов, Синди и Аудру. Игровой зал, борцовский зал, зал для тяжелоатлетов, для настольного тенниса, холлы и раздевалки, баня, душевая. Всюду — чистота, сверкающий мозаичный пол, цветы, панно... Комплекс так хорош, что сюда стремятся на тренировочные сборы многие лучшие команды республики. И этот идеальный порядок в залах поддерживают в основном сельские спортсмены, потому как штат спорткомплекса — всего три человека. Ну, разве стали бы люди заботиться об этом стоящем далеко от их домов комплексе, если бы не любили спорт? А залы, как рассказал нам директор Вахур Мартович Рейманн, не пустуют круглый год, он, директор, чуть ли не переселился жить в рабочий кабинет — занятия идут с утра и до ночи. Кто сюда приходит? Да кто угодно — вот сейчас в залах дети, потом придут группы здоровья, потом тренировки колхозных команд, а там ветераны наверняка зайдут поразмяться с мячом... Какой вид спорта наиболее популярен? Конечно, волейбол — это уже годами проверено. Каждые субботу и воскресенье — соревнования...

Или другой пример. Мы свернули с шоссе за автобусом, который направлялся к лесной поляне. Казалось, группа отдыхающих приехала на пикник. А через десять минут все они уже были в спортивных костюмах, с номерами на груди — оказалось, мы попали на региональные соревнования по ориентированию.

Народ прибывал кто как — на велосипедах, мотоциклах, на своих машинах. Вместе со спецовками, рабочей одеждой откладывались в сторонку обычные заботы — и вот уже настоящий спортивный лагерь бурлит на полянке. Разминаются, сверяют по карте дистанцию, тут же неизменный волейбол, смех, шутки — словно не было позади трудового дня, словно нет для них большей радости, чем промчаться несколько километров через лес, по проселкам, прыгая через ручьи, минуя овраги.

Заместитель председателя Пярнуского спорткомитета Арво Федорович Моон назвал нам десятки сельских соревнований — и мелких и крупных, таких, например, как Побережные игры, которые можно считать Олимпиадой местного значения. Кстати, раньше проводилась здесь и «Олимпиада для всех», теперь она называется более энергично: «Будь здоров!» Иные колхозы, в которых всего-то 300 человек, тем не менее выставляют по 100 участников! Есть и семейные и детские состязания. В общем, спорт стал здесь делом государственным — спортивные достижения даже входят в условия социалистического соревнования хозяйств.

...Юхан Паало — мастер спорта по гребле. Нам рассказали о нем в спортклубе Пярнуского межколхозстроя. «Вот только поговорить вам с Юханом не удастся: он на сборах, готовится к соревнованиям». «А я его сейчас ви-

Конники из совхоза «Тори».

ПОРТУ

дел. Хотите, провожу?» — предложил оказавшийся рядом парень. И мы пошли на стройку. Действительно, Юхана мы нашли на крыше небольшого недостроенного дома — такие возводятся теперь индустриальным методом в эстонских селах.

— Вот, пришел в свою бригаду, с ребятами поговорить,— словно оправдываясь, объяснил мастер спорта.— Они за меня работают, пока я выступаю.

— Наверное, обижаются, что лишнюю работу приходится делать?

— Нет, у нас это не принято. Спорт — серьезное дело, и я никогда никаких препятствий на работе не встречал. А раньше весь экипаж нашей четверки работал в одной бригаде. Все мастера спорта. Бригадир, Арво Стрикхольм, был загребным...

— И часто побеждали?

— Выигрывали первенство Эстонии. В зональных соревнованиях постоянно были среди призеров. Очень жалею, что этот экипаж распался — семьи, возраст, всякие бытовые обстоятельства.

— Четверо спортсменов из одной бригады, постоянные разъезды, тренировки... Не слишком ли это отражалось на качестве работы?

— Если отражалось, то в хорошую сторону. Мы сделали бригаду комплексной, добились полной взаимозаменяемости. Ни в чем другим бригадам не уступали. А тренировались после работы, каждый день по полтора часа. Закончим работу, на автобусе до базы — и гребем вверх по реке. За тренировку километров пятнадцать — двадцать, больше не сделаешь, зато почти каждый день. И так — четыре года.

— Надо думать, о вашей «спортивной бригаде» было много разговоров в вашем межколхозстрое...

— Особенно удивительного во всем этом ничего не было. Подумайте сами: в нашем спортклубе больше тысячи спортсменов, культивируется почти три десятка видов спорта, всего у нас, кажется, двадцать четыре мастера спорта — нет, удивить кого-то своими успехами у нас трудно. Мы даже как бы обязаны хорошо выступать. Вы видели, какой у нас спорткомплекс? Я вот говорю: когда перестану выступать в больших соревнованиях, спорт не брошу. Это у нас не принято...

Маленький стадион на краю поселка Вяндра. Разгар рабочего дня, вокруг пусто, и лишь одинокий бегун легкими пружинистыми шагами раз за разом печатает круги по кромке зеленого поля. Наверное, стайер готовится к забегу? Подходим и знакомимся с... семидесятилетним человеком. Тем, что пожилые люди увлекаются бегом, сейчас никого уже не удивишь, но сохранить в таком возрасте изящество движений, стройность и четкость стиля, право же, дано далеко не каждому. Нам рассказывали, что в дни XXII Олимпиады Отто Юхансоо — а имя этого заслуженного спортсмена хорошо известно в Эстонии — на местном празднике вбежал на переполненный стадион с факелом олимпийского огня.

— Мы все поражаемся: как много энергии в этом человеке! — говорит председатель колхоза Магнус Юрьевич Тоом.— Сейчас Отто Тынисович — директор нашего стадиона. Очень старательный и деловой директор. Вы не бывали у него дома? Обязательно посмотрите там домашний музей!

И действительно, огромное собрание Отто Тынисовича могло бы послужить основанием для создания самого настоящего музея спорта. Более всего хозяин дорожит, пожалуй, золотым перстнем самого Георга Луриха, одного из первых чемпионов мира по борьбе. Оказывается, Лурих был в родстве с семьей Юхансоо.

— Странно, что вы сами не стали борцом,— заметил я, и хозяин дома ответил шуткой:

— Странно то, что я вообще стал спортсменом. В буржуазной Эстонии такому деревенскому парню, как я, заниматься спортом было почти невозможно. Я просто бегал, как все мальчишки, только у меня получалось быстрее. И совершенно случайно меня позвали пробежать в соревнованиях клубов пожарных команд. Тогда в Эстонии спортом занимались только в клубах. Конечно, у меня никакой техники бега не было, я даже не видел, как бегают по-настоящему. И тем более удивительно, что на той своей первой дистанции я был первым. Это было в 1931 году. Потом меня приглашали выступать еще и еще, я часто стал выигрывать — вот посмотрите...

Какое разнообразие грамот, призов, медалей, кубков! Фотографии, вырезки из газет—стройный, сухощавый парень первым пересекает финиш, вот он с букетами цветов, вот его поздравляют со званием чемпиона Эстонии... После войны, после перенесенной тяжелой болезни Юхансоо стал инструктором спортобщества, а потом нашел в себе силу вновь вернуться на беговую дорожку. И снова стал выигрывать! Вот они, на полке — одни из первых призов новой, социалистической Эстонии.

— Эта грамота мне особенно памятна,— достает Отто Тынисович очередной лист из стопки.— 1963 год, кросс «Правды». Первый раз рядом со мною тогда бежал мой сын Энно...

Энно Оттович, колхозный плотник, сидит рядом, весело комментирует рассказ отца. Он приглашает нас в свою комнату и демонстрирует свой музей—тоже солидное собрание завоеванных на беговой дорожке регалий.

— Плохо бегать семейная гордость не позволяла! — шутит сын ветерана.— А если серьезно говорить — с таким прекрасным тренером, как отец, как опытные тренеры в «Динамо», где я занимался, и в нашем сельском спортобществе — только такой лентяй, как я, мог умудриться не стать чемпионом мира,— снова смеется Энно Оттович.— Теперь вся надежда—на младшего Юхансоо.

— Да, скоро с внуком бегать мне будет не под силу,— говорит Отто Тынисович.— Недавно впервые меня обогнал... Так и должно быть: мальчик тренируется по всем правилам, не то что я в детстве. Вот дневники и графики его занятий... А вот первая грамота — это у нас на стадионе были соревнования для детей. Начало положено! — И старший Юхансоо осторожно поставил папку с грамотой внука в пустующий пока уголок своего музея.

РИСУНОК ПУШКИНА

Этот рисунок Пушкина, по мнению Н. Н. Петруниной, давшей прекрасное палеографическое описание данного листа пушкинской рукописи, сделан вслед за появлением чернового наброска «Желал я душу освежить», а затем, уже позже, при внесении поправок во вторую строфу стихотворного наброска, еще раз тщательно прорисован свежеочиненным карандашом.

Лариса КЕРЦЕЛЛИ

У Марины Цветаевой есть замечательное стихотворение, посвященное героям Отечественной войны 1812 года. «Генералам двенадцатого года» называется оно, и благородная простота его высокой поэзии трогает наши сердца не только скрытым накалом прекрасного чувства, но и исключительной непосредственностью его искренности, сокровенной интимностью при очевидной гражданственности:

Вам все вершины были малы
И мягок — самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

Кроме художественной правды большой поэзии, строки эти несут в себе и удивительную правду просто жизненной ситуации.

Как происходит иконографическое отождествление пушкинского рисунка в черновиках его рукописей с тем или иным реальным человеком того времени, облик которого известен нам по какой-либо старинной миниатюре, или любительскому его портрету, или (реже) по нескольким портретам разных авторов? Исчерпывающего, однозначного ответа на этот вопрос дать невозможно — всякий раз это происходит по-разному. Иногда, будучи убежденным, что Пушкин должен был где-то нарисовать этого человека, ищешь его портрет специально, там, где в силу определенных обстоятельств надеешься отыскать. Иногда такое узнавание происходит более или менее случайно — в процессе иной совсем работы и иных поисков. А иногда причина тому — постоянная неосознанная сосредоточенность на образе данного человека и всего того, что имеет какое-либо к нему отношение: «И я, поцеловав гравюру, не знала сна».

Тот, чей портрет на этот раз определен мною в рисунке Пушкина на черновике 1832 года среди прочих его рисунков и планов «Дубровского», лишил меня сна уже давно — с той самой поры, когда в знаменитой «полтавской» (№ 838) тетради Пушкина я узнала нарисованный поэтом в профиль портрет его вместе с относящейся к нему стихотворной строкою Пушкина «Когда б ты прежде знал». Человек этот — декабрист князь Сергей Григорьевич Волконский, герой сражений под Прейсиш-Эйлау, Фридландом, Отечественной войны 1812 года, генерал-майор действительной службы, лишенный звания, титула, состояния и гражданских прав, «государственный преступник», осужденный по первому разряду к двадцати годам каторжных работ и пожизненному поселению в Сибири, проведший там около тридцати лет и возвратившийся оттуда все таким же несломленным, каким оставался всегда, непереконным и не приладившимся совмещать идеалы с удобствами выгод и жизненных благ для себя.

«Какое прекрасное, благородное... лицо! Вовек не забуду впечатления, которое он на меня сделал»,— сказал декабрист Г. С. Батеньков о поразившем его внешнем облике Волконского. Прекрасное, благородное лицо Сергея Григорьевича Волконского «делало впечатление» не только на его современников. Но впечатление впечатлением, а определить неатрибутированный пушкинский рисунок все же далеко не просто даже и для находящегося под огромным воздействием этого впечатления.

Определение нового портрета Волконского, нарисованного пушкинскою рукою, имеет историю не совсем обычную. Разбирая некоторое время тому назад архив художника Юрия Леонидовича Керцелли, работавшего над проектами художественного оформления музеев Пушкина в Москве, Торжке и в селе Бернове Калининской области и пристально изучавшего в связи с этим рукописи поэта, я обратила внимание на лист бумаги с карандашными зарисовками, в которых без труда узнала скопированные художником рисунки Пушкина, изображавшие несколько неизвестных мне лиц. Обычно Ю. Л. Керцелли делал так в тех случаях, когда считал нарисованное поэтом лицо портретным изображением кого-либо из его современников. Делал он это просто так, для памяти, чтобы лучше запомнить рисунок и, если понадобится, иметь его под рукой. Один выразительный профиль на этом найденном мною листке бумаги показался очень знакомым, но кто это, я понять не смогла тогда.

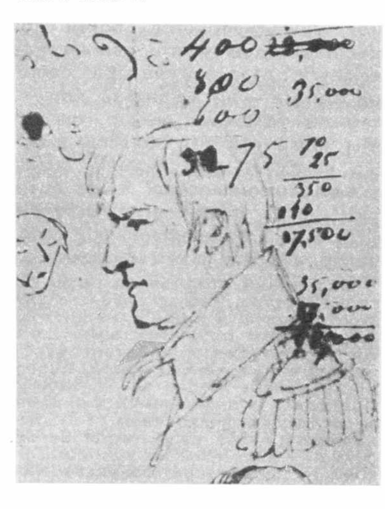
С тех пор прошло около года, и однажды в московском музее Пушкина, в отделе изобразительных фондов, мне показали недавно поступивший в музей из частного собрания в Ленинграде великолепный портрет молодого генерала работы известного художника пушкинского времени П. Ф. Соколова, датированный предположительно 1816 годом. Прекрасно исполненный цветными карандашами, портрет этот только что был определен А. М. Горшманом и Е. В. Павловой как портрет декабриста Сергея Григорьевича Волконского и в качестве такового не без гордости мне показан. Восхищенная чудесным этим портретом, я сказала нечто вроде того, что это лицо хорошо мне знакомо и я его знаю. «А где вы видели его?» — деликатно спросила меня Лада Ивановна Вуич, вместе с Екатериной Всеволодовной Павловой рассказывавшая мне о новом портрете, и лишь тогда только до меня, собственно, дошло, что э т о г о портрета я, конечно, никогда не видела и видеть не могла (он, как уже сказано, недавно поступил в музей из частного собрания и до последнего времени атрибутирован не был), а представляю себе то лицо на листке бумаги, скопированное Ю. Л. Керцелли с пушкинского рисунка, и портрет Соколова связывается в моем сознании именно с рисунком Пушкина.

Дальше уже все было как обычно — отыскание в фотокопиях пушкинских рукописей соответствующего листа с профилем неизвестного военного и собственно работа по иконографическому отождествлению рисунка с С. Г. Волконским.

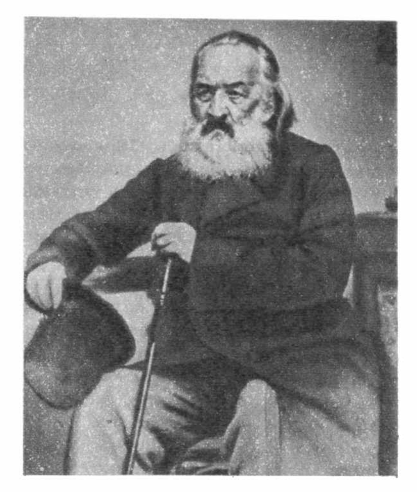
Пушкин нарисовал Волконского в профиль, погрудно — на отдельном листе (ПД 184/1, н. № 603) с черновым наброском неоконченного стихотворения «Желал я душу освежить» о своей поездке в 1829 году в закавказскую армию к друзьям-декабристам, несколькими планами (точнее, рабочими схемами) «Дубровского», рисунками четы Е. Ф. и Е. З. Канкринов, неизвестного в парике, изображениями двух хижин, перечнем «Повестей Белкина», денежными расчетами.

П. Соколов. Портрет С. Г. Волконского 1816 г. (?)

А. Пушкин. Портрет С. Г. Волконского 1832 г.

С. Г. Волконский. Фотография 1850-х гг.

Иконографическое отождествление рисунка с Волконским подтверждается лучше всего сравнением и с известным портретом, исполненным в 1822 году с натуры английским портретистом Джорджем Доу для Военной галереи Зимнего дворца, и с атрибутированным недавно портретом Волконского работы Петра Соколова и с поздней фотографией С. Г. Волконского. На рисунке Пушкина мы видим тот же высокий лоб, те же четко очерченные довольно густые темные брови, тот же крупный «породистый» нос с горбинкой и чрезвычайно характерные, высоко вырезанные над зависшим кончиком носа ноздри, полную, слегка оттянутую нижнюю губу и крупный, спокойного очертания подбородок.

Знакомые, хорошо знакомые черты. И все же... Все же есть в этом пушкинском рисунке что-то настораживающее нас, что-то условное, что ли. Большинство пушкинских рисунков-портретов обладает некой внутренней динамикой, в них, даже в едва очерченных, незавершенных профилях с точкою-глазом, горячо пульсирует жизнь, ее напряженные ритмы, а этот рисунок напоминает скорее портрет-реконструкцию; смотришь на него — и не можешь избавиться от ощущения, что на отлично знаемые черты человека довольно еще молодого поэт как бы накладывает грим старика, вернее, человека, преждевременно состарившегося, перенесшего тяжкие лишения и страдания: несколько искусственными выглядят складки на лице, морщины на лбу и мешки под глазами; необычны для военного и неряшливо повисшие, давно не стриженные волосы (и усов, кстати, нет — они не нужны в этом случае Пушкину-художнику). Поэт и вправду, как видно, реконструирует новый облик Волконского, своеобразно домысливая то, чего, естественно, видеть не мог. Он рисует лицо не того Волконского, которого знал прежде, а того, каким он его представляет теперь, в 1832 году.

Поэт пишет стихи о поездке к друзьям-декабристам — и вспоминает Волконского, единственного среди декабристов генерала действительной службы, осужденного к двадцати годам каторги и пожизненному поселению в Сибири. Он набрасывает схемы последующего развития сюжета «Дубровского» (восемь глав романа о герое-бунтаре, дворянине, «благородном разбойнике», бывшем гвардейском офицере уже окончены) — и видит на листе нарисованный им — не случайно, должно быть! — портрет одного из тех «безумцев», которые, не задумываясь о судьбе своей собственной, великодушно жертвовали собою во имя святых для них идеалов добра и нравственности. Они делали это так же просто и естественно, как, не задумываясь, шли многие из них в 1812 году под вражеские пули и штыки — без укрытия, перед строем солдат, ими на бой ведомых.

«О молодые генералы своих судеб!»...

А. Шилов. ПОРТРЕТ
ДИРИЖЕРА
А. ЖЮРАЙТИСА. 1981.

А. Шилов. ФРАНЦИЯ. ГОРОД МАНТ. 1981.

ЛЕТО В БЕХОВЕ. 1981.

Не приходя в сознание

Виктор ПРОНИН

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

НАСТУПЛЕНИЕ

Итак, Дядьков изолирован и лишен возможности влиять на ход следствия. Теперь можно всерьез взяться за анализ его последней версии. Опорный довод — камни в кювете. Дядьков поминал эти камни в каждом своем заявлении, а написал он их не один десяток.

И Тамара Васильевна вновь выезжает на место происшествия. Осматривает кювет, асфальтовую дорожку, ближайшие сосны. Поднимает несколько камней — под ними еще зеленая трава. А в конце апреля, когда случилось несчастье, травы-то не было. Следовательно, камни в кювете появились после того, как выросла трава. Глазова составляет протокол, его подписывают понятые.

Не останавливаясь на этом, Тамара Васильевна находит школу, ученики которой тридцатого апреля, перед майскими праздниками, проводили уборку в районе железнодорожной платформы. Учительница и десятиклассники дают показания, что на этом участке не было никаких камней, обломков кирпичей и даже бумажек. Составляется протокол.

Камни отпали.

Глазова вызывает отца погибшего мальчика, Николая Железнова, чтобы выяснить, не осталось ли что-либо из одежды, которая была на Павлике тридцатого апреля.

— Это очень важно,— напоминает Тамара Васильевна.— Постарайтесь припомнить, Николай. Может пригодиться любая мелочь.

— Пальто и коляска пропали еще в больнице,— задумчиво отвечает Николай.— А ботиночки остались, шапка вязаная, брюки... Вот, пожалуй, и все. Разве что игрушки — ведерко, лопатка...

— Игрушки были в руках у Павлика?

— Ведерко жена несла, лопатка, кажется, у меня...

— Нет, игрушки не надо. А вот остальное понадобится. Будем приобщать к делу.

Все эти вещи Глазова направляет на экспертизу. И ставит вопросы: имеются ли на шерстяной шапочке, брюках нарушения ворса? Если есть, то в каком месте, какого характера нарушения, какой формы? Имеется ли лакокрасочное вещество или частицы резины на этих вещах? Если имеются, то совпадает ли их родовая принадлежность с лакокрасочным покрытием и резиной на покрышке левого колеса машины «Жигули» 84-34?

Через несколько дней пришел ответ. На детской шапочке Павлика Железнова обнаружен след в виде сглаженности ворса. Такой след, уточняют эксперты, мог образоваться от кратковременного, но сильного контакта с твердым округлым предметом.

Далее следователь назначает металловедческую экспертизу и выносит на рассмотрение вопросы: является ли нарушение металла на переднем бампере сбоем или же это коррозия? Определить причину образования сбоя металла около левого подфарника. Как могла образоваться вмятина на левом колпаке колеса, учитывая обстоятельства дела?

Вывод эксперта: задир металла на поверхности бампера образован при контакте с острым металлическим предметом. Судя по обстоятельствам дела, это могла быть детская коляска.

Ответ из трассологической лаборатории: вмятина на колпаке колеса автомобиля образована частью человеческого тела. Судя по обстоятельствам дела, это могла быть голова ребенка.

Акт судебно-медицинского исследования: смерть наступила от сильного ушиба головного мозга. Повреждения, обнаруженные на теле ребенка при падении из коляски в кювет, исключаются, даже если в кювете находились твердые предметы. Вывод подтверждается грубым характером повреждений костей черепа, которые в этом возрасте отличаются особой мягкостью. Невозможность возникновения подобных травм при падении ребенка из коляски в кювет в условиях происшествия позволяет сделать вывод, что обширный кровоподтек правой половины головы, перелом костей правой половины свода и полный поперечный перелом основания черепа произошли от удара деталью движущегося с большой скоростью автомобиля.

Это были уже не предположения, нет, в деле появились заключения, в которых вещи недвусмысленно названы своими именами: был наезд, был удар, было преступление. И теперь все разговоры о том, что, дескать, отец мальчика дернул коляску и поэтому малыш выпал, что машина съехала в кювет, никого не зацепив, все эти утверждения потеряли всякий смысл.

Невероятно подробные показания дала свидетельница Воробьева. Она уверенно сказала, сколько было в машине мужчин, сколько женщин, подробно описала, во что каждая была одета, с какой стороны выскочила, в какую сторону направилась. Когда кое-кто усомнился в ее показаниях, Воробьева предложила проверить, есть ли у светловолосой девушки зеленое платье с желтой отделкой, есть ли у толстушки серый свитер с высоким воротником, есть ли у черноволосой с короткой стрижкой синие джинсы с этикеткой на заднем кармане. Проверять не пришлось — девушки подтвердили, что эти вещи у них есть и действительно в тот вечер они были одеты, как описала Воробьева.

Следователю оставалось только развести руками. Такая наблюдательность встречается не часто. А когда она сказала об этом Воробьевой, та еще показала на схеме, в каком месте машина пересекла осевую линию, под каким углом, в каком положении стояла в кювете.

— А что касается коляски,— заметила эта женщина,— то могу поклясться, что у нее был сорван левый подлокотник из желтой пластмассы, смят правый бок и слегка повреждена спинка.

Когда Глазова рассказала об этих показаниях Железновым, отец мальчика, не говоря ни слова, пошел домой и принес этот самый желтый подлокотник, о котором говорила Вера Павловна Воробьева. Подлокотник был сорван во время наезда, и его подобрали вместе с детским ведерком и лопаткой. Николай Железнов, оказывается, недооценивал значение этой детали для дела.

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

Дядьков, ознакомившись с заключением экспертов, заметно поскучнел. Но ненадолго. Он изменил тактику — из камеры предварительного заключения писал бесконечные жалобы, в которых оспаривал правильность процессуальной стороны дела, подвергая сомнению показания свидетелей, правомочность тех или иных действий следователя, настаивал на том, что его содержат под стражей незаконно.

Дальнейшее поведение его можно назвать, наверное, психической атакой. Находясь в предварительном заключении, Дядьков и не думал сдаваться. Качество, надо признать, весьма достойное. За ним хочется видеть силу характера, уверенность в собственной невиновности, готовность дать бой обстоятельствам.

Однако, вдумываясь в сложившееся положение, приходишь к выводу, что за настойчивостью Дядькова стояла скорее ограниченность, неспособность понять силу объективных доказательств. Без конца вспоминая тот злополучный вечер, перебирая мельчайшие детали, сопоставляя слова, поступки, он убедил себя, что если наезд действительно был, то вины его, Дядькова, в том нет. Виноваты девицы и приятели. Он вспомнил, что не хотел с ними ехать, что не хотел пить в тот вечер, но его уговорили, не хотел брать машину, но Бармичев сам предложил...

И еще — он озлобился. Тоже в общем-то качество натуры слабой, поверхностной, тщеславной. Все происходящее он стал воспринимать как стремление наказать его во что бы то ни стало, чтоб другим неповадно было. Не доверяя никому, он рассылал жалобы одного и того же содержания в различные надзорные и прокурорские инстанции. Их проверяли, убеждались, что все делается в строгом соблюдении законности, и отправляли Глазовой.

Не в состоянии опровергнуть показания сви-

Окончание. См. «Огонек» №№ 36—38.

Изучаются вещественные доказательства. Заместитель начальника УВД подполковник В. К. Мухачев, следователь Т. В. Глазова и эксперт-криминалист А. В. Невежин.

Фото Э. Эттингера

детелей, заключения экспертов, Дядьков ставил вопросы, не имеющие никакого отношения к существу дела. Например, через своих лазутчиков Дядьков вызнал, что в поликлинике, куда доставили ребенка, Николай Железнов, находясь в полубессознательном состоянии, сказал в приемном покое, что мальчика сшибла не машина, а мотоцикл. Оговорился. И этого было достаточно для десятка заявлений Дядькова, в которых он требовал дополнительного расследования,— каким видом транспорта сбита коляска.

Но основной его тезис — наезда не было. Отец, видите ли, неосторожно дернул коляску, мальчик выпал, ударился и погиб. И в своих жалобах Дядьков писал не иначе, как «отец — убийца своего ребенка», «родители убили своего сына», «они сами убили своего сына, а теперь стараются все свалить на меня и разбить мою молодую семью». Кстати, семья у Дядькова действительно молодая, прежнюю он бросил. Да только и с новой не собирался жизнь коротать, судя по составу пассажиров в машине тем вечером.

Попытался Дядьков и из камеры предварительного заключения повлиять на ход событий. Вот какую записку передает он своей жене: «Срочно сходи к Железновым, поговори, выясни, чего хотят. Сына им все равно не вернуть, а от денег не откажутся. Спроси, сколько нужно, чтобы замолчали и взяли свои обвинения назад. Особенно не скупись, но и меру знай. Сотню, вторую можешь предложить. Налегай на то, что меня им все равно не посадить, доказательств нет, а сами вообще с носом могут остаться».

Из показаний Надежды Железновой, матери Павлика:

«К нам приходила женщина, которая назвалась женой Дядькова. Она предложила деньги, чтобы замять дело. Когда мы отказались и вообще не стали разговаривать с ней на эту тему, она начала кричать на нас и заявила, что, когда ее мужа отпустят на свободу, он нам еще покажет».

Что получается — жил человек, вроде нормальный человек, работал, сумел показаться, серьезное положение занял на производстве, в обществе. И вдруг происходит событие, которое не укладывается в привычные рамки. Оно как бы испытало его на духовную зрелость. И оказалось, что весь его образ жизни, взаимоотношения с людьми, даже вкусы, слабости — все было если и не преступным, то где-то на полпути к этому.

Вроде бы и шалости достаточно невинны — взял у соседа машину, пообещав помочь с ремонтом, когда надобность возникнет. Поступок не из красивых, но понять можно. От жены с ребенком ушел? Что ж, возможно, любовь душу обуяла, куда деваться... Но, оказывается, не очень-то и обуяла. Подвернулись девицы легкого нрава — и он уже везет компанию в лес, не забыв загрузить багажник необходимыми сопутствующими товарами. Нехорошо, конечно. Пожурить человека можно, пальчиком по столу постучать: смотри, дескать, чтоб в последний раз!

Но как легко и забавное и шаловливое переходит в оговоры, подкуп, угрозы!

СУД

На суде обвинение поддерживала прокурор Тамара Георгиевна Белолипецкая. Вот ее мнение о работе следователя:

— В ходе суда всегда чувствуется, когда дело начинает слегка «провисать», когда одними доказательствами следователь пытается прикрыть зыбкость, неубедительность других. Не найдя прямого свидетеля, он восполняет это тем, что допрашивает десяток косвенных, а то и вовсе делает допущение, ничем его не подкрепляя. В нашей работе это явный брак. У Глазовой дело обычно подготовлено так, что вопрос о надежности доказательств не возникает, они как бы цепляются одно за другое, поддерживают и объясняют друг друга. Иногда возникает ощущение, что то или иное доказательство вроде бы и не имеет прямого отношения к делу, кажется незначительным, но когда все они на твоих глазах выстраиваются в одну неразрывную цепь, начинаешь понимать, какая кропотливая работа проведена. Ни одного пробела, не оставлен без внимания ни один довод обвиняемого. Судьям, прокурорам знаком холодок в душе, когда вдруг видишь, что в деле нет надежных доказательств,— преступник уничтожил явные следы, подогнал нужную документацию, «обработал» свидетелей и, казалось бы, обеспечил себе неуязвимость. И вот Тамара Васильевна берет такое «глухое» дело и, не торопясь, принимается за работу. И находятся свидетели, которых ранее почему-то недооценивали или не догадались задать им нужные вопросы. Находятся детали, требующие уточнения, появляются заключения экспертиз, которые проясняют картину преступления и дают эти самые доказательства. И мы видим, что преступник, несмотря на все свои усилия, так и не смог уничтожить следы. Тот же Дядьков, как бойко начинал, сколько было гонору, не всегда находил время на вопросы ответить. А закончилось тем, что он смиренно попросил суд о снисхождении. Обратите внимание — никаких обжалований, протестов, хотя, честно говоря, мы этого ждали.

Во время последних допросов приятельницы Дядькова готовы были в мельчайших деталях описать весь вечер тридцатого апреля, но заставить их выступить с этими показаниями на суде оказалось невозможным делом. Путаясь, краснея и бледнея, пряча глаза, они на судебном заседании несли ту самую чушь, с которой начали в первых своих показаниях.

— Да вы же чуть не сшибли меня с ног, когда я шла с мальчиком на руках! — не выдержав, воскликнула мать Павлика Железнова.

— Нет, мы ничего не видели,— упрямо повторяет Кузькина.

— Но вот подписанные вами показания, в которых вы рассказываете о том, как сговорились в лесу выгородить Дядькова,— напоминает ей судья.

Кузькина молчит. На ее лице можно прочитать только одно: скорей бы все кончилось, чтобы спрятаться от этих вопросов, от людских глаз, от насмешливого гула за спиной.

Наверно, лишь на суде с этими девушками поговорили всерьез о них же, задали прямые вопросы, заставили задуматься над прямыми ответами. До этого они как-то обходились легковесными шуточками, необязательными обещаниями, ничему не придавая слишком большого значения, готовые посмеяться над чем угодно.

Да, они оказались всего лишь в роли свидетельниц, но высказать свое мнение о них суд счел необходимым. Причем речь шла не о их жизни до наезда, бог им судия, как говорится. Суд больше интересовала чехарда с показаниями, настойчивые попытки уберечь преступника от наказания. Было интересно узнать, что стоит за всем этим, какие такие убеждения?

Оказывается, ничего за этим не стоит. Пустота. Когда судья произносила слово «убеждения», девицы стыдливо хмыкали, словно им предлагали примерить королевские наряды. Дескать, не про нашу честь, мы люди простые, убеждения нам ни к чему, нас вот в машину пригласили, угощение посулили — оно и спасибо, мы и рады, много ли нам надо...

И тут же болезненно острое отношение к малейшему намеку на осуждение. Такая обидчивость частенько встречается у людей спившихся, когда они в краткий миг просветления улавливают нечто их задевающее. И уже ничего не хотят видеть, кроме своей обиды, и упиваются ею, ищут повод, чтобы снова и снова ощутить несправедливость к себе, которая их вроде бы в чем-то оправдывает. Оно и легче. Уловив истинную или мнимую обиду в услышанном слове, подмеченном взгляде, они могут осерчать, с такой же легкостью расплачутся. И то и другое быстро проходит, поскольку сознание вновь затемняется, и они уже не в состоянии оценивать свои действия, понимать происходящее.

Время от времени в газетах, публикующих различные курьезы, вроде сообщений о появлении двухголового теленка, о девочке, выросшей в волчьем логове, можно встретить описание странного состояния, в которое впа-

дает некий житель дальней или ближней страны. Он словно бы спит и не спит, он дышит, живет, ему вводят пищу, он отправляет естественные надобности. Возможно, он слышит голоса, доносящиеся из мира, который проносится над ним, может быть, в этом мире ему что-то дорого, он переживает, страдает — там, за порогом сознания. Может быть. Проходят годы и десятилетия, проходит жизнь. Человек стареет, дряхлеет и, наконец, умирает, так и не придя в сознание.

Подобные случаи довольно редки, уж коли о них пишут, как о курьезах. Чаще происходит другое — человек в полном здравии сознательно ограждает себя от всех волнений, которыми живет окружающий мир, которые приносит совесть. И в этом ненормальном в общем-то состоянии он существует и, не приходя в сознание, благополучно стареет, так и не узнав до конца, чем жил мир вокруг него...

В отношении девушек суд принял частное определение, дал свое толкование их образу жизни. Надо же, потребовалось такое печальное событие, чтобы убедиться — вековечные ценности человеческие не отменены. И поныне совесть, честность, искренность остаются в силе. Казалось, такие заезженные понятия, а когда всерьез — выше-то и нет ничего. И при ближайшем рассмотрении выясняется, что машины, ночные шоссе, вседозволенность и гроша ломаного не стоят. Если, конечно, всерьез. А ведь было — во всем этом смысл виделся, истина просматривалась, душа рвалась вслед за каждой легковушкой...

Так уж получилось, что суд над Дядьковым вылился в суд над приспособленчеством, продажностью в широком смысле слова. Но ни один из шестерых не пришел в себя, не спохватился, не образумился.

Да, нянечка из местной больницы. Вот она спохватилась. Честно и откровенно признала свои ошибки и заблуждения, как она выразилась. Ее подвела, как ни странно, доброжелательность. Просит человек — надо уважить. Этим часто не прочь воспользоваться ловкачи и пройдохи. Но когда дело до суда дошло и весь городок узнал детали происшествия, когда уж малыша схоронили, поняла старушка, чего натворила. Покаялась прилюдно и тем грех с души сняла.

ПРИГОВОР

Дядьков Борис Иванович был признан виновным по двум статьям: 127 часть II и 211 часть II. Вот эти статьи:

127 часть II. Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры по малолетству, старости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать потерпевшему помощь и был обязан иметь о нем заботу, либо сам поставил его в опасное для жизни состояние, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года.

211 часть II. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее смерть потерпевшего или причинение ему тяжкого телесного повреждения, наказывается лишением свободы на срок до десяти лет с лишением права управлять транспортными средствами на срок до пяти лет или без такового.

По первой из этих статей Дядьков был приговорен к двум годам лишения свободы, по второй — к восьми, с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима. В соответствии со статьей 40 УК РСФСР окончательная мера наказания по совокупности (поглощением менее строгого наказания более строгим) определена в восемь лет лишения свободы и запрещением управлять автотранспортом в течение трех лет.

Остается только добавить, что через некоторое время в народный суд пришло извещение о том, что осужденный Дядьков Борис Иванович прибыл в исправительно-трудовую колонию общего режима отбывать наказание. Далее шел адрес учреждения, его номер и подпись начальника.

Вот и все.

И — НОВАЯ ЖИЗНЬ

Тамара Васильевна Глазова сидит за небольшим однотумбовым столом в своем маленьком кабинете, где, кроме стола, сейфа, двух стульев, и нет ничего, да ничего больше и не поместится. Но кабинетик — тоже достижение, поскольку не везде, не во всякой прокуратуре есть такие условия. Это заботами прокурора Владимира Дмитриевича Сухачева. Он же обеспечил всех следователей пишущими машинками, что тоже немаловажно.

Рядом с прокуратурой вокзал, газетные киоски, суета, а здесь тишина и сосредоточенность. Тамара Васильевна задумчиво перебирает бумаги, вживаясь в новое дело. Именно вживаясь, потому что каждое следствие — это еще одна прожитая жизнь. С друзьями, недругами, с выяснением отношений куда более подробным, чем в настоящей жизни. Если там допустимы недомолвки, тайные обиды, молчаливое прощение, то здесь, в следствии, все должно быть выяснено до конца, до последнего душевного порыва.

Но вот отшумели, отошли в прошлое людские страсти, боли, страдания, обман и ненависть, все отошло. И начинается новая жизнь, не менее сложная, запутанная, где тебе предстоит все назвать своими именами, расставить по местам, всему найти объяснение.

На столе новая папочка, в ней всего несколько листочков. Пройдет время, и она вырастет до толстого тома, а то и до нескольких, и сколько же людей пройдет через этот кабинетик, сколько жизней выплеснется на голубенькие бланки протоколов!

— Я устала от этого дела,— говорит Тамара Васильевна.— Не от его сложности или запутанности. Оно оказалось довольно редким по психологической напряженности. Прикиньте, сколько людей подключил Дядьков, чтобы изменить картину преступления! А похищение коляски, эти булыжники в кювете! Подкуп, попытки отделаться двумя сотнями рублей, эти девицы... И пройти через все это, через правду и ложь каждого, через их опасения, истерики... Тяжело. Но интересно.— Она улыбнулась и положила руку на тощую коричневую папочку.

Сколько всем нам каждый день приходится видеть всякого, сколько мы переживаем встреч, событий, происшествий, но нередко проходят годы, прежде чем мы правильно поймем услышанное когда-то слово, запомнившийся взгляд, замеченное нами молчание или многословие. А здесь оценивать событие, собственное смутное подозрение, сомнение нужно немедленно, на месте или, может быть, лучше сказать, не сходя с места происшествия. А это ох как непросто, если учесть, что за твоим решением, за твоей оценкой — человек, его судьба.

— Знаете, как бывает,— говорит Тамара Васильевна.— Все вроде в деле уже есть. Свидетели дали показания, обвиняемый признался в совершенном преступлении, подшиты заключения экспертов, должным образом освещены и поданы вещественные доказательства... А как-нибудь вечером, когда опустеют наши коридоры, затихнут голоса, перестук машинок, хлопанье дверей, листаешь, листаешь дело, и охватывает неудовлетворенность, что ли... И не могу понять, чего же не хватает? Ощущение потери. Будто не все возможности использованы. Наверно, это происходит оттого, что хочется придать делу убедительность не только для суда, но и для самого обвиняемого. Запираешь дело в сейф и словно запираешь все голоса, звучавшие с каждой страницы, запираешь фотографии, изученные до того, что, кажется, они вот-вот оживут перед твоими глазами. Приходишь домой, а голоса звучат, бойкие, робкие, запинающиеся. И истерики, случившиеся в твоем кабинете, все еще продолжаются, и обвинения, угрозы, жалобы... Вслушиваешься в эту разноголосицу, пытаясь понять, почему доказательства не смыкаются. Почему противоречат друг другу свидетели? Почему события не выстраиваются в одну логическую цепочку, которая бы полностью охватывала не только само преступление, но и роль каждого в нем? Листаешь страницы, натыкаешься на самые разные показания и в этот момент буквально слышишь, как тот, другой свидетель, соучастник успевает еще раз выкрикнуть свое, пока его страничка не перекроется следующей... И наконец, как толчок — тебя охватывает счастливое ощущение находки, прозрения. Вот оно! Вот то место, та фраза, та цифра, та запятая, которая замкнет цепь, и сразу все станет на свои места, и никто не сможет опровергнуть, да что там опровергнуть — усомниться не сможет ни в одном твоем выводе. Вот человек уклонился от ответа. Вот скомкал показания. Вот эксперт упустил важную деталь. Вот обвиняемый слукавил. Вот слова, которые все объясняют! — Тамара Васильевна смущенно проводит рукой по лицу, улыбается.

Уточним: следователь прокуратуры — это особая статья. По закону он занимается расследованием тяжких преступлений: убийства, насилия, крупные хищения. Будни следователя — это экспертизы, вскрытия, очные ставки, допросы, постоянные встречи с худшими представителями рода человеческого. И каждого необходимо понять, причем настолько хорошо, чтобы можно было судить о его поступках, о его виновности. В самом деле тяжело. Человеку слабому, лишенному твердых жизненных убеждений, нетрудно распространить свои наблюдения гораздо дальше, нежели это допустимо. Можно попросту устать от этой изматывающей работы, сделаться глухим к человеческим болям и радостям.

Но Глазову эти беды миновали. Преступники не заслонили от нее остальное человечество, хотя ей приходится и поныне отдавать им немало сил и времени.

От автора

Твоя жизнь.

Твои надежды, заботы, общение с людьми. Ты привыкаешь к ним и с трудом можешь вообразить себя в другом окружении. В другой жизни. Но, наверно, больше всего привыкаешь к самому себе. Настолько, что не в состоянии представить себя иным человеком. Да и можешь ли ты быть иным, не таким, которого знают все вокруг?

Твоя привычная жизнь — это еще и блага, льготы, предпочтения, которыми окружают тебя ближние. Есть и некие заслуги перед обществом, а почему бы и нет? От них тоже не откажешься, слишком нелегко они дались. Как далеко ты готов зайти, чтобы попытаться оставить все это при угрозе потерять? И вообще — ставишь ли перед собой цель: сохранить положение, должность, почет и уважение, сохранить, несмотря ни на что? Имеют ли для тебя какое-нибудь значение такие возвышенно-отвлеченные понятия, как порядочность, совесть, честь? Вызывают ли они в тебе что-нибудь, кроме снисходительной усмешки?

Эти вопросы тоже могут показаться возвышенно-отвлеченными, но дело в том, что частенько после того или иного События, даже после маленькой передряги, мимолетной нервотрепки, ты невольно упираешься в эти вопросы, и дай тебе бог ответить на них так, чтобы не опростоволоситься на веки вечные.

Кто может сказать, каким ты окажешься по ту сторону События?

Да, произошло, например, Событие, перевернувшее твою жизнь. Хватит ли в тебе силы духа, твердости, чтобы остаться самим собой и не разрушить о себе впечатление, которое создавалось годами? Хватит ли тебе жертвенности — часто требуется именно это,— чтобы оставаться самим собой...

Не получится ли так, что Событие и покажет, каков ты есть на самом деле? Возможно, твои привычки, шуточки, даже люди, которыми ты себя окружил, все наносное, ненастоящее, искусственно созданное тобой, чтобы легче, приятнее шлось по жизни?

Что же делает Событие? Меняет тебя, мнет, корежит? Превращает в нечто чуждое тебе самому? Или сдирает шелуху, маскирующую нутро, которое ты предпочитаешь не показывать при ярком свете? А может быть, всего понемножку? Неужели твоя суть настолько зыбка и непрочна, что Событие легко меняет тебя и никто не сможет предсказать, каков ты окажешься по ту сторону События, в какую нравственную глушь заведет тебя чувство самосохранения?

Нет, сколь бы драматичным ни было Событие, вряд ли ему дано вот так круто и необратимо изменить человека. Неожиданность может толкнуть на необдуманный шаг, на некрасивый поступок. Но преобразить человека, сделать из него подлеца... Нет.

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

СЕКРЕТЫ СЧАСТЛИВОЙ СТАРОСТИ

7 ОКТЯБРЯ 1949 ГОДА БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Новелла ИВАНОВА, специальный корреспондент «Огонька»

Всемирный день здоровья в этом году проходил под девизом «Полноценная жизнь в старости», и недавно в Вене под эгидой ООН состоялась Всемирная ассамблея, посвященная проблемам старения.

В каком возрасте человек становится стариком? Чаще всего, следует ответ: в тот момент, когда он уходит на пенсию! Однако представители науки, изучающей процессы старения живого организма, утверждают, что такое формальное определение не соответствует истине. Геронтологи констатируют при этом, что в социалистическом обществе границы старости год от года отодвигаются. Высокий жизненный уровень, длительные сроки обучения в школе и вузе затянули период социального созревания человека, и к 45—50 годам он только вступает в свой «золотой возраст». В этот период уже взяты вершины профессионального мастерства, достигнуто определенное положение в обществе, решены в основном материальные проблемы и еще не растрачены силы и здоровье. В социалистическом обществе человек — бесценный капитал, и потому задача большой социальной важности — дальнейшее смещение предела «золотого возраста», чтобы пожилые люди могли более активно участвовать в жизни не только своей семьи, но и государства. Сегодня мы расскажем о том, как решается эта задача в Германской Демократической Республике.

ПАРОЛЬ — «ФОЛЬКССОЛИДАРИТЕТ»

Весь день хожу по Берлину, и город, где я бывала много раз, теперь мне кажется иным. Мое редакционное задание — рассказать о том, как живут в ГДР пенсионеры, и потому в уличной толпе мое внимание останавливают прежде всего люди пожилые. С удивлением отмечаю: оказывается, среди прохожих довольно много стариков и старушек. Правда, не каждого из них можно так назвать. Ну, разве скажешь «бабушка» вот этой очень пожилой женщине в темно-синем платье с белым пикейным воротничком? Она аккуратно причесана рукой парикмахера, и только слишком старомодная, но зато удобная и привычная сумочка выдает тайну возраста ее хозяйки. А седовласый дед (а может, прадед?) в толстом свитере и отутюженных брюках, что дежурит у детской коляски, выглядит спортивно, даже щеголевато, хотя ему, пожалуй, далеко за семьдесят...

У кинотеатра, где идет новый приключенческий фильм, толпятся пожилые люди. Подхожу к кассе и вижу объявление: «Дневные сеансы для пенсионеров. Билеты продаются со скидкой». Спрашиваю: «А мне можно?» «Можно! — улыбается молоденькая кассирша.— Только вам придется купить билет без скидки». Покупаю билет без скидки и попадаю в общество принаряженных бабушек и дедушек. Они пришли в кино своей компанией и оживленно переговариваются: «Герда, ты придешь в клуб на наш музыкальный вечер?» «Обязательно!» «И своего Руди приводи!» «А вот это не обещаю. У мужа опять давление подскочило, тут уж и «фольkссолидаритет» не поможет!»

«Фольkссолидаритет» — словечко, промелькнувшее в разговоре,— прозвучало для меня как пароль, и сразу стало ясно, кто придумал и организовал этот необычный дневной сеанс. В переводе с немецкого «фольkссолидаритет» означает — народная солидарность. Так называется очень популярная в ГДР массовая организация, которой поручено заботиться о пожилых гражданах республики. Предыстория ее рождения: далекие тридцатые годы, когда в помощь семьям рабочих была создана «Красная помощь Германии», возглавленная Вильгельмом Пиком. После освобождения страны от фашизма эта организация помогала партии налаживать новую жизнь. Она заботилась об осиротевших детях, помогала одиноким старикам, участвовала в расчистке городов от развалин. В пятидесятые годы «Народная солидарность» стала массовой демократической организацией, которая принимала участие в сборе подписей борцов за мир, выступала в поддержку героической борьбы народов Кореи, Вьетнама. По решению партии с 1958 года организация целиком переориентировалась на заботу о старшем поколении, и сегодня в ГДР бабушек и дедушек, которых я увидела на улицах и в кинотеатре, называют «самым интересным поколением стариков».

Коллеги из журнала «Фрайе вельт» организовали мне встречу с человеком, который много лет возглавляет «Народную солидарность», и первый вопрос, который я задала Роберту Леманну: что из себя представляют нынешние пенсионеры? Почему их называют самым интересным поколением стариков?

— В ГДР — три миллиона пенсионеров, это почти шестая часть населения страны. У нас мужчины уходят на пенсию в 65, а женщины — в 60 лет. И свыше 600 тысяч пенсионеров продолжают работать — закон предусматривает сохранение в этом случае пенсии. Две трети числа пенсионеров — женщины. А по социальному составу преобладает рабочий класс. Это наши лучшие люди, ветераны рабочего движения, «активисты первого часа», которые начинали строить новую Германию. Вправе ли общество оставить этот ценный капитал без внимания?— говорит Леманн.— Товарищ Хонеккер не раз подчеркивал, что наши лучшие социальные достижения должны служить поколению ветеранов труда. Конституцией, трудовым законодательством, партийно-хозяйственными планами предусмотрена всесторонняя забота о старшем поколении, и «Народная солидарность» действует совместно со всеми организациями страны.

— Я знаю, что у «Народной солидарности» такой девиз: активность, общительность, опека. Причем на первом месте — активность. Опека стоит на последнем месте, а ведь когда речь идет о пожилом человеке, более привычно прежде всего назвать опеку.

— Привычнее? Да. Но не случайно мы поставили активность на первое место! Наша главная задача — позаботиться о том, чтобы у каждого пожилого человека было занятие по душе и хорошее настроение. «Народная солидарность» провела обследование десяти тысяч пенсионеров. Выяснилось, что десять процентов из их числа — практически здоровые люди, двадцать процентов страдают небольшим расстройством здоровья. Пятьдесят процентов обследованных нуждались в постоянной медицинской помощи, и только одну пятую часть составляли больные тяжелым недугом, инвалиды, которые нуждались в постоянной опеке и медицинской помощи. С учетом этих данных мы вместе с геронтологами и строим всю нашу работу...

В дверь кабинета постучали, и на пороге появился мужчина, из-за плеча которого выглядывали две женщины.

— А вот и геронтологи, легки на помине!— поднялся из-за стола Леманн.— Знакомьтесь, это мои давние друзья и соратники. Доктор медицины Уго Шмидт руководит Государственным проектом по геронтологии. Его жена Анелиза — психолог, а доктор естественных наук Ирмгард Кальбе — ученый секретарь проекта. А кроме того, фрау Кальбе — проректор берлинского университета ветеранов труда. Девиз «Народной солидарности» был подсказан исследованиями, которые вели вот эти люди.

...А началось все 25 лет назад в Магдебурге. Уго Шмидт вместе с несколькими молодыми учеными изучал группу рабочих, которые после ухода на пенсию продолжали трудиться на одном из городских машиностроительных предприятий. Ученые пришли к выводу, что 70-летний человек без напряжения может справиться со сложной работой, более того — он в состоянии освоить совершенно новые приемы, ничуть не уступая в скорости их восприятия молодым! Это противоречило утвердившимся представлениям о пределах работоспособности человека, и когда в Магдебурге была создана первая в стране геронтологическая клиника, молодые ученые получили возможность вести всесторонние исследования работающих пенсионеров. За пять лет была обследована тысяча рабочих, и данные подтверждали: тот, кто продолжает в преклонном возрасте заниматься любимым делом, дольше сохраняет здоровье и трудоспособность!

— Выходит, что в старости надо стремиться не к покою, как это принято считать, а, напротив, к активности?

— Именно так!— подтверждает доктор Шмидт.— Я могу вам привести много примеров того, как при средней физической нагрузке у пожилых людей даже давление нормализовалось.

«Стареть скучно, но это единственный способ прожить долго!»— утверждал, как говорят, Бернард Шоу. Сам он ярко прожил 94 года. Среди знаменитых в истории человечества людей немало долгожителей. Галилей прожил 78 лет, Платон — 81 год, Ньютон — 84, Гёте — 83, а Лев Толстой дожил до 82 лет, сохраняя здоровье, много, с удовольствием трудился. Но можно ли равняться на эти исключительные примеры нам, обыкновенным жителям XX века?

— Можно равняться! Существует даже научно обоснованная формула сохранения здоровья до преклонного возраста: ОБРАЗОВАННОСТЬ ПЛЮС ВЫСОКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПЛЮС ЛЮБОВЬ К СВОЕМУ ДЕЛУ!

Каждый из нас хочет долго жить, но стареть не хочет никто. И самый сложный порог, через который человек переступает в своей жизни,— порог старости. Как же добиться того, чтобы, перешагнув через него, человек сохранил полноту счастья? Научно-исследовательская геронтологическая программа, которая в ГДР осуществляется в рамках министерства здравоохранения, предусматривает целый комплекс мероприятий, связанных с моральной и физической подготовкой человека к старости.

— Создать пожилому человеку хорошее настроение — очень важный фактор,— говорит Роберт Леманн.— Большой популярностью пользуются наши ежедневные утренние получасовые радиопередачи, в которых «Народная солидарность» поздравляет тех, кто родился в этот день. И, представьте, не было случая, чтобы забыли поздравить хотя бы одного из трех миллионов наших пенсионеров!

— Сколько же должно быть помощников, чтобы вести такую работу?

— 165 тысяч человек! Именно столько у нас активистов. Они работают в первичных организациях «Народной солидарности», которых 13 тысяч во всей стране.

— Как организована эта важная работа? Откуда берется такая армия опекунов и как оплачивается их труд?

— Хочу сразу подчеркнуть: наша организация основана на добровольных началах, и большинство активистов работают безвозмездно. Откуда берется армия опекунов пенсионеров? Так это сами пенсионеры, те из них, кто поздоровее. У первичной организации много забот. Во-первых, надо организовать помощь на дому тем, кто не в состоянии о себе позаботиться. Это делают члены бригады домашней помощи. В них объединены 45 тысяч человек, и они выполняют роль приходящих домашних работниц: убирают, готовят, стирают. Оплата их труда почасовая и состоит из небольших отчислений от пенсии подопечных, а также дотации, которую государство предоставляет «Народной солидарности». Средства этой дотации идут также на дешевые обеды, которые пенсионеры могут получить у себя в районном клубе «золотого возраста». В этих клубах (их в стране 800) в основном и сосредоточена вся деятельность первичных организаций. Культурная программа — походы в кино, театры, поездки по городам ГДР — тоже требует средств. Откуда же мы их берем? Во-первых, есть ежемесячные членские взносы, для разной категории пенсионеров они варьируются от 30 пфеннигов до 10 марок (от 12 копеек до 4 рублей.— **Н.И.**). В год набирается до 20 миллионов марок, и почти столько же мы получаем государственной дотации. Но все-таки этих денег не хватает. И вот тут нам помогает активность пенсионеров, которую мы в нашем девизе поставили на первое место. Дело в том, что «Народная солидарность» зарабатывает деньги, привлекая пенсионеров к сбору вторичного сырья и озеленению улиц, мы организуем рабочие бригады из пенсионеров-специалистов, которые успешно ведут ремонт квартир, и устраиваем специальные мастерские по ремонту домашней техники, телевизоров, где пенсионеры трудятся по договору, и их работа оплачивается неплохо.

— В девизе «Народной солидарности» есть еще слово «общительность». Как оно расшифровывается?

— В своей работе мы исходим из того, что важно не только устроить быт и лечение пожилого человека, но и организовать его досуг,— отвечает доктор Ирмгард Кальбе.— С этой целью мы разработали программу обучения в университетах, созданных специально для ветеранов труда. Они действуют в Берлине, Галле, Лейпциге, Иене, Дрездене и Ростоке. И мы приглашаем корреспондента «Огонька» на лекцию к нам, в столичный университет.

ЗАЧЕМ ПЕНСИОНЕРУ УЧИТЬСЯ!

Вечером вместе с доктором Шмидтом и его милой супругой еду в 1-ю медицинскую клинику «Шарите», где учатся студенты университета ветеранов труда, который был организован при Берлинском университете имени Гумбольдта 3 сентября 1978 года.

— Когда «Народная солидарность» через радио и печать объявила о наборе на учебу в этот университет, мы очень волновались. Как встретят нашу идею пожилые граждане нашей страны? Как отнесутся к их учебе младшее и среднее поколения семьи?— вспоминал Уго Шмидт.— Но желающих учиться было очень много: люди приехали со всей страны, и нам пришлось разбить их на два потока. Теперь дважды в месяц, по средам и воскресеньям, лекции слушают 700 студентов-пенсионеров.

...А вот и «Шарите»! По стертым временем каменным ступеням поднимаемся на второй этаж. Из раскрытых дверей аудитории доносится гул голосов. Звенит звонок. Гул затихает. Проректор университета, уже знакомая мне доктор Кальбе, объявляет, что сегодня две лекции. Первую — о взаимоотношении между разными поколениями в семье — прочитает социолог, а вторую — о психологических проблемах старости — доктор медицины Айтнер.

Шелестят страницы тетрадок и блокнотов. Оглядывая ряды, замечаю, что среди студентов преобладают бабушки. Одни в брючных костюмах, другие в юбках и кофточках, причем не мрачных «старушечьих» тонов, а в белых, розовых и голубых. Дедушки тоже выглядят празднично — рубашки с галстуками, надраенные до блеска ботинки. В отличие от молодых студентов, которые обычно забиваются в верхние ряды аудитории, здесь все сидят на виду у лектора и жадно ловят каждое его слово.

А молодая женщина-социолог рассказывала о том, что каждая семья проходит в своем развитии четыре главные фазы по десяти лет, и самая трудная фаза наступает, когда родители уходят на пенсию, а взрослые дети покидают дом. История, которую рассказала лектор, вызвала дружный смех. Двое долго прожили вместе. Увлеченно работая, они вырастили своих детей и никогда всерьез не ссорились, но ушли на пенсию — и пошла ссора за ссорой. Спрашивают: в чем причина? Ответ: «Прежде целый день мы работой были заняты, а дома — детьми, вот и не было времени приглядеться друг к другу. Теперь остались наедине, и выяснилось, что у нас не подходят характеры». И это после тридцати лет счастливой супружеской жизни!

Лектор произносит «модель семьи», а для них, этих студентов, за «моделью» семьи встают споры с детьми и внуками, бессонные ночи и мысли: а вдруг ты уже в тягость домашним? Тезис социолога — «семья, из которой ушли взрослые дети, должна искать почву для воссоединения» — вызывает шумный интерес. Заманчивое предложение, но как его осуществить? «Можно жить врозь с детьми, но разделять их заботы и интересы,— объясняет лектор.— И поменьше нотаций, поменьше указаний, тогда вам не придется заманивать детей в гости — они сами будут к этому стремиться!» Но ведь бывает, что два поколения живут под одной крышей и не находят контактов: как тут быть? Социолог советует: «Ни в коем случае не выплескивайте накопленное за день раздражение и усталость на младших! Напротив, ободрите их, ведь от старших прежде всего зависит создание спокойной, дружелюбной атмосферы в доме! И еще один совет: старайтесь не очень часто жаловаться на свои болезни. Лучше расскажите о своих тревогах врачу, пользы будет больше!»

Когда же речь зашла об одиночестве пожилого человека, в аудитории воцарилась тишина. Исследования геронтологов и социологов ободряли: одиночество не зависит от наступления старости и пенсионного возраста. Одиночество — зачастую следствие образа жизни человека. Ведь можно стать одиноким и в тридцать лет! Стремитесь быть полезными для семьи, для друзей и соседей, и вы не узнаете одиночества! Статистика утверждает: в ГДР каждый человек от 50 до 80 лет может жить полезно, интересно, и не только в заботах о детях и внуках.

Звенит звонок. В перерыве между лекциями подхожу к студентке, сидевшей неподалеку от меня, и прошу ответить на несколько вопросов. «Пожалуйста, с удовольствием!» — улыбается 82-летняя фрау Якоби.

— Что привлекает вас в этой учебе? Ведь в вашем возрасте нелегко приезжать вечерами сюда, в «Шарите»?

— И правда нелегко! А все-таки среда и воскресенье стали моими самыми любимыми днями недели. Я еду сюда, даже когда мне нездоровится. И знаете почему? Всю жизнь я хотела учиться, но так сложилась судьба, что было не до учебы. Я была портнихой, жила в маленьком городке неподалеку от Берлина, и когда Советская Армия изгнала фашистов, помню, русский комендант сказал: «Учитесь теперь сами строить новую жизнь!» Я стала коммунистом, потом работала, но всерьез учиться так и не нашлось времени. У меня дочка, трое внуков и четыре правнука, и я стараюсь не отставать, быть в курсе их жизни и жизни моей страны. Я уверена: учиться никогда не поздно, даже, наоборот, сейчас мне стало жить гораздо интереснее.

Еще два коротких интервью. Мартину Хофманну 77 лет, а по профессии он юрист. Анне Пойпельман — 72, она была служащей.

— Для меня поездки в «Шарите» стали потребностью,— сказал Мартин Хофманн.— Почему? Во-первых, я снова почувствовал себя в коллективе, а это так важно! Когда ты уходишь с любимой работы и становишься пенсионером, возникает пустота, и эти занятия помогают мне ее заполнить с пользой.

— И я так думаю, как Мартин!— поддержала его фрау Пойпельман.— У меня была та же тоска по делу и по людям, а здесь, видите, какая у нас отличная компания. А сколько полезных советов мы слышим от умных, знающих людей. Взгляните на наш лекционный план. «Активный труд и старость», «Туризм, путешествия, спорт для пожилых», «Как правильно питаться пожилым», «Законодательство ГДР о пенсионерах»... Я уже сейчас заранее горюю, что учеба рассчитана только на два года!

ШТАБОМ КОМАНДУЕТ ФРАУ ЛОТТА

На дверях обыкновенного берлинского дома в рабочем районе Пренцлауэрберг табличка: «Районный комитет «Народной солидарности». Сюда я пришла, чтобы узнать, как работают «бригады помощи на дому». Районный штаб занимает несколько комнат. В одной из них за письменным столом, заваленным коробками в нарядной упаковке, хлопочет худенькая миловидная блондинка в аккуратном фартучке. Это и есть Лотта Шульц, командир районного штаба.

— Собираемся отправлять подарки для наших именинников,— объясняет фрау Лотта и снимает фартук.— В коробках традиционный пирог и сувенир по вкусу...

— И сколько же вы готовите подарков?

— Ровно столько, сколько у нас пенсионеров,— тридцать девять тысяч!

Меня заинтересовало, каким же образом удается быть в курсе жизни каждого пенсионера? И я узнала, что на каждой улице и в каждом доме есть уполномоченные организации, тоже пенсионеры, разумеется. Они создают картотеку на своих подопечных, и в нее заносят сведения о состоянии здоровья, дне рождения, вкусах и привычках пожилого человека. Один экземпляр картотеки уполномоченный оставляет себе, другой передает в районный штаб.

По просьбе фрау Лотты одна из сотрудниц приносит несколько папок и кладет передо мной на стол. Наугад раскрываю одну из них и узнаю, что Гертруда Рейхель, 76 лет, живет одна, страдает тяжелой болезнью и потому бесконечно благодарна районному комитету за домашнюю помощь, которую она регулярно получает. Помощь на дому «Народная солидарность» осуществляет в тесном взаимодействии с местными народными советами, сотрудниками здравоохранения и социального обеспечения, обществом Красный Крест и всеми массовыми организациями, объединенными в Национальном фронте.

— Сколько же члены бригады получают в месяц?

— Оплата «помощи на дому» почасовая, а те, кто давно состоит членом «Народной солидарности», получают больше за свой труд, чем новички.

Лотта Шульц протягивает мне бланк, где расписана стоимость всех домашних услуг. Такие бланки рассылаются тем, кто заинтересован в помощи на дому.

— Сколько в вашем районе активистов, которые входят в бригады домашней помощи, и какого они возраста?

— Около 400 человек в возрасте от 20 до 80 лет.

Самой Лотте Шульц недавно исполнилось 50 лет, а здесь, в районной организации, она работает уже шестнадцать лет. Я спрашиваю у нее, чем привлекает людей такое нелегкое дело, как домашняя помощь.

— А знаете, когда-то и я пришла в такую бригаду. Была продавщицей, потом один за другим появились двое детей, и когда мне предложили в комитете помогать пожилым людям, чтобы немного поддержать свой семейный бюджет, я решила— попробую. Среди наших помощников много молодых мам и много одиноких пожилых людей, которые наделены неплохим здоровьем. Они сами к нам приходят и предлагают помощь. Во-первых, потому, что хотят быть полезными, во-вторых, тут у них организуется коллектив и жить как-то интереснее, да и дополнительные деньги тоже не помешают!

— Но чаще всего бригады обслуживают лежачих больных, и чтобы ухаживать за ними, нужны специальные медицинские знания?

— Конечно, нужны! И мы это учитываем, действуем совместно с районным Красным Крестом, который организует курсы для членов бригад домашней помощи. Причем их обучают не только делать инъекции, оказывать необходимую медицинскую помощь, а также готовить лечебное питание.

Лотта вспоминает: в те годы, когда она

впервые сюда пришла, еще не было в таких масштабах помощи на дому и не было организовано питание для одиноких пенсионеров. А сегодня они обеспечивают питанием на дому 450 человек, да и в клубе «золотого возраста» всегда можно пообедать: в районе 18 столовых и ресторанов, с которыми этот штаб заключил договора.

Спрашиваю командира штаба, что будет, если вдруг «Народная солидарность» перестанет действовать.

— Это будет катастрофа!— без колебаний отвечает она.— У нас в стране никто просто не представляет своей жизни без этой организации. «Народная солидарность» вошла в наше сознание с детства, и нашу молодежь мы воспитываем в духе уважения и помощи пожилым людям. Каждая районная организация заключает договор с районной организацией юных тельмановцев, и школьники считают своим долгом поздравить стариков, живущих в их доме, с днем рождения, сбегать для них за булкой и молоком или принести ведро брикетов для отопления. «Народная солидарность» — это уже больше чем традиция, это наша жизнь! Мы ведь не просто опекаем пожилого человека, мы вовлекаем его в активную, полезную стране и обществу жизнь. Запишите такую цифру: ежегодно пенсионеры нашего района отрабатывают 265 тысяч часов на озеленении дворов и улиц, сборе вторичного сырья. А наша бригада пенсионеров-столяров славится на весь район. Старость может стать интересной, если человек не отсиживается в своем доме, а приходит сюда к нам и говорит: «Располагайте моими знаниями и опытом, я готов служить людям!»

ВСТРЕЧА С ВЕСЕЛЫМИ «ФИЛИНАМИ»

Однажды по телевизору показали передачу с участием кабаре пенсионеров, и эта передача вызвала много оживленных разговоров. Все были единодушны: «Молодцы старички, показали, как можно от души веселиться!» Вскоре кабаре «Филины» было присвоено звание выдающегося коллектива художественной самодеятельности.

Я решила познакомиться с «филинами», и они назначили мне встречу у себя в клубе «Народной солидарности» в районе Центр — Берлин.

Клуб занимал четыре комнаты на первом этаже старого здания. В гостиной всего несколько человек коротали время у телевизоров. «Пиковое время — вторая половина дня»,— пояснила директор клуба жизнерадостная розовощекая блондинка Карин Кнаак и, узнав, что мы с коллегой из «Фрайе вельт» не успели пообедать, тут же усадила за стол. Обед был простым, но аппетитным и стоил очень дешево. «Понравилось? — обрадовалась Карин.— Обед нам привозят из центральной кухни, где готовят для школьников и пенсионеров. Кофе, чай, печенье — наша забота. А в праздничные дни мы обязательно угощаем гостей своими специальными, фирменными блюдами».

Директору клуба 38 лет, она работает здесь четыре года, а кроме нее, только еще двое сотрудников получают зарплату. Остальные — добровольные помощники, они помогают раздать обеды, убрать, вымыть посуду. И незаменимы, когда в клубе проходят викторины и вечера танцев.

— Да, да!— улыбается Карин.— У нас любят потанцевать, вообще в месяц мы проводим до полутора десятков разных мероприятий.

Клуб открыт с 9 до 6 вечера, но Карин честно призналась, что крайне редко ей удается уйти домой вовремя.

— Люди не хотят расходиться, и все тут! Мы вместе придумываем и организуем много интересных дел...

Прежде она работала в аптеке, потом увлеклась пением и стала актрисой, а теперь полюбила новое дело и считает, что нашла наконец свое настоящее призвание.

Спрашиваю у Карин, где она может получить совет, как вести дела в клубе.

— Во-первых, у нас есть специальная комиссия, где мы обсуждаем все свои проблемы, включая денежные. А во-вторых, в районном комитете «Народной солидарности» существует консультационный центр для руководителей клубов, где тебе всегда придут на помощь.

За разговором мы не заметили появления «филинов». Они подошли к нашему столику и весело окликнули директора.

— Вот она, наша славная четверка ведущих артистов! Иоанна Касперски, ее подруга Хильдегард Хайнц и двое приятелей, Рудольф Шпорледер и Эрих Хейнрици,— представила нам пришедших Карин.— А это Герберт Берге, художественный руководитель нашего кабаре.

С шутками «филины» рассаживаются за столом, нам приносят чай с печеньем. Я поинтересовалась, как родилась идея создать кабаре для пенсионеров с их участием. «Это наша Карин, молодчина, придумала!— рассказывает 54-летний Герберт Берге.— В клубе я помогал устраивать вечера самодеятельности, это была моя шефская работа. Однажды Карин сказала: «А что, если нам организовать программу своего кабаре? Ведь у нас много отличных номеров! Поможешь?» Я ответил: давай попробуем! Наши «артисты» с восторгом поддержали идею кабаре с участием пенсионеров от 65 до 85 лет.

— Ну мы-то с моей подружкой Хильдегард молоденькие, мы только вышли на пенсию,— вступает в разговор фрау Иоанна.— Знаете, как я стала актрисой? Моя дочка услышала про клуб и говорит: «По-моему, мать, там собрались энергичные люди, только тебя и не хватает. Сходи разузнай как следует, что там делается». Я пришла, разузнала, и... теперь дочка ворчит: «Ты, мать, совсем дома не бываешь, все в клубе пропадаешь!» А я ей отвечаю: «Когда смерть за мной придет, я скажу: «Дай-ка я сначала сбегаю в мой клуб с «филинами» проститься!»

Иоанна Касперски, как и многие в клубе, к тому же еще член бригады домашней помощи. Вот уже шесть лет она опекает двух тяжелобольных пенсионеров.

— Как же вы повсюду успеваете?

— А разве вы не знаете,— смеется она,— у пенсионеров всегда найдется свободное время! Сколько лет я на свете прожила, сколько разных дел переделала, но только теперь, в нашем кабаре, узнала, чем бы я хотела заниматься всю жизнь. Ведь мы сами пишем тексты для наших выступлений, сами ищем и находим острые сюжеты из жизни стариков для своей программы. И вот что я вам скажу: прежде, когда я дома сидела да боялась, как бы не простудиться, я сама себя старушкой чувствовала. А нынче? Ничего подобного! Мои шестьдесят семь лет — чепуха, а не возраст. Нашему Рудольфу Шпорледеру уже семьдесят пять стукнуло, а на последнем вечере он с пятью партнершами танцевал вальс. Верно я говорю, Руди?

— Верно!— отвечает высокий седовласый берлинский инженер.— Я тоже, когда ушел на пенсию, сказал себе: зачем тебе сидеть в четырех стенах, сходи-ка в клуб «Народной солидарности». Много лет на заводе был активистом «Народной солидарности» и даже награжден серебряной медалью этой организации. Это непросто — перешагнуть из жизни, где у тебя было любимое дело, в спокойную старость. И многие пенсионеры заболевают оттого, что не готовы к этой новой жизни.

Самый старший из «филинов» Эрих Хейнрици — ему 85 лет. Вот уже двадцать лет он активист районного комитета «Народной солидарности», а в этом клубе — с первых дней его создания.

— Главная польза таких клубов,— говорит он,— в том, что тут каждый чувствует себя в коллективе, а это в старости важнее всего! Клуб — мой второй дом, где у меня есть друзья и есть заботы. Я член клубной комиссии и помогаю нашей милой Карин чем могу. В прошлом я работал на телевидении, и потому создание кабаре «Филины» очень пришлось по душе...

— Когда Эрих Хейнрици переехал на другой конец Берлина, мы волновались: как без него будем?— говорит Карин Кнаак.— Теперь он больше часа тратит, чтобы добираться сюда, но говорит, что пока ноги ходят, он будет в нашем клубе!

В минувшем году «филины» дали пятьдесят концертов. В минувшее воскресенье выступали во Дворце пионеров, в ближайшую среду будут на заводе в Шёневальде и в Доме моды. А сегодня специально для нас «филины» решили показать несколько номеров из своей последней программы. Уже восемь вечера. Клубное время закончено, и мы единственные зрители веселого спектакля, который начинается песенкой:

Мы, «филины», живем в столице,
Стареть, дряхлеть нам не годится!
Вам обещаем рассказать,
Как снова молодыми стать!

Берлин — Москва.

Леонид КОРЯВИН

...Кровавую оргию, устроенную израильской военщиной, никогда не забудут и не простят не только палестинский, но и другие народы.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Кажется, совсем недавно, подплывая к Бейруту, я любовался его яркой панорамой. Белые домики с красными черепичными крышами, словно асимметрично разбросанные кубики, чередовались со взметнувшимися ввысь не-

Безмерно горе палестинских и ливанских женщин. Телефото ЮПИ — ТАСС

НДАЛИЗМ

Мир потрясен, мир возмущен изуверством израильских захватчиков, которые возвели в ранг своей государственной политики разбой, агрессию, террор. Мировая общественность справедливо квалифицировала клику Бегина — Шарона как клику военных преступников, а ее действия — как тягчайшее преступление против человечества.

То, что совершила израильская военщина в Ливане,— это не только агрессивная акция, но и неприкрытый акт геноцида, когда кровавым путем уничтожения целого народа хотят прийти к тому, чтобы установить господство над ним и его землями. Мировое сообщество не может мириться с тем, что в восьмидесятые годы XX столетия свершаются преступления, которые схожи лишь с набегами варваров, бесчинствами фашистских извергов. Массовое уничтожение мирного населения, концентрационные лагеря, жестокая оккупация с выстрелами патрулей без предупреждения, с захватом заложников, с убийствами без суда и следствия — все это мир уже видел. Знаем мы и конец пути тех, кто проповедовал человеконенавистнические теории. Но кое-кто, как видим, не пожелал сделать выводов из уроков истории, попытался вновь поднять над своими военными колоннами обветшалый штандарт агрессии и разбоя.

Еще на рубеже пятидесятых годов, когда мир отделяло всего несколько лет от конца трагедии второй мировой войны, после того, как в Нюрнберге под преступлениями фашизма подвели черту правосудия и справедливости, нынешний премьер-министр Израиля Бегин, а тогда руководитель террористической организации «Иргун цвей леуми», бросил такой клич: «В Палестине нет места для двух народов... Единственным решением является Палестина без арабов... Не существует иного пути, как депортация арабов в соседние страны, всех без исключения».

И сионисты стали устанавливать «новый порядок» на Ближнем Востоке. Они силой изгоняли сотни тысяч палестинцев с родной земли, а когда те нашли временный приют в соседних странах, например, в Ливане, их и там настиг израильский топор. Главная цель агрессии Тель-Авива заключалась в том, чтобы уничтожить Палестинское движение сопротивления и ливанские Национально-патриотические силы. Варварская акция Израиля — это вместе с тем и прямая угроза всему арабскому миру, которому, как никогда, необходимо сейчас прочное единство для защиты своих национальных целей и чаяний.

Но израильским агрессорам и их заокеанским покровителям не удалось ни огнем, ни мечом перечеркнуть палестинский вопрос, снять его с повестки дня, вообще ликвидировать палестинскую проблему. Против палестинцев был брошен мощный военный кулак, обширный арсенал вооружений. Истекая кровью, палестинцы проявили подлинный героизм, защищая жизнь своего народа. И мы являемся сегодня свидетелями того, как неизмеримо повысился авторитет Организации освобождения Палестины, ее политический вес. Конечно, трагедия Ливана не закончилась. Впереди еще немало суровых испытаний.

боскребами отелей, минаретами мечетей, башенками церквей. Всегда поражали цвета, резко контрастирующие, создающие неповторимую картину...

Сегодня у Бейрута один цвет — черные полосы пожарищ легли на его руины. Смерч войны, проносящийся над Ливаном, превратил в пепелища палестинские лагеря, стер с лица земли целые кварталы Западного Бейрута, где мертвыми глазницами смотрят на вас скелеты домов на авеню Мазры, на набережной Рамет эль-Бейды. Мир буквально содрогнулся, когда после ухода из Бейрута палестинских бойцов туда ворвались израильские головорезы и убийцы из отрядов раскольника Хаддада. Они устроили в палестинских лагерях Сабра и Шатила кровавую оргию, безжалостно уничтожив женщин, стариков, детей.

...Не так давно в древних храмах Баальбека у шести колонн Юпитера звучали величественные аккорды Моцарта и Вивальди, Чайковского и Гайдна. Со всех концов света на ежегодные всемирно известные фестивали туда съезжались тысячи людей, чтобы воздать должное музыкальной классике...

Сегодня рядом с Баальбеком в ливанской долине Бекаа гремит орудийная канонада, земля содрогается от разрывов ракет, небо оглашает вой турбин израильских «фантомов». После варварских налетов на Западный Бейрут они продолжают сеять смерть здесь, на широких просторах Бекаа — этой «житницы Ливана», уходящей далеко к самым отрогам легендарной Горы Шейха, которая во все времена года увенчана белоснежной шапкой.

...В глубине веков скрывается первое упоминание о Тире — торговом бастионе древней Финикии, величественном памятнике ее материальной культуры. Это о нем так поэтично поведал старинный папирус: «Тир! Ты говоришь: я совершенство красоты! Пределы твои в сердцах морей... Из сенирских кипарисов сооружали храмы твои, из ливанских гор брали кедр, чтобы взметнуть к небу мачты твоих кораблей...»

Сегодня Тир — город мертвых. Это он — одним из первых — подвергся налетам израильских самолетов, это сюда ворвались первые колонны танков «меркава», гусеницы которых превратили в груды камней древнеримские колонны, украшавшие набережные этого города-памятника. Тир, как и Сайда, Набатия, Дамур, как и целые кварталы Западного Бейрута, лежит сейчас в руинах, под которыми погребены тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей.

Трагедия Ливана глубокой болью отдалась в сердцах миллионов и миллионов людей планеты.

Но весь мир увидел мужество и стойкость палестинцев, ливанцев, сирийцев, увидел, что преступная акция Тель-Авива и Вашингтона обернулась для них внушительным политическим и моральным поражением.

Мировая общественность справедливо квалифицировала Соединенные Штаты как соучастника агрессии в Ливане. Вашингтон не только не попытался сдержать израильских захватчиков, но фактически бросил Ливан под ноги Израилю, под кэмп-дэвидскую военную колесницу. Сегодня стали очевидными цели того «мира», который США и Израиль хотели бы навязать арабским странам,— прежде всего это военный диктат агрессора над жертвой агрессии. Хотя инициаторы сговора в Кэмп-Дэвиде и стремились приукрасить свои акции декором «миротворчества», на поверку оказалось, что был сколочен военно-стратегический альянс, цель которого — наносить удары по национально-освободительным силам на арабском Востоке.

Трагедия Ливана окончательно развеяла ту дымовую завесу, которой Вашингтон хотел скрыть свой коварный ближневосточный курс. Вспомним, как вели себя Соединенные Штаты все это время. Прежде всего они были информированы о готовящемся вторжении в Ливан; более того, они дали «зеленую улицу» захватчикам. В канун агрессии в Вашингтоне, как известно, появился израильский министр обороны Шарон, который, как иронически заметили журналисты, вел со своим коллегой Уайнбергером разговоры не об учетных банковских ставках, не о курсе доллара и израильского шекеля.

Сегодня США пытаются извлечь максимум выгоды из ливанской трагедии и прежде всего усилить свое военное проникновение на Ближний и Средний Восток.

Бейрут содрогался от взрывов ракет, выпущенных израильскими пилотами с американских «фантомов». На щедрых американских субсидиях, всякого рода «пожертвованиях» американского сионистского капитала была вскормлена и выросла израильская военная машина. Именно американские дипломаты выступили в позорной роли адвокатов, пытаясь обелить в ООН военные преступления Израиля. Официальный Вашингтон направил на Ближний Восток своего эмиссара Хабиба, миссию которого назвал «миротворческой», выдав ее чуть ли не за «единственно спасительную» для судьбы охваченного трагедией Ливана. Но события показали, что дипломатической визиткой пытались прикрыть военные мундиры израильских агрессоров и американских «сил быстрого развертывания», которые дислоцировались в ближневосточном регионе, тщательно координируя свои действия с Тель-Авивом в рамках пресловутого «стратегического сотрудничества». Хабиб действовал только в интересах США и Израиля, и убедительные факты подтвердили этот единственно правильный вывод.

И сейчас Вашингтон, делая вид «беспристрастного наблюдателя», пытается доказать, что, дескать, ищет пути для решения ближневосточной проблемы. Но это очередные неблаговидные маневры, тщательные попытки вновь распропагандировать пресловутый «сбалансированный» курс, который якобы проводят на Ближнем Востоке Соединенные Штаты. Но разве можно всерьез говорить об американских «предложениях», которые порочны в своей основе? Взять палестинскую проблему — сердцевину ближневосточного урегулирования. Что практически предлагают США для ее решения? Ничего конкретного. США отрицают право палестинцев на самоопределение и создание собственного государства. Все их «решение» сводится к обещаниям так называемой «административной автономии» для палестинцев под полным контролем Израиля. Более того, в американских «предложениях» не нашлось ни одного слова о единственном законном представителе арабского народа Палестины — ООП.

Естественно, что все это не может ни в коей мере способствовать ближневосточному урегулированию, нормализации обстановки в этом взрывоопасном регионе, где в развалинах лежат ливанские города с погребенными там тысячами и тысячами людей, где и сейчас гремят выстрелы и льется кровь.

Но путь к миру на Ближнем Востоке не закрыт. И мир должен прийти в многострадальный Ливан, на холмы Голанских высот, под оливы, раскинувшиеся у берегов Иордана! Агрессор должен быть остановлен и сурово наказан! Справедливость должна восторжествовать!

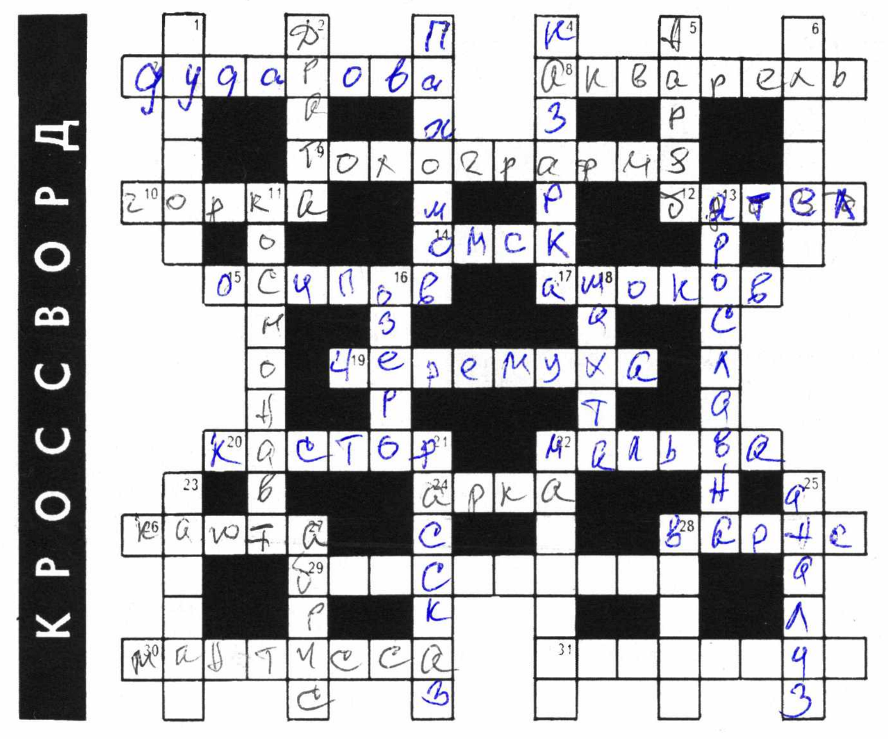
В эти дни суровых испытаний Ближнего Востока, дни трагедии палестинцев и ливанцев, во всем мире с огромным вниманием встретили новую важную внешнеполитическую инициативу Советского Союза. Она выдвинута Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым. В концентрированной форме советская инициатива излагает план всеобъемлющего, действительно справедливого и по-настоящему прочного урегулирования для истерзанного империалистической агрессией Ближнего Востока.

Выступая 15 сентября с речью в Кремле, товарищ Л. И. Брежнев заявил, что справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке может и должен основываться на принципах, соответствующих как общим нормам международного права, так и конкретным решениям Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, относящимся к данной проблеме.

Основополагающие принципы ближневосточного урегулирования, выдвинутые главой Советского государства, вновь и вновь показывают, как последовательна, честна и конструктивна позиция СССР, отвечающая интересам народов Ближнего Востока, интересам всего человечества.

На всех континентах слышатся сегодня решительные слова: израильских агрессоров и их покровителей — к позорному столбу! Прекратить кровопролитие!

Мир—Ближнему Востоку! Мир— многострадальному Ливану!

По горизонтали: 7. Дирижер, народная артистка СССР. 8. Краски, разводимые водой. 9. Метод получения объемного изображения. 10. Фигура высшего пилотажа. 12. Лесная птица. 14. Областной центр в РСФСР. 15. Советский исполнитель-виртуоз на балалайке. 17. Народный писатель Туркмении. 19. Декоративное дерево, кустарник, медонос. 20. Звезда в созвездии Близнецов. 22. Рассказ М. Горького. 24. Дугообразное перекрытие между двумя опорами. 26. Помещение на судне для пассажиров, экипажа. 28. Порт в Болгарии. 29. Казахская певица, народная артистка СССР. 30. Дробная часть десятичного логарифма. 31. Радиоактивный химический элемент, металл.

По вертикали: 1. Маршал Советского Союза. 2. Плавучий горно-обогатительный агрегат. 3. График и живописец, народный художник СССР. 4. Дикая утка. 5. Подразделение на корабле, в гарнизоне для несения караульной службы. 6. Горная порода. 11. Путешественник, совершающий полеты во Вселенной. 13. Действующее лицо в опере А. П. Бородина «Князь Игорь». 16. Естественный водоем. 18. Горно-промышленное предприятие. 21. Прозаический жанр. 22. Итальянский живописец XIV века. 23. Животное семейства дельфиновых. 25. Метод научного исследования. 27. Очертания предмета. 28. Снасть судового такелажа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 1. Калуга. 4. Карета. 7. Барельеф. 9. Шлемофон. 11. Нартов. 13. Лазер. 14. «Тамара». 16. Рынок. 17. Росси. 18. Орион. 19. Сатин. 21. Арагви. 23. Ирбис. 24. Творог. 26. Тарасова. 28. Аэропорт. 30. Соболь. 31. Снаряд.

По вертикали: 1. Карабин. 2. Устье. 3. Асафьев. 4. Конверт. 5. Руссо. 6. Антенна. 8. Фалеристика. 9. Широконоска. 10. Озон. 12. «Обломов». 15. Антонов. 20. Туба. 21. Автобус. 22. Иноходь. 24. Турнепс. 25. Готланд. 27. Асино. 29. Пемза.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Будет душистый чай... Уборка чайного листа в совхозе «Ингири» Зугдидского района Грузинской ССР. * Вот какое чудесное панно украшает фуникулерную станцию в городе Сигнахи.

Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рыбаки зорюют * Вся краса в одной корзине.

Фото В. Матвеева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

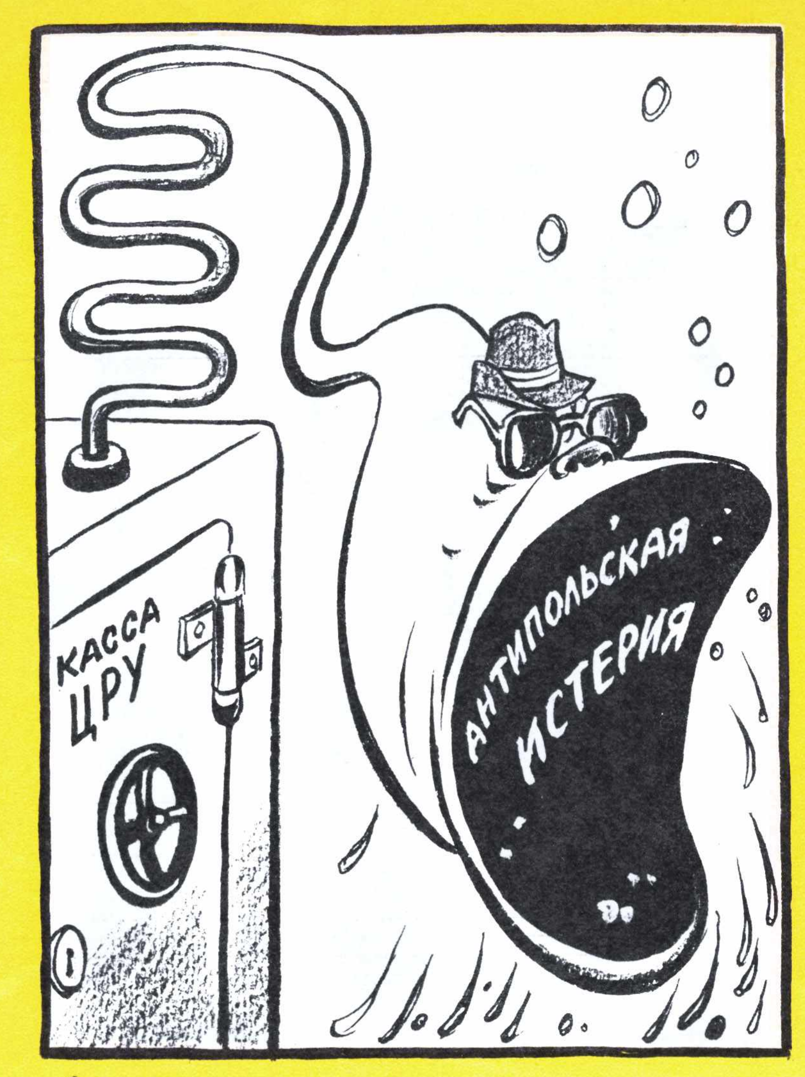
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 06.09.82. Подписано к печати 21.09.82. А 01151. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2079. Заказ № 2996

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

США: лицемерят

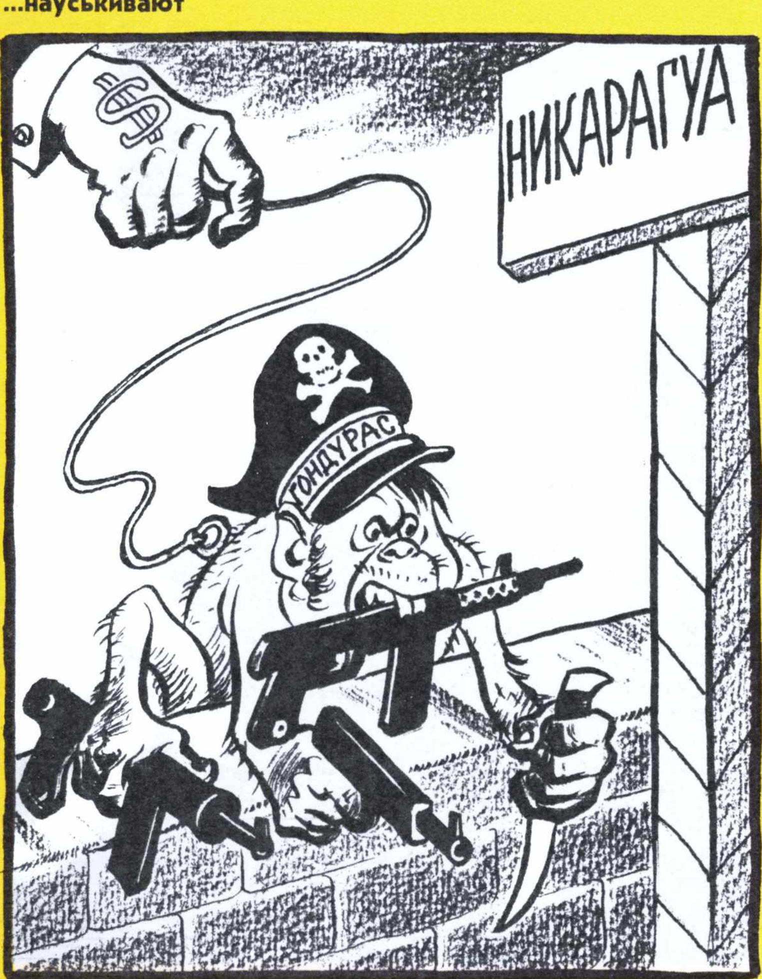

...беснуются

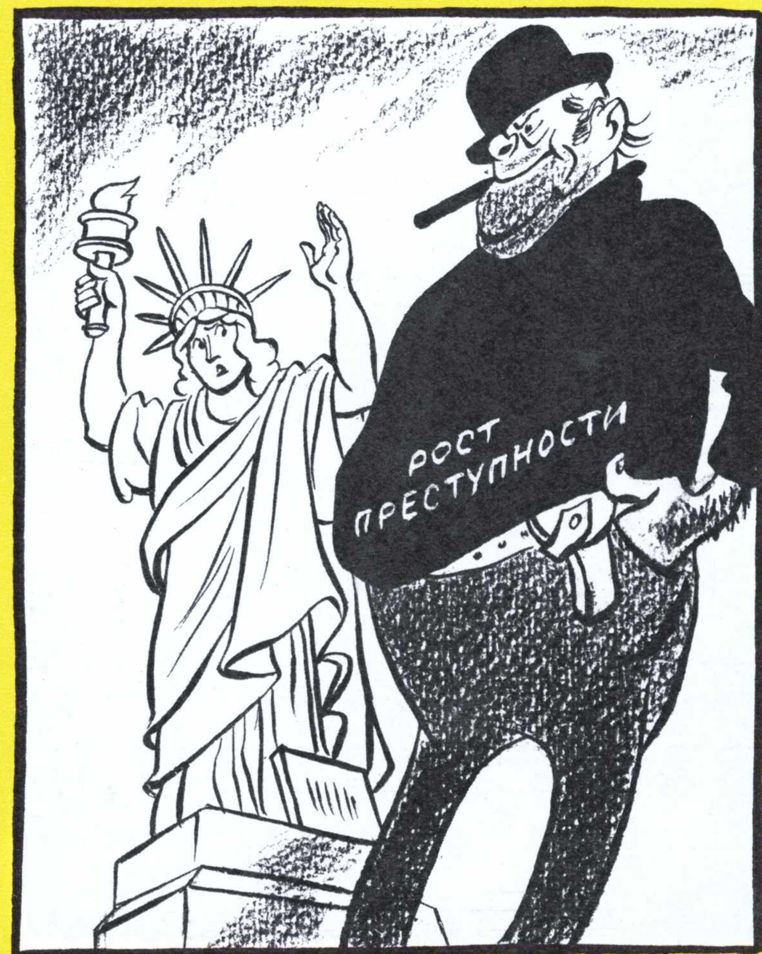
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

...наськивают

...представляют «свободный мир».

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663